

ЭКСМО-КЛАССИКА

The illustration depicts a surreal scene where a man in a green military uniform stands on a blue globe. He is surrounded by various elements: a woman in a white uniform with a rifle, a woman in a black and red outfit with a whip, a rocket with a red nose cone, and several yellow cylindrical objects. The background is a bright blue sky with a white moon. The entire scene is framed by a black border.

ТОМ
ШАРП

Звездный час Ушката

Annotation

Генри Уилт — скромный преподаватель колледжа — побывал в невероятных переделках и с честью вышел из них. И вот наступил его звездный час. Строптивая жена укрощена, его давний враг, тупоголовый инспектор Флинт, посрамлен, и даже своим четырём дочерям-близняшкам он продемонстрировал отцовский авторитет. А колледж, из которого его уволили бы с превеликим удовольствием, теперь обязан своим благополучием именно ему, Генри Уилту.

Содержание

Том Шарп

Звездный час Уилта

«Увы, минули дни златые» — подумал Уилт. К заседанию комиссии по финансовым и общим вопросам эта мысль прямого отношения не имела, но не все же забивать голову делами. Пятый год на заседаниях комиссии повторялась та же история. Доктор Мэйфилд вставал и объявлял:

— Мы должны приложить все силы, чтобы дела Фенландского колледжа гуманитарных и технических наук пошли в гору!

— Откуда тут взяться горе? Взгляните на карту: в округе ни одной возвышенности, — возразил доктор Борд. Чтобы совсем не сбиться с панталыку, он предпочитал понимать все буквально. — Колледж был открыт в 1895 году, и с тех пор...

— Вы прекрасно меня поняли, — отрезал доктор Мэйфилд. — Главная беда в том, что колледж дошел до ручки.

— До чьей? — любопытствовал доктор Борд. Доктор Мэйфилд повернулся к ректору.

— Я хочу сказать... — начал он, но неумный доктор Борд продолжил его мысль:

— ...Что колледж смахивает не то на шишку на ровном месте, не то на подхалима, который всем подряд лобызает ручки. А может, и на то и на другое.

Ректор вздохнул и подумал: «Скорее бы на пенсию».

— Доктор Борд, — произнес он, — наша главная задача — решить как сохранить структуру учебного курса и штатное расписание в условиях, когда местный комитет народного образования и правительство пытаются превратить Колледж в придаток Министерства по вопросам безработицы.

Доктор Борд поднял бровь:

— Вот как? А я-то думал, наша главная задача — учить. Может, я ошибаюсь, но, когда я выбирал профессию, я собирался преподавать. Теперь оказывается, я должен заботиться о сохранении... как ее?... структуры учебного курса и штатного расписания. Проще говоря, чтобы у всех преподавателей была работа.

— И у преподавательниц, — вставила заведующая кафедрой кулинарии, которая до сих пор слушала не слишком внимательно. Доктор Борд окинул ее взглядом и вполголоса добавил:

— А также у двух-трех существ неопределенного пола. И если доктор Мэйфилд...

— ...Будет продолжать в том же духе, — подхватил ректор, — мы и до обеда не управимся.

Но доктор Мэйфилд продолжал в том же духе. Отвернувшись к окну, Уилт разглядывал новый корпус факультета электротехники и уже в который раз недоумевал: что за пропасть такая эти комиссии? Собираются неглупые люди с университетским образованием, и начинаются споры, ссоры — тоска зеленая. Все только для того, чтобы блеснуть красноречием и утереть нос коллегам. И чем только эти комиссии не занимаются. Прежде Уилт приходил на работу и учил — или, по крайней мере, пытался заинтересовать своим предметом — будущих токарей и слесарей, а то и штукатуров с печатниками. Если это ему не удавалось, то вечером он утешал себя тем, что хотя бы сам чему-то у них научился.

Теперь все по-другому. Даже кафедра, которой он заведует, вместо кафедры гуманитарных наук стала называться кафедрой навыков общения и мастерства самовыражения. Теперь Уилту приходится часами просиживать на заседаниях комиссий,

строчить докладные записки и так называемые методические справки или самому читать столь же бессмысленные документы, состряпанные на других кафедрах. И так во всем Гуманитехе. Заведующий кафедрой строительства, у которого орфография хромала на обе ноги, вынужден был обосновывать необходимость групп штукатуров и каменщиков и накатал тезисы для обсуждения. Тезисы заняли сорок пять страниц. Называлась эта нетленка «Модульное проектирование и использование внутренних поверхностей здания». Свет не видывал бумаги зануднее и безграмотнее. Доктор Борд посоветовал направить этот шедевр в Королевский институт британских архитекторов, дабы автор смог получить дотацию на исследования в области архитектурной семантики — или цементики. Не меньше шума наделала монография заведующей кафедры кулинарии «Диетологический аспект многофазового продовольственного снабжения». Доктор Мэйфилд просил изъять из нее слишком частые упоминания о бабах и о роме, поскольку кое-кто может их неверно истолковать. Со своей стороны доктор Кокс, заведующий кафедрой естественных наук, поинтересовался, как понимать словцо «диетологический». Разве у диеты своя логика? И какого черта Мэйфилд привязался к ром-бабам? Доктор Кокс ест их с детства и не видит в этом ничего зазорного. Доктор Мэйфилд объяснил, что понял это слово не так. А тут еще заведующая кафедрой кулинарии ни с того ни с сего бросилась уверять, что она не феминистка, и пошло-поехало. Что на том заседании, что на этом Уилт только слушал препирательства и удивлялся: отчего нынче все так уверены, будто от перемены названия меняется и суть? Ну назовем мы повара «практикующим кулинарологом», но он ведь так и останемся поваром. И что с того, что газопроводчик станет «специалистом по газоинженерии»? Учился-то он все равно на газопроводчика.

Уилт уже было прикидывал, скоро ли его самого обзовут «педагогом-просветителем», как вдруг до его слуха донеслись лирические рассуждения о проблеме «контактных часов».

— Если мне предоставят сводку покафедрального распределения нагрузки в аудиторных контактных часах, — заливался доктор Мэйфилд, — мы сможем подвергнуть компьютерному анализу те разделы программы, из-за которых нынешнее штатное расписание не отвечает режиму экономии.

Заведующие кафедрами озадаченно молчали. Доктор Борд фыркнул, и ректор угодил в эту ловушку.

— Ну, Борд? — спросил он.

— Так, ничего особенного, — ответил заведующий кафедрой новых языков. — Впрочем, спасибо, что поинтересовались моим мнением.

— Но Вы же поняли, о чем проект доктора Мэйфилда.

— Догадался. Только потому, что работаю здесь не первый год и научился разгадывать словесные ребусы. В данном случае меня смутило выражение «аудиторные контактные часы». Насколько я понимаю слово...

— Доктор Борд? — взмолился ректор, жалея, что не может сию же минуту уволить нахала. — Разве так трудно сказать, сколько контактных часов в неделю имеет каждый преподаватель вашей кафедры?

Доктор Борд для вида полистал записную книжку.

— Ни одного. — сообщил он наконец.

— Ни одного?

— Именно так.

— Вы хотите сказать, что преподаватели вашей кафедры занятия не ведут? Вранье! Если

бы...

— О занятиях и речи не было. Доктор Мэйфилд спросил, сколько аудиторных...

— Черт с ними, с аудиторными. Он имел в виду практических.

— Я так и понял. Но если бы кто-нибудь из моих преподавателей вздумал шупать студентов, я бы не то что часа — и минуты...

— Борд! — зарычал ректор. — И моему терпению есть предел! Отвечайте на вопрос.

— Я уже ответил. «Контакт» означает прикосновение. Значит, «контактный час» — это час, когда кого-нибудь трогают. Проверьте в любом словаре: «контакт» происходит от латинского *contactus*, неопределенная форма глагола — *contigere*, причастие прошедшего времени — *contactum*. С какой стороны ни зайди, смысл один: «прикосновение». При чем тут учеба?

— Господи боже мой! — ректор стиснул зубы. Но доктор Борд не унимался:

— Я, правда, не знаю, какие методические приемы использует на занятиях доктор Мэйфилд. Может, он считает нужным в педагогических целях лапать учащихся, но на моей кафедре...

Ректор взорвался:

— Прекратите немедленно! Всем заведующим подсчитать, сколько часов отводится на занятия по их кафедре, и представить мне справку в письменном виде.

Заседание закончилось. В коридоре доктор Борд сказал Уилту:

— Так редко удается вступить за чистоту языка. По крайней мере, Мэйфилду я хвост прищемил. А то он совсем рехнулся.

* * *

Об этом же Уилт говорил с Питером Брейнтри, сидя час спустя в баре «Кот в мешке».

— Да у нас весь колледж со сдвигом, — рассуждал Уилт, прикладываясь ко второй кружке пива. — Мэйфилд раздумал открывать курсы для аспирантов и отказался от затеи превратить Гуманитех в этакую академическую империю. Теперь он помешан на режиме экономии:

— Не трави душу, — отозвался Брейнтри. — Средства на учебники в этом году сократили наполовину. Фостера и Карстона так допекли, что они раньше времени ушли на пенсию. Если так дальше пойдет, что мне делать с «Королем Лиром»? В аудитории шестьдесят человек, а книг всего восемь.

— Ты их хоть чему-то учишь. Попробовал бы ты преподавать мастерство самовыражения на третьем курсе у автомехаников. «Мастерство самовыражения»! Эти черти знают свои автомобили до тонкостей, а мне кто бы объяснил, что за штука такая — «мастерство самовыражения». Вот на что тратятся денежки налогоплательщиков. И к тому же я больше просиживаю на заседаниях, чем, с позволения сказать, учу. Злости не хватает.

Брейнтри уже не раз видел Уилта в таком настроении и поспешил сменить тему:

— Как поживает Ева?

— «Plus ça change, plus c'est la même chose»^[1]. Впрочем, не совсем. Она, слава богу, ушла из Комитета по борьбе за право голоса для одиннадцатилетних. Приходили тут два агитатора из ВЕЛОСИПЕДа, так после разговора с ней у них уши в трубочки посворачивались.

— Из ВЕЛОСИПЕДа?

— «Ведомство локализации и сбора информации о педофилах». Ну, о тех, кого раньше называли «совратителями малолетних». Ведомство добивается, чтобы детишкам дали право распоряжаться собой с четырех лет. Нашли кого агитировать — Еву! Я не успел им объяснить, что, судя по нашим четырем близняшкам, «четыре» у нас в семье несчастливое число. Ох, и задала она этим агитаторам? Они уж и не рады были, что заглянули в дом сорок пять по Оукхерст-авеню. Наверно, подумали, что оказались в зоопарке и вели дискуссию с тигрицей в вольере.

— Так этим гадам и надо.

— А мистер Биркеншоу за что пострадал? Саманта кликнула остальных близняшек, и они мигом организовали комитет под названием ПРИЗМА — «Против растления и изнасилования малолеток». Поставили в саду мишень. Соседи вовремя возмутились, а то один соседский мальчонка из-за этих забав чуть сам себя не кастрировал. А ведь близняшки еще только разминались. Достали ножички — знаешь, такие кухонные тесаки — и давай метать в цель. Эммелина с восемнадцати футов попала в мошонку, а Пенелопа с десяти просадила эту хреновину насквозь.

— Хреновину? — вяло переспросил Брейнтри.

— Ну да. Эта штука получилась великовата. Они смастерили ее из старой камеры от футбольного мяча и двух теннисных шариков. Соседи из-за этого пениса прямо взбеленились. А уж мистер Биркеншоу... Я не знал, что у него кожа на конце сходится точь-в-точь, как у этой игрушки. И вряд ли кто на улице знал. Теперь знают. Эммелина напялила на свою поделку презерватив, написала на нем имя Биркеншоу и украсила оберточной бумагой от рождественского торта. А тут налетел ветер и протащил эту хреновину по соседским садам. Дело было в субботу вечером, так что все соседи успели полюбоваться. В конце концов член повис на вишне на углу, возле дома миссис Лорример. Со всех четырех улиц было видно: «Биркеншоу».

— Господи ты боже мой! И что сказал мистер Биркеншоу?

— Ничего особенного. Он никак не придет в себя. Чуть ли не всю ночь после этой истории он провел в полиции — доказывал, что он вовсе не Неуловимый Сверкач. Полиция уже год не может поймать этого эксгибициониста, а тут как раз подвернулся Биркеншоу.

— Они что — с ума посходили? Он же член муниципалитета.

— Теперь уже бывший. И едва ли опять выставит свою кандидатуру. После того, что Эммелина рассказала дамочке из полиции. Она, мол, знает, какой у него член, потому что Биркеншоу однажды заманил ее к себе в сад и показал все свои причиндалы.

— Заманил? — с сомнением спросил Брейнтри. — Знаешь, Генри, при всем уважении к твоим крошкам, я не уверен, что их так уж легко заманить. Они, наверно, большие выдумщицы и...

— Бестии, вот они кто. Говори, не стесняйся. Я не обижусь. Мне приходится жить в одном доме с самыми настоящими ведьмами. Конечно, никуда Эммелину не заманивали. Просто она решила сжить со света киску мистера Биркеншоу за то что та дает прикурить нашей киске. Так что в сад к нему она прокралась за тем, чтобы подсыпать этой твари яду. А там на нее напал Биркеншоу со своим членом. Впрочем, он рассказывает эту историю по-другому. Он, дескать, по обыкновению вышел пописать на кучу компоста. А если девчонке вздумалось подсматривать... Но дамочке из полиции и эта история прищлась не по вкусу. Говорит — негигиенично.

— А где все это время была Ева?

— То там, то сям, — беззаботно отвечал Уилт. — Она так раскипятилась, что обвинила мистера Биркеншоу в том, что он будто бы водит компанию с Йоркширским Потрошителем... Я с трудом добился, чтобы эти слова не попали в протокол. Сказал, что она истеричка. Как говорится, принял огонь на себя. Ну а меня защитила дамочка из полиции. На мое счастье, закон о клевете не распространяется на десятилетних. А если все-таки распространяется, нам придется бежать за границу. А пока я вынужден вкалывать по вечерам, чтобы девчонки могли учиться в этой клятой школе для одаренных детей. Плата за обучение там астрономическая.

— Я думал, вам сделали скидку, раз Ева там работает.

— Работала. Ее выставили за дверь, — произнес Уилт и заказал еще пару кружек.

— Что так? Где они еще найдут такую работающую помощницу? И стряпает, и чистоту наводит, да еще задаром.

— Этой работающей помощнице пришла фантазия обработать микрокомпьютеры средством для полировки металла. Обработала на славу. Не знаю, как нас еще не заставили покупать новые. Я бы не прочь отдать вместо испорченных те, что стоят у нас дома. А то от кабелей и флоппи-дисков проходу нет. Я из-за них не могу даже добраться до телевизора. И стоит мне его включить, какая-то шуковина — матричное печатающее устройство — начинает гудеть, как пчелиный рой. А спроси, ради чего все это? Ради того, чтобы четыре паршивки, не способные ни на что, кроме пакостей, обскакали других сопляков по успеваемости.

— Отстали мы от жизни, — вздохнул Брейнтри. — Компьютеры сейчас — незаменимая вещь. Вон и детишки знают, как с ними управляться, а мы нет. Взять хотя бы термины.

— Не напоминай мне про эту абракадабру. Я, грешным делом, думал, что «триггер» — это такое венерическое заболевание: уж очень похоже на «триппер». Ан нет. Дискеты всякие, файлы. И чтобы заработать на всю ту электронную блажь, я по вторникам даю уроки в тюрьме — рассказываю паршивому уголовнику про Э. М. Форстера^[2], о котором понятия не имею, а по пятницам читаю лекции о культуре и государственном строе Великобритании на базе ВВС в Бэконхите. Просвещаю свору американцев, которым нечем себя занять до Судного дня.

— Смотри, чтобы не узнала Мэвис Моттрэм, — предупредил Брейнтри, когда они допили пиво и вышли из бара. — Она помешалась, на разоружении. Теперь вон мою Бетти затаскивает в свою компанию. Странно, что еще до Евы не добралась.

— Пробовала, но на сей раз ничего не получилось. У Евы из-за близняшек хлопот полон рот, ей не до демонстраций.

— Все равно про базу лучше помалкивать. А то еще выставит пикет возле вашего дома.

Уилт задумался.

— А знаешь, это было бы неплохо, — сказал он. — Может, соседи перестанут на нас коситься. Они вбили себе в голову, что раз я преподаю в Гуманитехе, то я или убийца-маньяк или левый экстремист. Этот пикет введет их в заблуждение, они посчитают меня ярым бомбопоклонником и сменят гнев на милость.

В колледж они вернулись через кладбище.

В доме № 45 по Оукхерст-авеню этот день складывался для Евы удачно. У нее бывали обычные дни, удачные дни и дни, о которых она говорила: «Ну и денек». В обычные дни все шло своим чередом: по дороге в школу близняшки не очень цапались; отвезя их, Ева отправлялась по магазинам, дома возилась по хозяйству, готовила на обед салат из тунца, штопала, работала в саду, потом ехала за дочками в школу. В общем, без приключений. В «ну и денки» все шло наперекосяк. Близняшки грызлись до, во время и после завтрака, отчего Генри выходил из себя и Еве приходилось брать дочек под защиту, хотя мужа можно было понять. Гренки застревали в тостере. Ева не успевала завести девочек в школу, пылесос барахлил, смывной бачок не работал. Начинался такой кавардак, что Еву так и тянуло выпить до обеда стаканчик шерри. Но она знала, что от этого будет только хуже: ее сморит сон, а впереди еще столько дел. Зато в удачные дни все шло как по маслу, и к тому же Еву согревала мысль, что девочки делают успехи в школе для умственно одаренных, а значит, смогут получить дотации на учебу в университете, станут врачами, учеными или пойдут, по «художественной части». Какое счастье дожить до того времени, когда такое возможно! У Евы в их годы жизнь была другая: что прикажут, то и делай.

В один такой удачный день Ева даже стала подумывать, не забрать ли мать из дома престарелых в Лутоне, на который они с Генри тратят кучу денег. Конечно же. дальше планов дело не пошло: Генри терпеть не мог старушку и грозил уйти из дома, если она задержится у них дольше чем на три дня.

— Эта старая карга весь дом запакостит и провоняет своими окурками! — орал он так истошно, что миссис Хоггарт, которая в ту минуту принимала ванну, могла познакомиться с его мнением без помощи слухового аппарата. — И вот что. Если я еще раз за завтраком обнаружу, что она подливает в чайник с заваркой коньяк — мой коньяк! — я эту ведьму придушу.

— Не смей так о ней говорить! Она член семьи...

— Семьи? — бесновался Уилт. — Член-то она член, да только не моей, а твоей семьи, чтоб ее... Я же не сажаю тебе на шею своего отца.

— От него несет, как от старого барсука, — парировала Ева. — Жуткий грязнуля. А моя мама, по крайней мере, моется.

— Еще бы ей не мыться! Рыло как у трубочиста. Не только Вебстеру^[3] случалось созерцать череп сквозь кожу^[4]. Пошел я как-то утром побриться, а...

— Кто такой Вебстер? — перебила Ева, не дав мужу закончить душераздирающий рассказ до появления из-за шторы в ванной миссис Хоггарт в negligéе.

— Никто. Это из одного стихотворения про хрычовку, которая своими голыми сиськами...

— Замолчи! Она моя мать. Когда-нибудь и ты будешь старым и дряхлым и тоже не сможешь обойтись...

— Очень может быть. Но пока что я не дряхлый и прекрасно обойдусь без Дракулы в женском платье, который шляется по дому и курит в постели. Помнишь, как на ней загорелось одеяло? Как она еще дом не сожгла!

Эта перепалка, а также воспоминания о тлеющем одеяле заставили Еву отказаться от своего замысла. В конце концов. Генри был прав, хотя мог бы выражаться и поделикатнее. Ева питала к матери двойственное чувство и хотела поселить ее у себя отчасти из мстительности. Пусть видит, что такое настоящая мать. Поэтому в удачные дни она звонила старушке и расписывала, как чудно ладят близняшки, как у них дома славно, как Генри

рассказывал дочкам... Тут на старушку неизменно напал приступ кашля. А уж в самые удачные дни Ева приглашала мать на выходные — и тут же раскаивалась. Ибо на смену удачным дням приходили «ну и денечки».

Но сегодня она поборола искушение и, вместо того чтобы звонить матери, отправилась к Мэвис Моттрем посекретничать до обеда. Вот только бы Мэвис не стала снова зазывать на демонстрацию «Долой бомбу!».

Именно с этого Мэвис и начала разговор.

— Ты на детей не кивай, — заявила она, когда Ева принялась объяснять, что не может оставить близняшек с Генри, что, если ее упрячут за решетку, дочкам придется плохо. — Начнется война — вообще останешься без детей. Тут же все и погибнут. Из-за базы в Бэконхите первый удар придется по нам. Русские просто вынуждены будут его нанести — для самозащиты. Тогда нам конец.

Ева задумалась.

— Но ведь если нападут на русских, значит, они нанесут удар не первыми, — рассудила она.

Мэвис вздохнула. Еву не вразумишь: с ней и раньше было трудно объясняться, а теперь она, чуть что, прячется за детей.

— Да пойми ты, войны начинаются совсем не так. Поводом может стать любой пустяк, вроде убийства эрцгерцога Фердинанда в Сараево в четырнадцатом году, — Мэвис старалась объяснять как можно доступнее, пригодилась учеба в Открытом университете.

Но на Еву это не подействовало:

— Хорош пустяк — убийство человека! Это гадко и глупо.

Мэвис прикусила язык. Как она забыла, что Еве пришлось иметь дело с террористами и политические убийства она не одобряет?

— Конечно, гадко и глупо. Но я не о том...

— Как, наверно, его жена переживала, — Еве не давали покоя собственные воспоминания.

— Едва ли. Ее убили вместе с мужем, — съязвила Мэвис. Было очевидно, что на судьбы человечества Уилтам наплевать, но Мэвис не унималась: — Я хочу сказать, что причинами всех больших войн были случайные обстоятельства. Какой-то фанатик убил мужа и жену, а в результате погибли миллионы простых людей. Если такое случится в наше время, в живых не останется никого. Все человечество будет уничтожено. Тебе ведь этого не хочется, правда?

Ева уныло разглядывала фарфоровую статуэтку на каминной полке. Ну зачем в такой удачный день ее понесло к Мэвис?

— Но мы-то ничего изменить-не можем, — сказала Ева и бросила на амбразуру Уилта. — Вот Генри говорит, что русские все равно будут производить бомбы. У них и нервно-паралитический газ есть. И у Гитлера был, и если бы во время войны он узнал, что у нас он тоже имеется, обязательно бы использовал.

Хитрость подействовала.

— Твоему Генри только и надо, чтобы все оставалось так, как есть, — вскинулась Мэвис. — Известное дело — мужчина. Вон как они хают женское антивоенное движение. Боятся, что мы заберем над ними власть. Бомба — что-то вроде символа мужского оргазма. Выражение потенции в виде оружия массового уничтожения.

— Вот как? Я и не знала, — удивилась Ева, хотя ей было непонятно, как это штука, от

которой гибнут люди, может символизировать оргазм. — Но он же сам был в Движении за ядерное разоружение.

— «Был», — фыркнула Мэвис. — Был, да сплыл. Мужчинам только и нужно, чтобы мы оставались безответными жертвами их похоти.

— Нет, Генри не такой. В смысле, он в постели не очень активный, — бомбы и оргазм все не шли у Евы из головы.

— Это потому, что ты нормальная женщина. Вот если бы тебя от секса воротило, он бы тебя все время тискал. А так он утверждает свою власть, посягая на твои законные права.

— Ну я бы не сказала.

— А я скажу. И нечего спорить.

Тут уж усмехнулась Ева: Мэвис столько раз жаловалась, что ее собственный муж крутит романы на стороне.

— А как же твой Патрик? Ты говорила, он такой неугомонный.

— Был неугомонный, — зловеще произнесла Мэвис. — Скоро эти хождения по бабам совсем прекратятся. Он у меня узнает, что такое климакс. Преждевременный.

— Ну разве что преждевременный. Ему сколько? Сорок один?

— Сорок. Но он в последнее время здорово сдал. Доктор Корее помогла.

— Доктор Корее? Какой кошмар! Неужели Патрик пошел к ней после той жуткой статьи в «Ньюс»? Генри сжег газету, чтобы девочки не увидели.

— Вот-вот, вполне в его духе. Чихать ему на свободу печати.

— Но статейка и впрямь была страшноватая. Может, доктор Корее и права, что мужчина — это только... гм... биологический банк спермы. Но, когда она пишет, что после рождения второго ребенка мужчин следует кастрировать, это уж слишком. Наш кот целыми днями спит и...

— Господи, ну до чего ты наивная. Да не писала она о кастрации. Она только напомнила, как женщины мучаются при родах и как все презирают утративших девственность до брака. И что, если произойдет демографический взрыв, человечество вымрет от голода. Поэтому надо что-то предпринять.

— А я не хочу, чтобы Генри что-нибудь такое сделали, — упрямылась Ева. — Его прямо передергивает, когда говорят о стерилизации. Он считает, что от этого бывают опасные побочные эффекты.

Мэвис опять фыркнула:

— От противозачаточных таблеток тоже. И куда опаснее. А транснациональным фармацевтическим корпорациям и дела нет. У них одна забота — прибыль. Да и заправляют ими опять-таки мужчины.

— Очень может быть, — согласилась Ева. Она много слышала о транснациональных корпорациях, но что это такое — не представляла, а о слове «фармацевтический» вообще не имела понятия. — И все-таки странно, что Патрик согласился.

— Согласился?

— Да, на стерилизацию.

— Разве я сказала, что его стерилизовали?

— Ты сказала, что он ходил к доктору Корее.

— Это я ходила к доктору Корее, — проворчала Мэвис. — Думаю: знаешь что, голубчик, надоели мне твои бабы. Может, доктор Корее поможет. Пошла к ней и не пожалела. Доктор дала такое средство, чтобы муж шлялся поменьше.

Ева остолбенела:

— И Патрик его принял?

— Принимает как миленький. Он обожает витамины, особенно витамин Е. Ну я взяла и подменила пузырьки. Это не то какой-то гормон, не то стероид. Вообще-то эксперименты с ним еще не закончены, но доктор Корее говорит, что он безвреден. Опыты на свиньях прошли прекрасно. Патрик, правда, растолстел и жалуется, что соски немного опухли, но зато теперь он попритих. Вечерами из дому ни шагу. Сидит у телевизора и клюет носом. Так на него не похоже.

— Да уж, — сказала Ева, вспомнив, каким шлопутом был еще недавно Патрик Моттрем. — Но ты уверена, что это не опасно?

— Совершенно уверена. Доктор Корее говорит, что это средство будут давать голубым, которые хотят изменить пол, но боятся операции. От него яички, что ли, ссыхаются.

— Ну это ни к чему. Я не хочу, чтобы у Генри яички ссохлись.

— Не хочешь — не надо, — заметила Мэвис, которая однажды на вечеринке проходу не давала Уилту, а когда ее домогательства не возымели успеха, затаила на него обиду. — Дай ему тогда какое-нибудь зелье, чтобы его разобрало.

— Думаешь, стоит?

— Отчего не попробовать? Доктор Корее понимает в женских проблемах лучше, чем другие врачи.

— Но она, кажется, не совсем врач. Не такой врач, как доктор Бухман. Она чем-то там занимается в университете, да?

Мэвис Моттрем так и подмывало ответить, что доктор Корее ко всему еще и консультант по содержанию скота и, значит, Генри Уилту ее услуги даже нужнее, чем Патрику Моттрему.

— Одно другому не мешает. В университете есть и медицинский факультет. В общем, она открыла клинику и помогает женщинам, у которых какие-то проблемы. Она и тебе поможет, вот увидишь. Такая участливая.

Вернувшись домой и приготовив на обед сельдереевый суп с отрубями, Ева окончательно укрепила в своем решении. Будь что будет: она позвонит доктору Корее, договорится о встрече и проконсультируется насчет Генри. Нет, сегодня она явно в ударе. Как ловко она уклонялась от неприятных разговоров — о бомбе, о нетрадиционной медицине, о том, что будущее за женщинами, потому что мужчины уже напортачили в прошлом. Собственно, Ева и сама так думала. Отправляясь забирать детишек из школы, Ева даже не сомневалась, что нынче у нее удачный день. Похоже, впереди ее ожидают приятные сюрпризы.

Уилта тоже ожидали сюрпризы, однако ничего приятного в них не было. Все еще источая запах лучшего пива, какое подают в баре «Кот в мешке», он вернулся в колледж. Он надеялся уединиться и немного подготовиться к лекции на авиабазе, но не тут-то было. У себя в кабинете он застал методиста графства по навыкам общения и какого-то господина в темно-сером костюме.

— Знакомьтесь. Мистер Скадд из Министерства образования, — представил методист. — По поручению министра ездит с выборочными проверками по институтам и колледжам. Проверяет, нет ли в учебных программах чего лишнего.

— Добрый день, — сказал Уилт и юркнул за свой письменный стол. Он недолюбливал методиста, а уж люди в темно-серых костюмах, да еще костюмах-тройках, да вдобавок действовавшие по поручению министра, и вовсе повергали его в трепет. — Присаживайтесь.

Мистер Скадд не двинулся с места.

— Я здесь не для того, чтобы сидеть в кабинете и заниматься теоретическими рассуждениями, — объявил он. — Я должен своими глазами увидеть, как проходят занятия, и доложить о собственных наблюдениях.

— Понятно, — в душе Уилт молил Бога, чтобы на сей раз обошлось без происшествий. Несколько лет назад случилась возмутительная история: в группе шинников-второкурсников, где преподавала хорошенькая практиканточка, студенты разбирали отрывок из романа «Любовью одержимые»^[5], рекомендованный заведующим кафедрой английской литературы, и так воспламенились, что, если бы не вмешательство Уилта, дело кончилось бы групповым изнасилованием.

Мистер Скадд открыл дверь:

— Ну что же, показывайте.

Уилт и мистер Скадд вышли в коридор. За ними, как побитая собака, плелся методист. Пока Уилт ломал голову, какую бы группу им показать, чтобы проверка обошлась малой кровью, мистер Скадд приступил к расспросам:

— Что вы скажете относительно политических воззрений ваших преподавателей? Я смотрю, у вас в кабинете имеются книги по марксизму-ленинизму.

— Имеются, — ответил Уилт и выжидающе замолчал. Если этот кретин явился сюда искать компромат, лучше ему не перечить. Попрыгает-попрыгает и успокоится.

— По-вашему, это подходящая литература для студентов из рабочего класса?

— Бывает и хуже.

— Вот как? Так вы признаете, что в ходе преподавания распространяете революционные идеи?

— Признаю? Ничего я не признаю. Я только сказал, что у меня в кабинете есть книги по марксизму-ленинизму. При чем здесь преподавание?

— Но вы сами сказали: «Бывает и хуже».

— Совершенно верно. Так я и сказал, — зануда начинал действовать Уилту на нервы.

— Будьте любезны, объясните, какие книги вы имели в виду.

— С радостью. Ну вот хотя бы «Голый завтрак»^[6].

— «Голый завтрак»?

— Или «Последний выезд в Бруклин». Дивная литературка для юношества, правда?

— Господи, — пробормотал побледневший методист. Мистер Скадд тоже изменился в лице, но не побледнел, а побагровел.

— И вы не скрываете, что считаете эти грязные книжонки... что вы подсовываете подобную литературу студентам?

Уилт остановился у дверей аудитории, где мистер Риджуэй тщетно силился перекричать продвинутую группу первокурсников, которым было неинтересно его мнение о Бисмарке.

— Откуда вы взяли, что я подсовываю студентам книги? — из-за шума Уилту пришлось повысить голос.

Мистер Скадд прищурился:

— Кажется, вы не вполне понимаете цель моих вопросов. Меня прислали... — он осекся. Рев, доносившийся из аудитории, заглушал разговор.

— Я вижу, — проорал Уилт.

— Знаете, мистер Уилт, — встрял было методист, но взглянув на мистера Скадда, замолк. Инспектор, вытаращив глаза, разглядывал аудиторию через стеклянную дверь. В заднем ряду какой-то парнишка передал девице с прической на индейский манер сигарету очень подозрительного вида. Девице не мешало бы надеть бюстгальтер.

Повернувшись к Уилту, мистер Скадд прокричал чуть не в самое ухо:

— У вас всегда так?

— Что «всегда так»? — уточнил Уилт. Все складывалось как нельзя лучше. Полюбовавшись, как мистер Риджуэй пытается привлечь к себе внимание продвинутых. Скадд по достоинству оценит образцовую дисциплину, которая царит на занятиях майора Миллфорда у второкурсников-кондипекарей.

— У вас всегда позволяют студентам так себя вести на занятиях?

— У меня? Я здесь ни при чем. Это занятия по истории, а не по навыкам общения.

И чтобы мистер Скадд не осведомился, какого же черта Уилт притащил их в этот сумасшедший дом, Уилт двинулся дальше.

Мистер Скадд нагнал его:

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Который?

Мистер Скадд задумался. Из-за этой шалавы без лифчика у него спутались все мысли.

— Я спросил вас про гнусные книги, пропагандирующие порнографию и насилие, — книги, которыми вы пичкаете студентов, — вспомнил он наконец.

— Любопытно, — заметил Уилт. — Очень любопытно.

— Что любопытно?

— Что вы читаете такую макулатуру. Я эту дрянь и в руки не возьму.

Они поднимались по лестнице. Мистер Скадд достал носовой платок, который как украшение выглядывал из нагрудного кармана, и вытер лоб. На верхней площадке Скадд прохрипел:

— Я тоже эту мерзость не читаю.

— Рад за вас.

— А я был бы рад, если бы вы объяснили, почему вообще завели об этом речь, — мистер Скадд сдерживался из последних сил. Тем временем они подошли к аудитории, где майор Миллфорд проводил занятие с второкурсниками-кондипекарями, и Уилт, удостоверившись, что там действительно тишь да гладь, ответил:

— Это не я. Вы сами заговорили об этом в связи с книгами по истории, которые

увидели у меня в кабинете.

— Вы называете «Государство и революцию» Ленина книгой по истории? Категорически не согласен. Это коммунистическая пропаганда, притом злостная. И то, что вы отравляете ей неокрепшие умы молодежи, внушает крайнюю озабоченность.

Уилт позволил себе усмехнуться.

— Продолжайте, — сказал он. — Обожаю, когда высокообразованные люди с головой на плечах забывают о здравом смысле и делают нелепые выводы. Это укрепляет мою веру в парламентскую демократию.

Мистер Скадд чуть не задохнулся. Он уже тридцать лет занимал высокие посты, обеспечил себе в будущем надежную пенсию, поэтому относился к своим умственным способностям с уважением и не мог допустить, чтобы кто-нибудь в них усомнился.

— Мистер Уилт, — произнес он. — Не объясните ли, какой вывод мне надлежит сделать из того обстоятельства, что у заведующего кафедрой навыков общения целая полка в кабинете забита книгами Ленина?

— Я бы лично вообще воздержался от выводов. Но если вы настаиваете...

— Категорически.

— Мне ясно одно: это еще не основание, чтобы записывать человека в оголтелые марксисты.

— Отвечайте по существу.

— А вы спрашивайте по существу. Вы поинтересовались, какой бы я сделал вывод. Я ответил, что воздержался бы от выводов, а вам еще что-то непонятно. Что ж, ничем не могу помочь.

Не успел мистер Скадд и рта раскрыть, как методист отважился вмешаться:

— Насколько я понимаю, мистер Скадд просто хочет узнать, не проявляется ли в работе преподавателей вашей кафедры определенный политический уклон.

— Сколько угодно, — кивнул Уилт.

— Сколько угодно? — переспросил мистер Скадд.

— Сколько угодно, — повторил методист.

— Да, этого добра хоть отбавляй, — подтвердил Уилт. — И если вы спросите...

— Я как раз и спрашиваю, — сказал мистер Скадд.

— О чем?

Мистер Скадд снова вытер лоб платком:

— Насколько значителен политический уклон в преподавании.

— Во-первых, я уже ответил. Во-вторых, вы, кажется, сами утверждали, что от теоретических рассуждений толку мало, и хотели посмотреть, как проходят занятия. Не так ли?

Мистер Скадд сглотнул слюну и в отчаянии взглянул на методиста. Но Уилт неумолимо продолжал:

— Так. Ну и чудненько. Милости просим на занятие майора Миллфорда в группе второго курса дневного отделения факультета кулинаров, в скобках — кондитеры и пекари, сокращенно — кондипекари. Посмотрим, какой политический уклон вы станете нам шить после этого занятия.

С этими словами Уилт повернулся и спустился по лестнице к себе в кабинет.

— «Шить»? — ужасался ректор два часа спустя. — Вы сказали личному секретарю министра образования, чтобы он не шил преподавателям политическую пропаганду?

— Ах, так это был личный секретарь министра? — удивился Уилт. — Ну, это еще полбеды. Вот если бы он оказался школьным инспектором Ее Величества...

— Можете не сомневаться, этот сквалыга в долгу не останется. Скоро инспектор Ее Величества у нас в печенках будет сидеть. Не удивлюсь, если Скадд напустит на нас всех школьных инспекторов королевства. Спасибо вам, Уилт, удружили.

Уилт оглядел импровизированный комитет по спасению колледжа. В его состав вошли ректор, проректор, методист графства и почему-то казначей.

— Да пусть себе шлет инспекторов сколько душе угодно, — сказал Уилт. — Рад буду с ними познакомиться.

— Вы-то, может, и рады, а вот... — ректор колебался. В присутствии методиста он не решался распространяться о недостатках других кафедр.

— Я надеюсь, у нас доверительный разговор и я могу быть предельно откровенен, — отважился он.

— Конечно, конечно, — успокоил методист. — Меня интересует только кафедра гуманитарных наук, а...

— Как приятно снова услышать это название, — вставил Уилт. — Сегодня это уже второй раз.

— Пропади они пропадом, науки ваши! — взорвался методист. — Какого черта вы устроили балаган? Из-за вас этот тип решит, что тот второй преподаватель — полноправный член фракции молодых либералов и личный друг Питера Тэтчелла.

— Мистер Тэтчелл не принадлежит к молодым либералам, — возразил Уилт. — Насколько я знаю, он член Лейбористской партии. Правда, левоцентрист. но...

— Пидор вонючий, вот он кто?

— Я не знал. Хотя, по-моему, пристойнее назвать его «гомосексуалист».

— Вот скотина, — буркнул ректор.

— Можно и так назвать, — согласился Уилт. — Но, по-моему, и это не вполне пристойно. В общем, как я вам объяснял...

— Плевать мне на объяснения! Помните лучше, что вы объясняли мистеру Скадду. Из-за вашей болтовни он заподозрил, что преподаватели у нас посвящают себя не обучению, а...

— «Посвящают себя» — это вы хорошо выразились, — перебил Уилт. — Мне нравится..

— Да-да, Уилт, посвящают себя обучению. А с ваших слов получается, что они чуть ли не поголовно на содержании у коммунистов или у фанатиков из Национального фронта^[7].

— Майор Миллфорд, насколько мне известно, ни в какой партии не состоит, — заметил Уилт. — Он просто рассуждал о социальных последствиях иммиграционной политики...

— Иммиграционной политики? — рявкнул методист. — Ни черта себе! Он распинался о каннибализме у черномазых и плел про какого-то борова, который держал в холодильнике человеческие головы.

— Иди Амин, — уточнил Уилт.

— Не важно. Главное, он показал себя таким расистом, что неровен час Управление по

вопросам расовых отношений затеет расследование. А вы к нему мистера Скадда затащили.

— Откуда же мне было знать, что Миллфорд заведется на эту тему? Смотрю — в аудитории порядок, а мне надо еще предупредить остальных, что нагрянул сукин сын с проверкой. Да и вы хороши: сваливаетесь на голову с каким-то типом, которого никто официально не уполномочил.

— Официально не уполномочил? — переспросил ректор. — Я же сказал, мистер Скадд является...

— Знаю, знаю. Подумаешь — секретарь министра. Вваливается ко мне в кабинет с мистером Редингом, запускает глаза на книжные полки и вдруг с бухты-барухты объявляет меня агентом Коминтерна.

— Я и про это хотел поговорить, — вспомнил ректор. — Вы ведь нарочно внушили ему, что используете книгу Ленина... как бишь ее?

— «Государство и революция».

— ...Используете ее как учебный материал для заочников. Правда, мистер Рединг?

Методист слабо кивнул. Он еще не опомнился от истории про головы в холодильнике и от последующего посещения семинара на факультете воспитательниц детских садов. Воспитательницы так увлеченно рассуждали о правомерности постнатальных аборт для детей с физическими дефектами, что у методиста мурашки по коже побежали. Паскуда-преподавательница эту практику одобряла.

— И это еще не все, — продолжал ректор. Но Уилт уже наслушался.

— Нет, все — отрезал он. — Будь он полюбезнее и повнимательнее, тогда другое дело. А он даже не заметил, что книги остались от кафедры истории — она раньше размещалась в этом кабинете. С них и пыль-то не стирали. На них и штамп имеется. Кажется, их рекомендовали продвинутым группам для спецкурса по русской революции.

— Так почему вы ему не сказали?

— А он не спрашивал. Что же я буду лезть с объяснениями к незнакомым людям?

— Но с «Голым завтраком»-то полезли, — уличил методист. — Славно придумали, нечего сказать.

— Он спросил, что может быть хуже. А мне ничего отвратительнее в голову не пришло.

— Какое счастье, — буркнул ректор.

— Но вы объявили, что у ваших преподавателей сколько угодно политических пристрастий. «Сколько угодно» — это ваши слова. Я своими ушами слышал, — не отставал методист.

Уилт пожал плечами:

— Не отрицаю. На кафедре сорок девять преподавателей, включая почасовиков. Целый час все они несут бог знает что, лишь бы студенты сидели тихо. Представляете, какой разброс политических взглядов.

— Из ваших слов у него сложилось другое впечатление.

— Я, да будет вам известно, преподаватель, а не рекламный агентшкa. Мое дело учить, а не производить впечатление. Ладно, пора мне к электротехникам. Мистер Стотт заболел, и я заменяю.

— Что с ним? — неосторожно полюбопытствовал ректор.

— Снова нервное расстройство. Оно и понятно, — бросил Уилт и удалился. Остальные члены комитета проводили его встревоженными взглядами.

— Как вы считаете, Скадд может убедить министра провести расследование? —

спросил проректор.

— Мне он это пообещал, — ответил методист. — Он такого тут наслушался и посмотрелся, что запроса в парламенте не миновать. Но взъелся он даже не из-за секса, хотя, по правде говоря, и этого дела было предостаточно. Главная беда в, том, что он католик, и бесконечные разговоры о противозачаточных средствах...

— Ой! — пискнул ректор.

— А тут еще какая-то пьяная морда, автомеханик с третьего курса послал его на... Ну и, конечно же, Уилт подсуropил.

Возвращаясь в свои кабинеты, ректор и проректор никак не могли успокоиться.

— Что нам делать с Уилтом? — в отчаянии вопрошал ректор.

— А что с ним поделаешь? Ему удалось обновить состав кафедры лишь наполовину. От другой половины он никак не избавится, вот и довольствуется тем, что есть.

— Но вы представляете, что теперь начнется? Запрос в парламенте, всеобщая мобилизация инспекторов Ее Величества, общественное расследование?

— Ну до расследования едва ли дойдет. Может, Скадд фигура и влиятельная, но я сомневаюсь...

— А я нет. Я с ним беседовал после проверки. Негодяй определенно ополоумел. Что это за штука такая — постнатальный аборт?

— Не иначе — убийство, — начал проректор, но ректор уже проявил сообразительность, из-за которой его когда-нибудь выпихнут на пенсию:

— Детоубийство. То-то Скадд спрашивал, известно ли мне, что у нас для будущих воспитательниц введен курс по детоубийству. И допытывался, нет ли часом вечерних курсов по эвтаназии для престарелых или практического курса для самоубийц. Есть у нас такие?

— Что-то не слышал.

— Если бы они были, я бы их поручил Уилту. Он меня когда-нибудь доконает.

* * *

То же самое мог бы сказать инспектор Флинт из полиции Ипфорда. Теперь по вине Уилта не видать ему звания старшего офицера как своих ушей. Кроме собственных невзгод ему не давали покоя злоключения одного из сыновей. Йэн искалечил себе жизнь. В шестом классе он бросил школу, ушел из дома, стал усердно упражняться в курении марихуаны, схлопотал несколько лет условно, и в конце концов его застучали на таможне в Дувре с грузом кокаина.

— Черта лысого меня теперь повысят, — пригорюнился Флинт, когда сыну припаяли пять лет тюрьмы. В довершение всех бед миссис Флинт свалила вину за преступные наклонности сынка на своего супруга и что ни день ела его поедом:

— Если бы ты поменьше забивал голову работой, поменьше выслуживался да побольше думал о сыне, он бы не угодил за решетку. Так нет же. У тебя одно на уме: «Так точно», «Никак нет» и «Будет сделано». Чуть не каждую ночь — на дежурство. Даже в выходные на работе пропадаешь. А Йэном ты хоть сколько-нибудь занимался? Куда там! Хоть бы раз о чем путном с ним поговорил. Только и разговоров, что про преступления да про уголовников. Все работа, работа, а семья побоку. В каждой бочке затычка.

Впервые в жизни Флинт прислушался к словам жены. Прислушался — но не больше.

Все равно, правда за ним. А как же иначе: полицейский — и вдруг не прав. Что же он за полицейский после этого? А Флинт полицейский что надо. И служба у него на первом месте.

— Поговори еще, — огрызнулся Флинт. Великодушно разрешение. Если бы не разговоры, круг занятий миссис Флинт был бы крайне ограничен: пробежать по магазинам, постирать, прибраться в доме, попричитать по Йэну, покормить кошку с собакой — и, конечно же, всячески заботиться о муже. — Не будь семьи, стал бы я на работе корячиться. А то — машину купи, дом купи, убудка этого свози в Коста...

— Сам убудок! — В сердцах миссис Флинт бросила утюг и прожгла рубашку мужа.

— Да-да, убудок. И остальные тоже раздолбай порядочные.

— Эх ты, отец называется! Да ты в жизни для детей ничего не сделал. Только меня трахал, чтобы их произвести. Пока совсем не затрахал.

Тут Флинт срывался с места и возвращался на работу. В голову лезли мрачные мысли. Хуже нет, когда баба от рук отбилась. А уж как будут потешаться над ним во всех окрестных участках! Шутка ли: полицейский вырастил преступника, торговца наркотиками и теперь бегаёт к нему на свидания в бедфордскую тюрьму...

Всякий раз от таких мыслей в душе Флинта вскипала злость на этого проходимца Генри Уилта. Злость росла с каждым днем. Это Уилт со своей резиновой куклой устроил заваруху, которая стоила Флинту карьеры. Правда, когда-то он даже нравился Флинту, но с тех пор много воды утекло. И вот этот поганец живет припеваючи в собственном доме на Оукхерст-авеню, прилично зарабатывает и не сегодня-завтра станет ректором долбанного Гуманитеха. Флинт, небось, тоже мог бы продвинуться по службе и перевестись в такое классное местечко, что Уилту и не снилось. Мог. А теперь надеяться не на что. Так он и останется до конца дней своих инспектором Флинтом, так и проживет всю жизнь в Ипфорде.

Словно для того чтобы лишить Флинта последней надежды на повышение, начальником отдела по борьбе с наркотиками назначили инспектора Роджера. Нашли умника, нечего сказать. Правда, от Флинта эту новость поначалу скрывали, но старший офицер вызвал его к себе и сообщил лично. Это неспроста. Значит, начальство поставило на нем крест и дела, связанные с наркотиками, ему поручать не хотят: у него же сын сидит как раз по такому делу.

От досады у Флинта разыгралась головная боль. Он было решил, что это снова мигрень, но полицейский врач сказал, что это гипертензия, и прописал таблетки.

— Гиперпретензия? — переспросил Флинт. — Точно. Понабрали в полицию всяких умников, толку от них чуть, а все претензии к нам, простым полицейским. Это, значит, у меня профессиональное заболевание.

— Ну называйте как хотите, но помните, что у вас высокое давление и...

— Эй. погодите, вы только что назвали другую причину. Так от чего все-таки голова болит: из-за гиперпретензий или из-за давления?

— Инспектор, вы не на допросе, — заметил врач (у Флинта на этот счет было другое мнение). — Я вам популярно объясняю: гипертензия и высокое давление — одно и то же. В общем так. Пропишу вам диуретики, будете принимать по одной таблетке в день...

— Что пропишете?

— Мочегонное.

— Очень мне нужно ваше мочегонное... Я и без него за ночь по два раза бегаю.

— Ну так не пейте столько. И для давления лучше.

— Чего? Вы же сами сказали, что я заболел оттого, что гиперпретензиями замучили. А лучший способ позабыть обо всяких претензиях — зайти в кабак, пропустить пару кружек...

— Четыре пары, — поправил врач, которому случилось встречать Флинта в кабаке. — Все-таки пейте поменьше. Заодно похудеете.

— И стану реже бегать в сортир? Гм. Непонятно: даете мне лекарство, чтобы я больше писал, а пить велите поменьше.

Флинт ушел в недоумении. Даже врач не сумел объяснить ему, как действуют бетаблокаторы. Сказал только, что они помогут и что Флинту придется принимать их всю жизнь.

Через месяц уже сам Флинт рассказывал врачу, как действуют таблетки.

— Даже на машинке печатать не могу, — жаловался он, показывая огромные ручищи с бледными пальцами. — Вот посмотрите. Прямо сельдерей вареный, а не пальцы.

— Так и должно быть. Побочный эффект. Я вам выпишу одно лекарство, и все пройдет.

Флинт встревожился:

— Хватит с меня писючих таблеток. Они из меня почти всю воду выкачали. А с пальцами — это, наверное, оттого, что я весь день на работе кручусь, как белка в колесе, крови и не остается. Если бы только это. Другой раз на допросе обрабатываю какого-нибудь гада, он уже вот-вот расколется, а меня вдруг как прихватит. Они мне работать мешают, ваши таблетки.

Доктор недоверчиво посмотрел на инспектора и с тоской вспомнил те времена, когда больные не огрызались по всякому поводу, а полицейские были совсем другими. К тому же выражение «обрабатывать гада» врачу не понравилось.

— Ладно. Попробуем вас пользоваться другим лекарством.

— Чего? — взревел Флинт так, что врач отшатнулся. — Меня использовать лекарством? Интересно, кому вы меня пропишете! Вы должны меня лечить, а не использовать. И потом, что значит «попробуем»? Я вам не собака, чтобы ставить на мне опыты!

— Конечно, не собака, — успокоил врач и сел писать рецепт. Он снова выписал бетаблокаторы и диуретики, но под другим названием, удвоил дозу бетаблокаторов и добавил лекарство для пальцев. Флинт сбегал за лекарствами и вернулся на работу, чувствуя себя как ходячая аптечка.

А неделю спустя Флинт уже не мог внятно ответить на вопрос, как он себя чувствует. Как-то сержант Йейтс неосторожно осведомился о его здоровье.

— Хреново, — буркнул инспектор. — За полтора месяца пропустил через себя больше воды, чем Асуанская плотина. Знаешь, что я понял? В нашем долбанном захолустье не хватает общественных уборных.

— Не может быть, — усомнился Йейтс, у которого с этими заведениями были свои счета. Однажды, выйдя на охоту за любителем подглядывать в кабинки общественных уборных, сержант в штатском так добросовестно пасса в уборной возле кинотеатра, что какой-то констебль принял его самого за такого любителя и отвел в участок.

— А вот и может, — отрезал Флинт. — Вчера меня прихватило на Кантон-стрит. Ищу уборную. Думаешь, нашел? Черта с два. Завернул в проулок, приспособился — а там какая-то баба белье вешает. Еле улизнул. Ох, заметут меня как-нибудь за эксгибиционизм.

— Кстати, об эксгибиционисте. Он опять появился, на этот раз возле речки. Напугал даму пятидесяти лет.

— Это посерьезней, чем возня с уилтовыми подлянками и мистером Биркеншоу.

Пострадавшая его разглядела?

— Говорит, разглядела, но плохо. Она смотрела с другого берега. Ей показалось, он не очень длинный.

— Кто не очень длинный?

— Не кто, а что?

— Что? Что? — заорал Флинт. — Мне до его хрена дела нет, я про его рожу спрашиваю. Как мы, по-твоему, должны опознавать этого психа? Спустим с подозреваемых штаны, а пострадавшие ходи и разглядывай? Этак ты еще вздумаешь составлять фоторобот на каждый пенис.

— Лица она не видела. Он опустил голову.

— Мочился, небось. Его, наверно, тоже пичкают долбанными таблетками. Ладно, не видела, — и не надо. Так я и поверил показаниям пятидесятилетней стервы. Бабы в этом возрасте хуже мартовских кошек. По себе знаю: у моей старухи все одно на уме. Я ей объясняю, что мне сбивают давление, врачуга поганый так залечил, что у меня уже и не встает. Так она знаешь что удумала?

— Не знаю, — сказал сержант, а про себя добавил: «И знать не хочу» Он терпеть не мог, когда Флинт начинал распространяться о своей интимной жизни. Неужели находятся такие бедняжки, которые при виде инспектора способны возбуждаться?

— Давай, говорит, с вывертом, — продолжал Флинт. — Совсем обнаглела.

— С вывертом? — вырвалось у Йейтса.

— Дескать, она меня будет ублажать французской любовью, а я тем временем стану ей языком запендюривать. Гадость какая. Такое, наверно, и закон запрещает. Чтобы я в моем-то возрасте выкидывал этакие коленца, да притом с собственной женой, чтоб ей пусто было! Надо совсем рехнуться, чтоб такое предложить.

— Совершенно справедливо, — поддакнул Йейтс не без сочувствия. Он подумал, что Флинт, в сущности, славный мальчик, но с этими тошнотворными историями перехватывает через край. И Йейтс прибег к Последнему способу перевести разговор на другие рельсы: упомянул нового главу отдела по борьбе с наркотиками. Очень вовремя: у инспектора в запасе было еще много похабинок о том, как жена старается расшевелить его чувственность.

Имя Роджера привело инспектора в ярость.

— Чего этому раздолбаю от меня надо, в рот ему кочерыжка? — заорал он. Как видно, мысли о сексуальных вывертах все не шли у него из головы.

— Оборудование для прослушивания телефонов. Кажется, он вышел на синдикат торговцев героином. Крупная дичь.

— Где?

— Не говорит. По крайней мере, мне.

— А зачем ему мое разрешение? Пусть обращается к старшему офицеру или старшему констеблю. Это не по моей части. Или все-таки по моей? — вдруг Флинту показалось, что просьба Роджера таит в себе скользкий намек на преступление его сына.

— Если этот ублюдок думает, что стоит ему меня пугнуть — и я буду ходить с мокрыми штанами... — прошипел инспектор и осекся.

— Пусть не рассчитывает. Не зря же вы принимаете таблетки, — ввернул мстительный Йейтс.

Но Флинт не слушал. Он размышлял. Инспектор даже не подозревал, насколько течение его мыслей подвластно бетаблокаторам, сосудорасширяющим средствам и прочим

лекарствам, которыми его накачали. Если не добавить сюда застарелую ненависть к Роджеру и напасти, которые сыпались на него на службе и дома, легко догадаться, что в конце концов Флинт возжаждал крови. Неужто начальник отдела по борьбе с наркотиками вздумал с ним шутки шутить? Ну так ему это даром не пройдет.

— Не все ему торжествовать, — произнес Флинт с нехорошей улыбкой. — И на старуху бывает прореха.

Сержант Йейтс, встревожился.

— Вы хотите сказать «проруха»? — в опасном соседстве «старухи» и «прорехи» ему почудилось предвестие того, что Флинт снова намерен завестись на тему своей интимной жизни. Старик совсем свихнулся.

— Проруха? Будет ему проруха. Кого он собирается прослушивать?

— Он со мной не очень откровенен. Он вообще простым оперативникам не доверяет — боится утечки информации. Моча ему в голову ударила, что ли?

Эти слова оказались последней каплей. Инспектор Флинт сорвался с места, опрометью кинулся в уборную и ненадолго обрел там покой.

В кабинет он вернулся, излучая почти идиотское блаженство.

— Передай Роджеру, что я готов оказать любую помощь. — произнес он. — С превеликим удовольствием.

— Вы серьезно?

— Серьезнее не бывает. Пусть зайдет ко мне. Так и передай.

— Как скажете. — и Йейтс, не веря своим ушам, вышел из кабинета. Отупевший от лекарств Флинт остался сидеть, как сидел. В его затуманенном сознании светилась только одна мысль: значит, Роджер хочет прослушивать телефоны без разрешения начальства? Ну, тогда плакала его карьера. И уж Флинт постарается, чтобы сукин сын не отступился от своей затеи. Радужные предчувствия придали ему сил, и он по рассеянности отправил в рот еще одну таблетку.

Знай инспектор, как разворачиваются события в Гуманитехе, он возликовал бы пуще прежнего. Уилт вернулся с заседания комиссии по спасению колледжа весьма довольный собой. Предположим, министр действительно прислушивается к мнению мистера Скадда. Предположим, на Гуманитех обрушится десант инспекторов Ее Величества — Уилт давно сообразил, что ему это только на руку. Пусть-ка они ответят ему, что такое, по мнению министерства, гуманитарные науки. «Навыки общения и мастерство самовыражения» — это из другой оперы. Вот уже двадцать лет Уилт преподает в Гуманитехе и все эти годы никак не может получить внятного ответа на вопрос, что скрывается за выражением «гуманитарные науки». Некогда мистер Моррис, в то время заведовавший кафедрой, высокопарно изрек, что задача его кафедры — «приобщать заочников к достижениям культуры». На деле это означало, что преподаватель должен усадить обормотов за чтение «Повелителя мух»^[8] и «Кандида», а потом расспросить, что они думают о прочитанном, и изложить свою точку зрения. Уилт убедился, что от такой методы толку мало. По его словам, не студенты приобщались к культуре, а преподаватели приобщались к дикости, которую выказывали на занятиях их подопечные. Сколько коллег Уилта полегло с нервным расстройством, сколько убрали подальше дипломы и подались торговать молоком. Уилт попытался придать занятиям более практический уклон. Он стал учить студентов, как правильно заполняется бланк при уплате подоходного налога, как оформляют документы для получения пособия по безработице — короче говоря, как одолеть бюрократические премудрости, из-за которых преуспевает в государстве всеобщего благоденствия только средний класс да образованные карьеристы, а рачительные бедняки, ошалевшие от засилья канцелярщины, терпят унижения.

Но вести эту линию Уилту было нелегко. То его допекали бредовыми умствованиями педагоги-теоретики вроде доктора Мэйфилда, порождение шестидесятых годов, то вдруг у администрации колледжа начинался зуд расточительства. Уилт уже не знал, куда деваться от наплыва видеокамер и прочих технических средств обучения. Напрасно он твердил, что для преподавания гуманитарных наук они вовсе не нужны — пусть ему лучше растолкуют, чем должна заниматься кафедра!

Сказал — и пожалел. Доктор Мэйфилд с методистом тут же настроили по справке самого невразумительного содержания, засим последовал десяток заседаний комитета, которые свелись к пустым словопрениям. Уилту объяснили, что видеокамеры уже куплены и, хочешь-не-хочешь, надо их использовать. А «навыки общения и мастерство самовыражения» звучит гораздо современнее, чем просто «гуманитарные науки». В конце концов правительство сократило средства на образование, поток бесполезной техники иссяк, но теперь у Уилта появилась новая забота: как избавиться от нахлебников. В новых условиях уволить даже самого бездарного преподавателя, читающего теоретический курс, оказалось не так-то просто.

Да, визит инспекторов Ее Величества пришелся бы очень кстати. Кто как не они помогут Уилту во всем разобраться и навести порядок? Была у него и другая причина так жаждать этой встречи: он гордился своим умением вести словесные баталии.

Но недолго Уилт купался в лучах надежды. После занятия с электротехниками, которые без малого час объясняли ему, как работает кабельное телевидение, он направился к себе в

кабинет и уже в коридоре столкнулся с секретаршей. Миссис Бристол дрожала как осиновый лист.

— Бегите скорее, мистер Уилт! — затараторила она. — Скорее туда! Она опять там. Это уже не в первый раз.

— Что не в первый раз? — спросил Уилт, укрывшись за стопкой «Шейна», которого он никогда на занятиях не использовал.

— Я ее опять там видела!

— Кого и где вы видели?

— Ее. В туалете.

— Ее в туалете? — встревожился Уилт. На его памяти, в последний раз секретарша пребывала в таком состоянии, когда кондипекарша с третьего курса описывала при ней, как они на занятиях готовили тесто, и по наивности брякнула, что у нее кончились припасы и ей пришлось «воспользоваться чужими яйцами». — Да в чем, собственно, дело?

Похоже, миссис Бристол и сама не понимала, в чем дело.

— У нее такая штука с иголкой, и она... — секретарша замялась.

— С иголкой?

— Шприц, — выговорила миссис Бристол. — Шприц, полный крови. Она его воткнула в руку и...

— Господи! — Уилт метнулся к двери. — В каком туалете?

— Женский. Для преподавательниц.

Уилт остановился как вкопанный:

— Что? Преподавательница колледжа прямо на работе колет героин?

Миссис Бристол от волнения ходила ходуном:

— Преподавательницу я бы узнала. Это какая-то девушка. Ну скорее же, мистер Уилт, а то она себя поранит.

— Что вы говорите! Кто бы мог подумать? — съехидничал Уилт, выскочил в коридор и сбежал по лестнице. Вот и уборная. Шесть кабинок, раковины, длинное зеркало, урна для бумажных полотенец. Ни души. Правда, одна кабинка была закрыта и оттуда доносились пренеприятнейшие звуки. Уилт колебался. В менее драматических обстоятельствах он бы утешил себя мыслью, что просто-напросто в кабинке снова мытарится мистер Раскер: его жена помешалась на лечебном питании и теперь изводит мужа волокнистой пищей. Но с какой стати мистер Раскер войдет в женскую уборную? Уилт подумывал было встать на колени и заглянуть под дверь, однако а) так он ничего не увидит и б) только сейчас до него дошло, что он оказался в положении, мягко выражаясь, неловком. Мужчину, который пробирается в женскую уборную и подсматривает в кабинки, могут неправильно понять. Лучше подождать в коридоре. Если девушка со шприцем не плод воспаленного воображения миссис Бристол, она рано или поздно выйдет из уборной.

Удостоверившись, что в урне шприца нет. Уилт на цыпочках направился к выходу. Но выйти он не успел. Дверь кабинки за его спиной распахнулась, и женский голос возопил:

— Так я и знала! Подглядывать? Ах ты дрянь!

Уилт узнал этот голос. Он принадлежал старшей преподавательнице кафедры физкультуры мисс Зайц, которую Уилт как-то в учительской слишком громко сравнил с тяжелоатлетом в юбке.

Сейчас мисс Зайц действовала решительно: в мгновение ока рука Уилта была закручена к лопаткам, а лицо пришло в соприкосновение с кафельной стенкой.

— Извращенец поганый! — бушевала мисс Зайц. От такого голословного утверждения Уилта чуть не стошнило. Подсматривать за мисс Зайц и впрямь пришло бы в голову только извращенцу. Однако произнести это вслух Уилт не решился.

— Я только хотел посмотреть... — начал он. Но мисс Зайц, как видно, не забыла шуточку про тяжелоатлета.

— Объяснять будешь в полиции! — рявкнула она и для вящей убедительности еще раз ткнула его физиономией в стенку. Расправа явно доставляла ей удовольствие, чего не скажешь об Уилте.

Дверь открылась, и в уборную вошла миссис Столи с кафедры географии.

— Поймала с поличным извращенца, — поделилась радостью мисс Зайц. — Звоните в полицию.

Уилт хотел было высказать свое мнение касательно происходящего, но мощное колено мисс Зайц уперлось ему в поясницу и прижало к стене; Вдобавок у него выскочила вставная челюсть.

— Позвольте, это же мистер Уилт, — неуверенно возразила миссис Столи.

— А то кто же! Только он на такое и способен.

— Неужели, — усомнилась миссис Столи, которая была иного мнения о способностях Уилта.

— Ладно канитель разводите! Звоните скорее. Как бы паскудник не улизнул.

— Я и не собирался, — промямлил Уилт, за что был еще раз ткнут носом в кафедру.

— Ну раз вы настаиваете, — сказала миссис Столи и выскочила из уборной. Через пять минут она вернулась в сопровождении ректора и проректора. К тому времени мисс Зайц опрокинула Уилта на пол и снова придавила коленом.

— Что происходит? — спросил ректор. Мисс Зайц поднялась на ноги.

— Да вот задержала на месте преступления. Сунул нос ко мне в кабинку и пялился на интимные части тела. Я его схватила при попытке к бегству.

— Не было такой попытки, — Уилт поднял свою челюсть, вставил на место и тут же об этом пожалел: язык обожгла едкая карболка, которой во рту вроде бы не место. Уилт с трудом встал и ринулся к умывальнику, однако мисс Зайц успела применить полунельсон.

— Да пустите вы меня! — взвыл Уилт. От мерзкой отравы недолго было и умереть. — Это чудовищная ошибка!

— Твоя ошибка, — отрезала мисс Зайц и прижала беднягу так, что у него перехватило дыхание.

Ректор растерянно таращился на борцов. Попади Уилт в другую передрагу, ректор бы только злорадствовал, но видеть, как он задыхается в лапах дюжей бабищи, с которой сползает юбка, — это уж извините. Уилт посинел, и у него вывалился язык.

— Вы бы и правда его отпустили, — посоветовал ректор. — Он весь в крови.

— И поделом, — проворчала мисс Зайц, нехотя слезая с Уилта. Уилт подковылял к умывальнику и открыл кран.

— Что это значит, Уилт? — строго спросил ректор. Но Уилту было не до объяснений. Он вынул челюсть и стал яростно полоскать рот.

— Лучше подождем полицейских, пусть-ка он им расскажет. — объявила мисс Зайц.

— Полицейских? — в один голос взвизгнули ректор и проректор. — Вы хотите, чтобы этим... ммм... происшествием занималась полиция?

— Я хочу, — буркнул Уилт, нагнувшись над раковиной. Тут встревожилась даже мисс

Зайц.

— Вы? Вот наглец! Заглядывает ко мне под юбку...

— ...И видит хрен моржовый, — не удержался Уилт. Опухоль на языке спала, но все же во рту был такой привкус, будто Уилт вылизал обработанный карболкой унитаз.

— Что вы себе позволяете? — взвилась мисс Зайц и чуть было не задала ему новую трепку. Но ректор остановил ее.

— Ну-ну, не будем спешить с выводами. Давайте теперь послушаем Уилта, хорошо?

Мисс Зайц ничего хорошего в этом не видела.

— Я же вам все рассказала, — возразила она.

— Так-то оно так, и все же...

Мисс Зайц стояла на своем:

— Он заглядывал под дверь!

— Ничего подобного, — отозвался Уилт.

— Не врете. Я так и знала, что вы извращенец. Помните эту грязную историю с надувной женщиной? — обратилась она к ректору.

«Забудешь такое», — подумал ректор.

— Это миссис Бристол, — промычал Уилт, вытирая нос бумажным полотенцем. — Все из-за нее.

— Миссис Бристол?

— Секретарша Уилта, — пояснил проректор.

— Вы хотите сказать, что искали здесь свою секретаршу?

— Нет. Я хочу сказать, что миссис Бристол вам растолкует, в чем дело. Расспросите ее. И чем скорее, тем лучше, а то эта гермафродитка с замашками бульдозера того и гляди опять меня размажет по стенке.

— Я не потерплю, чтобы какой-то...

— Тогда подтяните юбку, — сказал проректор, который всей душой был на стороне Уилта.

Небольшая компания поднялась по лестнице и прошествовала по коридору. По дороге им попала продвинутая группа, которая только что на занятии по английской литературе слушала лекцию мистера Галлена «Изображение патриархальных нравов в „Прелюдии“ Водсворта». Студенты с нескрываемым ужасом взирали на расквашенный нос Уилта — яркое изображение матриархальных нравов.

Миссис Бристол при виде Уилта тоже ужаснулась:

— Ой, мистер Уилт, что с вами? Она на вас напала?

— Ну-ка расскажите им, — потребовал Уилт. — Все расскажите.

— Что рассказать?

— То, что рассказывали мне, — Уилт уже терял терпение.

Миссис Бристол была так озабочена состоянием Уилта и так робела в присутствии высшего начальства, что ничего не соображала.

— Вы хотите, чтобы я рассказала про...

— Я хочу... Ничего я не хочу, — вскипел Уилт. — Объясните им, что я делал в женской уборной. Только и всего.

Миссис Бристол совсем растерялась:

— Но я не знаю. Я там не была.

— Вы что — издеваетесь? Ясное дело, не были. Объясните им, зачем меня туда

понесло.

— Понимаете... — начала миссис Бристоу и опять сбилась: — А вы разве им не говорили?

— Господе Иисусе! — взвыл Уилт. — Ну давайте же, выкладывайте! Меня подозревают в том, что я забрался туда полюбоваться прелестями Джейн-Лиходейки Берк^[9], она же Зайц.

— Еще раз обзовете — отделаю так, что родная мать не узнает!

— Конечно, не узнает. Она умерла десять лет назад, — и Уилт юркнул за письменный стол.

Когда кровожадную физкультурницу наконец утихомирили, проректор продолжал дознание:

— Кто же все-таки даст объяснение этому омерзительному происшествию?

— Она, она, — Уилт кивнул в сторону секретарши. — Это она меня подставила.

— Что вы говорите, мистер Уилт? Ничего я вас не подставляла. Я только сообщила, что в туалете для преподавательниц неизвестная девушка со шприцем и... — поймав испуганный взгляд ректора, миссис Бристоу сконфузилась. — Я сказала какую-нибудь глупость?

— Вы утверждаете, что видели в уборной для преподавательниц девушку со шприцем? И сообщили Уилту?

— Надеюсь, эта девушка не из числа преподавателей колледжа?

— Нет, что вы. Лица я, правда, не разглядела, но будь она преподавательницей, я бы точно ее узнала. И у нее еще такой шприц, а в нем кровь... — секретарша беспомощно посмотрела на Уилта.

— Вы сказали, что она колет наркотики.

Тут вмешалась мисс Зайц:

— Пока я сидела в уборной, никто не входил. Я бы услышала.

— Ничего страшного, — успокоил проректор. — У какой-то старшекурсницы разыгрался диабет. В студенческую уборную, по вполне понятной причине, она не пошла. Все очень просто.

— Куда уж проще, — согласился Уилт. — Кто как не диабетик станет наполнять шприц кровью? Неужели вы не понимаете, что она его промывала, чтобы вкатить себе как можно больше этой дряни?

— Промывала? — ректор был близок к обмороку.

— Привычка закоренелых наркоманов, — пояснил проректор. — Они делают укол, потом...

— Мне это совсем не интересно, — отрезал ректор.

— Если она колола героин...

Ректор без сил опустился на стул:

— Героин! Только его не хватало?

— Послушайте, — снова вмешалась мисс Зайц. — Врут они все. Я там сидела мину десять...

— И чем вы там так долго занимались? — любопытствовал Уилт. — Если, конечно, не считать рукоприкладства.

— Мало ли чем может заниматься женщина.

— Понятно. Принимали стероиды. Так вот: когда я спустился в туалет, я там пробыл не больше...

— Постоите, — перебила миссис Бристол. — Вы сказали «спустился»?

— Да. А что мне следовало сказать? «Поднялся»?

— Но я ее видела в туалете на четвертом этаже, а не на втором.

— Хорошенькое дело! Куда же вы меня-то послали?

— Я всегда хожу в уборную на четвертый этаж. Вы же знаете, я забочусь о фигуре, а это как-никак упражнение...

— Да замолчите вы! — Уилт вытер нос окровавленным платком.

— Правильно. Давайте наконец разберемся, что произошло. — ректор взял расследование в свои руки. — Миссис Бристол сообщает Уилту, что застала на четвертом этаже девушку, которая что-то там себе колет. Уилт, вместо того чтобы подняться на четвертый этаж, спускается на второй, где...

— ...Где обладательница черного пояса мисс Лиходейка Берк отделала его как Бог черепаху, — не унимался Уилт. — Между прочим, наркоманка, может и сейчас еще наверху. Никто не догадался пойти проверить?

Оказалось, проректор уже отправился на разведку.

— Если этот сукин сын еще раз назовет меня Лиходейкой Берк... — пригрозила мисс Зайц. — Нет, по-моему, без полиции не обойтись. С чего это вдруг Уилта понесло на второй, а не на четвертый? Что-то здесь нечисто.

— Откуда мне знать, где расположены женские туалеты? Сам-то я хожу в мужской, а не в сортир для обоеполых, как вы.

— Боже ты мой! — заскулил ректор. — Произошла явная ошибка, и если вы все хоть немного помолчите...

— Никакой девушки там нет, — доложил вернувшийся проректор.

Ректор встал.

— Видите, как просто. Я же говорю — произошла ошибка. Миссис Бристол показалось будто... — но ректор не успел свалить вину на нездоровое воображение секретарши. Проректор перебил его:

— Девушки нет, но вот что я нашел в урне.

С этими словами он показал присутствующим скомканное бумажное полотенце. Как и платок Уилта, оно было пропитано кровью.

Ректор поморщился:

— Ну и что? У женщин такие кровотечения не редкость.

— Вот и чудненько. — окрысился Уилт. — Будем считать, что это обтирочные концы для дамских прелестей, и поставим точку. — С него хватало вида собственной крови.

Тут же завелась мисс Зайц:

— Что можно ждать от похабника и женоненавистника!

— Я всего-навсего по-своему передал слова ректора.

— А что вы на это скажете? — и проректор достал шприц.

— Ага, я же говорила! — оживилась миссис Бристол. — А вы не поверили. Я своими глазами видела, как девушка колется шприцем. Так что же нам теперь делать?

Ректор упрямо гнул свою линию:

— Не будем спешить с выводами...

— Зовите полицию! Я требую! — разорвалась мисс Зайц. Ей не терпелось поведать миру о скабрзных повадках Уилта.

— Мисс Берк, — от волнения ректор незаметно для себя стал смотреть на

физкультурницу глазами Уилта. — В таком деле нельзя горячиться.

— К вашему сведению, меня зовут мисс Зайц, и если вы настолько обнаглели... Эй, куда это вы?

Вопрос был обращен к Уилту, который решил под шумок смыться.

— Сперва в мужской туалет, осмотреть телесные повреждения, которые вы нанесли. Потом — на ближайшую станцию переливания крови, восполнить потерю. Потом — к врачу, а заодно подыщу самого что ни на есть свирепого адвоката, чтобы привлечь вас за избиение.

И не успела мисс Зайц снова задать ему перцу, как Уилт пулей вылетел в коридор и укрылся в мужской уборной.

Оскорбленная физкультурница обрушила гнев на ректора:

— Это уж такое издевательство, что дальше некуда! Звоните в полицию, а не то я сама позвоню! Если этот сексуальный маньяк сунется к адвокату, я на всех перекрестках буду кричать, какие паршивцы работают у нас в колледже. Пусть все знают!

Подобный поворот дела ректора никак не устраивал.

— Стоит ли? — принялся он урезонивать мисс Зайц. — Скорее всего, Уилт совершил вполне простительную ошибку.

Но мисс Зайц была неумолима:

— Такое не прощают. И не забудьте девицу, которая колола себе героин. Миссис Бристол ее видела.

— Уж сразу и героин. Может, все объясняется гораздо проще.

— А вот полиция мигом разберется, что это за шприц, — не сдавалась мисс Зайц. — Так вы будете звонить или мне придется самой?

— Ну если вы так ставите вопрос, — ректор волком посмотрел на мисс Зайц и снял трубку.

В уборной Уилт долго разглядывал себя в зеркало. Так и есть: видок под стать самочувствию. Нос раздулся, на подбородке кровь, шов над правой бровью разошелся. Уилт умылся над раковиной, с содроганием думая о столбняке. Потом он вынул челюсть и внимательно осмотрел в зеркале свой язык. Не так уж он и распух, как показалось Уилту поначалу. Но вкус карболки не проходил. Уилт прополоскал рот и утешил себя тем, что раз эта мерзость так обожгла язык, то микробы-возбудители столбняка наверняка дадут дуба.

Уилт водрузил челюсть на место и снова попытался разобраться, отчего его вечно преследуют недоразумения и неудачи. В поисках ответа он еще раз посмотрелся в зеркало. Лицо как лицо, ничего особенного. Да Уилт и не мнил себя красавцем. Однако за невзрачной наружностью скрывался недюжинный ум. Прежде Уилт втайне величал свой ум оригинальным, по крайней мере незаурядным. Но что с того? Всякий ум не похож на другие, но будь ты хоть семи пядей во лбу, от случайностей не застрахован никто. Беда в другом: Уилту недостает решительности.

— Все ждешь, как карта ляжет, — сказал он своему отражению. — Нет чтобы сдавать самому.

И в тот же миг он понял, что это невозможно. Никогда не стать ему всевластным повелителем, никогда другие не будут плясать под его дудку. Не тот у него характер. Чего ему не хватает, так это нахрапа, привычки входить во все тонкости, соблюдать все формальности, умения приобретать сторонников, обштыпать противников — короче, напряженная борьба за власть ему не по плечу. Более того, он презирал нахрапистых властолюбцев. Они только собой и заняты, а на всех остальных чихать они хотели. Спасу нет от этих мелкотравчатых фюреров, особенно в Гуманитехе. Пора поставить их на место. Как-нибудь он...

Тут размышления Уилта были прерваны. В уборной появился ректор.

— А. Генри, вот вы где. Хочу вас предупредить: мне пришлось позвонить в полицию.

— Зачем? — Уилт испугался. Что-то скажет Ева, когда узнает, что мисс Зайц приписывает ему извращенные наклонности?

— Наркотики в колледже — не шутка.

— А, из-за этого. Поздно хватились. Здесь они давно уже в ходу.

— Вы что — знали?

— Кто же про это знает? Странно было бы, если бы среди такой уймы студентов не оказалось хоть одного наркомана.

И пока ректор отводил душу у писсуара, Уилт украдкой выскользнул из уборной.

Через пять минут, возвращаясь домой, Уилт предавался тем же мыслям, которые одолевали его всякий раз. как он оставался один. И что он все время думает о власти? Ведь палец о палец не ударит, чтобы ее достичь. Да и зачем? Зарабатывает он неплохо. Если бы Ева не тратила столько на школу для одаренных, семья могла бы ни в чем себе не отказывать. По большому счету. Уилту грех жаловаться. «По большому счету». Чушь собачья. Главное — каково у тебя на душе. А на душе у Уилта бывало кисло — даже в те дни, когда он мог не опасаться, что мисс Зайц попортит ему физиономию.

То ли дело Питер Брейнтри. Не мучается собственной ущербностью, не помышляет о власти. Он даже отказался от поста в руководстве колледжа, потому что пришлось бы

забросить преподавание. А учить английской литературе Питеру нравится. Поработает — и домой, к Бетти, к детишкам. Дома проверит студенческие сочинения, а потом возится с игрушечной железной дорогой или мастерит модели самолетов. По воскресеньям ходит на футбол, играет в крокет. То же и во время отпуска. Иногда они всем семейством отправляются в турпоход и отдыхают в свое удовольствие — у Уилтов такие вылазки не обходятся без скандалов и злоключений. Уилт отчасти завидовал Питеру и все-таки посматривал на него свысока. Конечно, Питера не за что осуждать, но нельзя же в наше время — да и не только в наше — останавливаться на достигнутом и ждать, что судьба за здорово живешь осыплет тебя милостями. Уилта в таких случаях она осыпала оплеухами — вспомнить ту же мисс Зайц. А когда он начинал искушать судьбу, ему приходилось и того хуже. Куда ни кинь — все клин.

Размышляя на эту тему, Уилт пересек Билтон-стрит и пошел по Хиллброу-авеню. Сразу видно, что здесь тоже обитают люди, довольные своей участью. Вишни стояли в цвету; бело-розовые лепестки усеяли мостовую, как конфетти. Уилт разглядывал ухоженные садики, поросшие яркими желтофиолями. Попадались и запущенные — там жила ученая братия, университетские преподаватели. В садике на углу Причард-стрит мистер Сэндз нянчился со своими азиями и вереском. Он задался целью доказать равнодушному человечеству, что управляющий банком, выйдя на пенсию, способен обрести блаженство, если посвятит себя выращиванию растений, предпочитающих кислотную среду, на щелочной почве. Самое трудное, объяснял он как-то Уилту, заменить верхние слои почвы торфом, чтобы понизить концентрацию водородных ионов. Уилт ни бельмеса не смыслил в водородных ионах, и все рассуждения мистера Сэндза были для него китайской грамотой. Его занимал сам мистер Сэндз и его странный способ достичь счастья. Сорок лет кряду он предавался любимому, по его словам, делу: следил, как деньги переводятся со счета на счет, как колеблются процентные ставки, как выплачиваются ссуды, как разбираются с превышением кредита. И вдруг как отрезало. Теперь мистер Сэндз захлеб рассказывает о прихотях камелий и крошечных елочек. Непостижимая перемена. Такая же непостижимая, как преобразование миссис Кренли, чье имя однажды трепали в суде, когда слушалось дело о некоем борделе в престижной части Лондона. И что же? Сейчас она поет в хоре церкви святого Стефана и пишет книжки для детей, исполненные беспросветной фантазии и убийственной невинности. Уилт не знал, что и думать. Правда, из этих наблюдений напрашивался вывод: значит, можно в одночасье изменить свою жизнь, изменить до неузнаваемости. И уж если это удастся другим, почему бы не попробовать и ему? Уилт приободрился, принял более уверенный вид и твердо решил, что сегодня он близняшкам спуска не даст.

Увы, и на этот раз его ждала неудача. Едва он переступил порог, девчушки пошли в наступление.

— Ой, папочка, что у тебя с лицом? — спросила Джозефина.

— Ничего, — чтобы избежать допроса с пристрастием, Уилт заспешил на второй этаж. Надо поскорее скинуть одежду, пропахшую карболкой, и залезть в ванну. Поднимаясь по лестнице, он наткнулся на Эммелину, которая играла с хомячком.

— Осторожно, папочка, — зашебетала Эммелина. — Не наступи на Персиваль. У нее будут детки.

— Детки? — Уилт на мгновение растерялся. — Что за чушь? Как это у него могут быть детки?

— «У нее», а не «у него». Персиваль самочка.

— Самочка? Но в зоомагазине меня уверяли, что эта тварь — самец. Я специально спрашивал.

— Она не тварь, — обиделась Эммелина. — Она готовится стать матерью.

— Пусть выбросит дурь из головы, — заявил Уилт. — Нам дома только демографического взрыва не хватало. А с чего ты взяла, что у нее будут детки?

— Мы ее посадили вместе с хомячком Джулиан — думали, они загрызут друг дружку насмерть. Так сказано в книжке. А Персиваль лежит и не шевелится.

— Смышленный парень, — сказал Уилт, мгновенно представив себя в столь кошмарных обстоятельствах.

— Она не парень. Хомячихи всегда так делают, когда хотят, чтобы их поймали.

— Поймали? — неосторожно переспросил Уилт.

— Ну вот как мама, когда вы в воскресенье утром одни. Мама после этого ходит такая чудная.

— О Боже! — вздохнул Уилт. Эх, Ева, Ева. Угораздило ее оставить дверь открытой! Услышав столь точные подробности из уст младенца, Уилт обозлился: — Чем мы с мамой занимаемся — не твое дело, поняла? Я хочу, чтобы ты...

— А мама тоже лежит и не шевелится? — спросила Пенелопа, волоча вниз по лестнице коляску с куклой.

— Мне сейчас не до ваших глупостей. Мне надо принять ванну. Немедленно.

— В ванную нельзя, — сказала Джозефина. — Мама моет Сэмми голову. У нее гниды. Как от тебя странно пахнет. А что это у тебя на воротнике?

— И на груди, — добавила Пенелопа.

— Кровь, — в этот короткий ответ Уилт вложил всю свою свирепость. Отпихнув коляску, он прошествовал в спальню. Отчего вчетвером близняшки могут запросто вить из него веревки? Не будь они близняшками, едва ли они так легко сладили бы с ним. Это они у мамочки научились играть на нервах. Раздеваясь, Уилт слышал, как Пенелопа у двери в ванную радостно сообщает Еве о его бедах:

— Папочка пришел. От него пахнет карболкой. Он себе поранил лицо.

— Он брюки снимает. Вся рубашка в крови, — вторила Джозефина.

— Ну теперь держись. — прошептал Уилт. — Сейчас она выскочит, как ошпаренная.

Но Ева крепилась, пока до ее слуха не донесся поклеп Эммелины: папочка, мол, сказал, что, когда маме хочется, чтобы ее трахнули, она лежит и не шевелится.

— Это что еще за «трахнули»? — заорал Уилт. — Сколько раз тебе повторять, чтобы ты такие слова не употребляла? И ничего я про твою чертову мамочку не говорил. Я только...

Ева мгновенно вылетела из ванной:

— Как ты меня назвал??

Уилт подтянул кальсоны и вздохнул. На лестнице Эммелина с обстоятельностью врача описывала повадки хомячих во время случки и утверждала, что получила эти сведения от папы.

— Да не обзывал я тебя хомячихой! Врет она! Я про этих долбанных тварей знать ничего не знаю. Я просто не хочу, чтобы они...

— Вот видишь! — взвизгнула Ева. — Запрещаешь детям выражаться, а сам такое загибаешь! Неудивительно, что они потом...

— А чего они врут? Это хуже, чем ругаться. Кстати, Пенелопа выругалась первой.

— И не смей рассказывать детям про наши интимные отношения!

— Я и не думал даже, — оправдывался Уилт. — Только сказал, что не хочу, чтобы клятые хомяки выжили нас из дома. В зоомагазине утверждали, что эта шальная крыса — самец, а оказалось, что это какая-то трехнутая крысоматка.

— Ах, вот как ты относишься к женскому полу! — голосила Ева.

— Расчудесно я отношусь к женскому полу! Но ведь известно же, что хомячихи...

Ева тут же уличила его в двоедушии:

— Ага! А намекаешь, что женщинам, дескать, только одно и надо.

— «Только одно и надо»! Можешь называть вещи своими именами. Наших гримз ничем уже не удивишь.

— Это ты кого гримзами обзываешь? Своих родных дочерей?! И слово-то какое гнусное.

— Их по-другому и не назвать, — сказал Уилт. — А что касается «родных дочерей», то...

— Не смей, — оборвала его Ева.

Уилт не посмел. Если Ева разойдется, добра не жди. Уилт сегодня и без того натерпелся от бабья.

— Ладно, извини, — сказал он. — Чушь спорол.

— Да уж, — Ева утихомирилась и подняла с пола рубашку. — Кровищи-то! Как же ты умудрился так новую рубаху испачкать?

— Поскользнулся в уборной и упал. — Уилт решил, что о подробностях пока лучше умолчать. — Поэтому и запах такой.

— В уборной? — недоверчиво спросила Ева. — Упал в уборной?

Уилт заскрежетал зубами. Черт его дернул за язык! Что-то будет, если Ева узнает всю правду до конца.

— Ну да, поскользнулся и упал в уборной, — подтвердил он. — Какой-то кретин оставил на полу кусок мыла.

— А другой кретин на него наступил, — Ева запихнула пиджак и брюки мужа в пластиковую корзину. — Завтра по пути на работу отдай в химчистку.

— Хорошо. — сказал Уилт и направился в ванную.

— Погоди, туда нельзя. Я еще не вымыла Саманте голову. Нечего тебе там голиком ошиваться.

— Я залезу под душ в трусах, — пообещал Уилт и, забравшись в душевую, поспешно задернул шторы.

Тем временем Пенелопа громогласно сообщала, что хомячихи имеют обыкновение после случки откусывать у самцов яички.

— Почему после, а не до? — бормотал Уилт, по рассеянности намыливая трусы. — Вот уж поистине, хотят и рыбку съесть, и...

— Эй, я все слышу! — крикнула Ева и пустила горячую воду в ванной. Вода в душе мгновенно стала ледяной. С отчаянным воплем Уилт закрутил кран и вылетел из душевой.

— Папочка намылил трусы! — радостно запищали близняшки.

Взбешенный Уилт коршуном налетел на них:

— А ну, засранки, брысь отсюда! А то я кому-то шею намылю!

Ева закрыла горячую воду.

— Хороший пример подаешь, — отозвалась она. — Как не стыдно говорить такие слова при детях.

— Я еще должен стыдиться! На работе голова идет кругом, вечером занятия в тюрьме с этим недоноском Маккалемом, а стоит попасть в родимый зверинец, как...

В дверь громко позвонили.

— Это наверняка соседи. Снова, небось, мистер Лич чем-то недоволен, — сказала Ева.

— А пошел он... — Уилт залез под душ и открыл кран.

На сей раз из душа хлынул кипяток.

Не только Уилту пришлось в этот день жарко. Ректора тоже ждал неприятный сюрприз. Едва он пришел домой и полез в бар в надежде отрешиться от дневных невзгод, как зазвонил телефон.

— Скверные новости, — сообщил проректор. Голос его был исполнен скорбного благодушия, какое обычно звучит в надгробных речах. — Это насчет той девицы, которую мы искали.

Ректор оторвался от телефона и потянулся за бутылкой джина. Когда он снова взял трубку, проректор рассказывал что-то про котельную.

— Что-что? — переспросил ректор, зажав бутылку между колен и пытаясь открыть ее одной рукой.

— Я говорю, сторож нашел ее в котельной.

— В котельной? Что она там делала?

— Умирала, — ответил проректор нарочито трагическим голосом.

— Умирала? — ректор справился-таки с пробкой и налил большой стакан. Дело, оказывается, серьезнее, чем он предполагал.

— Увы.

— Где она сейчас? — спросил ректор, стараясь не думать о печальном исходе.

— В котельной.

— В котель... Вы в своем уме?! Если она так плоха, почему вы не отправили ее в больницу?

— «Плоха» — не то слово, — заметил проректор и умолк. Он тоже вымотался за день. — Я сказал, что она умирала. А сейчас она, понимаете ли, уже умерла.

— Господи ты боже мой, — пробормотал ректор и хлебнул джин, даже не разбавив. Хоть какая-то разрядка. — Когда это произошло?

— Час тому назад.

— Час назад? Но час назад я был у себя в кабинете. Почему, черт возьми, мне не доложили?

— Сторож решил, что она перепилась, и позвал миссис Ракнер. Та занималась в корпусе Морриса — урок народной вышивки на экономическом факультете. Она...

— Ближе к делу, — одернул его ректор. — В колледже умер человек, а он плетет что-то про миссис Ракнер и народные вышивки.

Проректор обиделся:

— Я не плету. Я объясняю.

— Ладно, ладно. Мне уже все ясно. Куда вы ее дели?

— Кого? Миссис Ракнер?

— Да нет же, покойницу! Нашли время балагурить!

— Не надо на меня кричать. Приезжайте и разбирайтесь сами, — проректор бросил трубку.

— Вот паскудина, — сказал ректор. Вошедшая в комнату жена приняла эти слова на свой счет.

В полицейском участке Ипфорда обстановка была тоже отнюдь не благостная.

— Что ты мне подсовываешь? — возмутился Флинт. Он только что возвратился из психбольницы. Проездив он туда зря: какой-то пациент объявил, что он и есть Неуловимый Сверкач. На поверку вышло — болтовня. — Передай это дело Роджеру. Наркотики по его части. А у меня Гуманитех вот где сидит.

— Инспектора Роджера нет на месте, — оправдывался сержант. — А в Гуманитехе просили поручить дело вам. Лично.

— Ищи дурака. Прикалывают они тебя. Кого-кого, а меня в Гуманитехе не жалуют. Как и я их.

— Нет, сэр, это не розыгрыш. Звонил сам проректор. Его фамилия Эйвон. Я его знаю: у меня сын ходит в Гуманитех.

Флинт выпучил глаза:

— Сын учится в этом притоне? Ты что — спятил? Я своего на выстрел к этому бардаку не подпущу.

— Может, вы и правы, — сказал сержант. Из деликатности он не напомнил Флинту, что его сын мотает срок и попасть в колледж ему было бы затруднительно, даже если бы папа позволил. — Но мой работает подручным слесаря и, чтобы получить специальность, обязан заочно учиться. Таков закон.

— Будь моя воля, я бы издал такой закон, чтобы ребятня держалась подальше от прощелыг из Гуманитеха. Один Уилт чего стоит, — Флинт с горечью покачал головой.

— Мистер Эйвон сказал, что рассчитывает на вашу осмотрительность и тактичность, — продолжал сержант. — В колледже не знают, отчего наступила смерть. Вполне вероятно, что дело не в наркотиках.

Флинт встрепнулся:

— «Осмотрительность и тактичность». Ишь свистуны, — проворчал он. — А ну как там и взаправду произошло убийство? Ну, тогда это совсем другой коленкор.

С грохотом отодвинув стул, он встал и направился в служебный гараж. Скоро он выехал на Нотт-роуд и подкатил к Гуманитеху. Возле ворот стояла патрульная машина. Флинт лихо проскочил мимо и припарковал автомобиль на стоянке, предназначенной для машины казначея: знай наших! Но у дверей главного корпуса Флинт слегка оробел, что случилось с ним всякий раз при посещении Гуманитеха.

Проректор поджидал его возле стола справок:

— А, инспектор. Очень, очень рад.

Флинт взглянул на него подозрительно. Что-то раньше его в колледже с такой радостью не встречали.

— Так. Где тело? — отрывисто спросил он и с удовольствием отметил, что проректора при этих словах передернуло.

— Э-э-э... В котельной, — промямлил проректор. — Но я бы просил вас не придавать происшедшее огласке. Лишний шум вокруг этой истории ни к чему.

Инспектор Флинт сиял. Скверная, видать, история, раз прохиндей так боится огласки. Ну да Флинт и сам стал всеобщим посмешищем, когда однажды связался с Гуманитехом.

— Если в деле замешан Уилт... — начал он. Проректор покачал головой:

— Нет, он к этому отношения не имеет. По крайней мере, прямого.

— А косвенное? — упавшим голосом спросил Флинт. Снова Уилт, и снова он в тени!

— Видители, он первый узнал, что мисс Линчноул колет наркотики, но он перепутал

уборную.

— Перепутал уборную? — Flint притворно осклабился, но в тот же миг ухмылка соскочила с его лица. Он почувствовал неладное. — Как вы сказали? Мисс...

— Линчноул. Теперь понимаете, почему мы... э-э-э... почему огласка нежелательна? Видите ли...

— Чего уж тут не видеть. Не слепой, — оборвал его Flint так грубо, что проректора покорило. — Значит, у вас в колледже скапустилась дочка лорда-наместника, и вы не хотите, чтобы он... — Flint умолк на полуслове и вперился в проректора испытующий взгляд.

— А как она вообще здесь оказалась? Только не говорите, что она путалась с вашими студентами, не к ночи будь помянуты.

Язвительный тон Flint задел проректора за живое.

— Она сама была нашей студенткой, — гордо ответил он. — Училась на третьем курсе факультета сексообеспечения.

— Сексоц... это что еще за факультет, а? То у вас мясофак какой-то. Оказалось, — факультет мясников. А теперь еще это. Вы что — завели курсы для шлюх? И дочь лорда Линчноула там училась?

— Это факультет секретарш для сферы социального обеспечения, — залепетал проректор. — Очень приличный факультет. Готовит прекрасные кадры.

— Для морга, — добавил инспектор. — Ладно, пойдем посмотрим на вашу последнюю жертву.

Убедившись, что он совершенно напрасно остановил выбор на Flintе, проректор повел инспектора по колледжу. Дорогой инспектор продолжал расспросы:

— Говорят, вы предполагаете, что причина смерти — ПД?

— ПД?

— Передозировка.

— Разумеется. Неужели вы подозреваете другую причину?

Инспектор Flint подергал ус:

— Я ничего не подозреваю. Пока. И все-таки, с чего вы взяли, что она отравилась наркотиками?

— Понимаете, миссис Бристол видела, как в туалете для сотрудниц какая-то девушка делает себе укол. Она позвала Уилта...

— Почему именно Уилта? Нашла кого позвать.

— Миссис Бристол — секретарша Уилта, — пояснил проректор и продолжал живописать путаные события дня. Flint слушал хмуро. Больше всего ему понравилась история про то, как мисс Зайц отметелила Уилта. Сразу видно — бабеч что надо. Все прочее свидетельствовало о том, что насчет нравов Гуманитеха Flint не заблуждался.

Выслушав рассказ до конца, инспектор заметил:

— Пока ясно одно: с выводами лучше не спешить. Сперва я должен провести тщательное расследование. Слышите? Тща-тель-но-е. А то у вас концы с концами не сходятся. Ну кололась неизвестная девица в уборной, ну в котельной нашли труп мисс Линчноул. Но почему вы решили, что это одно и то же лицо?

Проректор удивился: это же очевидно.

— А мне — нет, — сказал Flint. — Что она делала в котельной?

Проректор уныло посмотрел, на ступеньки перед дверью, хотел было снова ответить

«умирала», но поостерегся. Гусей дразнить ни к чему: Флинт — не ректор.

— Ума не приложу, — сказал он. — Может, ей захотелось посидеть в тепле, в темноте.

— А может, и не захотелось. Ничего. Это мы вмиг выясним.

— Я все-таки надеюсь, что вы воздержитесь от огласки, — всполошился проректор. —

Дело-то уж больно щекотливое.

— Заладили: «огласка», «огласка». Для меня главное — установить истину.

* * *

Ректор приехал через двадцать минут и сразу понял, что в поисках истины Флинт размахнулся не на шутку. Дело осложнилось тем, что миссис Ракнер вздумала привести пострадавшую в чувство. Но, поскольку искусством оживлять покойников она владела хуже, чем искусством народной вышивки, все ее усилия привели к тому, что тело свалилось за бойлер. Бойлер работал всюю, поэтому труп представлял собой зрелище не для слабонервных. Флинт распорядился оставить все как есть, пока фотографы не общелкают место происшествия с самых разных точек, нагнал в котельную криминалистов из отдела по расследованию убийств, вызвал полицейского хирурга.

На стоянке было не протолкнуться от полицейских машин, полицейские заполонили корпуса. И все это на глазах у студентов, пришедших на вечерние занятия. Ректору показалось, что Флинт вздумал во что бы то ни стало ослабить колледж.

— С цепи он что ли сорвался? — спросил ректор, переступая белую ленту, протянутую на земле у входа в котельную.

— Он говорит, пока нет доказательств, что это случайное отравление, расследование будут вести, как при убийстве, — устало ответил проректор. — А в котельную заходить не советую.

— Что за вздор?

— Во-первых, там мертвое тело...

— Ну и что? — нахмурился ректор. Во время войны он был на фронте и напоминал об этом кстати и некстати. — Подумаешь — труп.

— Что ж, вам виднее. И все-таки...

Но ректор уже спускался в котельную. Через несколько минут его вывели оттуда под руки. Лица на нем не было.

— Силы небесные, — бормотал он заплетающимся языком. — Вы бы хоть предупредили, что там проводят вскрытие. Как ее угораздило так изувечиться, а?

— По-моему, это миссис Ракнер...

— Миссис Ракнер? Миссис Ракнер? — хрипел ректор. Он тщетно напрягал фантазию, сиюсь увязать ужасы котельной с образом хрупкой преподавательницы-почасовика, обучающей премудростям народной вышивки. — Что за черт? Какое отношение имеет миссис Ракнер к этому... к этому...

Яснее он выразиться не успел: к коллегам подошел инспектор Флинт.

— Теперь вы в своем Гуманитехе не соскучитесь. Вот уже и первый труп появился, — инспектор умел выбрать время для шуток.

Ректор посмотрел на него с неприязнью. Он явно не разделял мнение Флинта, будто жизнь в колледже станет веселее, если там на каждом шагу будут валяться трупы. Ректор

вознамерился приструнить Флинта:

— К вашему сведению, инспектор...

— К вашему сведению, вот что я там обнаружил, — перебил его Флинт и открыл какую-то картонную коробку. — Вы по таким журналчикам студентов обучаете?

Ректор заглянул в коробку. Сердце у него замерло от восторга и ужаса. В коробке действительно помещалась стопа журналов. На обложке верхнего красовались две дамочки, дыба, женоподобный субъект, закованный в цепи, и... такое непотребство, что ректор не знал, с чем его и сравнить. Студентам такую грязь даже показывать негоже.

— Что вы, что вы, наши учащиеся подобную литературу не читают, — всполошился ректор, — это же настоящая порнография.

— Да, порнушка крутая, — согласился Флинт.. — А знаете, сколько там такого добра? Вот ведь какая скверность получается.

И Флинт засеменял прочь.

— Господи, ну что за наказание? — прошептал ректор. — А этому скоту и горя мало. Так и сияет.

— Должно быть, он все еще помнит то гадкое происшествие с Уилтом, — догадался проректор.

— Я его тоже не забыл, — буркнул ректор, угрюмо озирая корпуса колледжа в коем он некогда думал снискать славу. Славу-то он снискал, да только не ту, которую хотел. И все из-за Уилта. Размышляя об Уилте, ректор приходил к тому же выводу, что и Флинт: этакому мерзавцу место за решеткой.

Оба как в воду глядели. В тот же вечер Уилт оказался в тюрьме. Дело обстояло так. Уилт тщательно скрывал от Евы, что по пятницам читает лекции на авиабазе в Бэконхит. Чтобы найти предлог для отлучек из дома, он вызвался давать платные уроки некоему мистеру Малкалему, заключенному Ипфордской тюрьмы. С ним Уилт занимался по понедельникам, но Еве внушил, что наведывается в тюрьму два раза в неделю — по понедельникам и по пятницам. Уилт и сам понимал, что обманывать жену нехорошо, но ведь он для семьи старается: компьютеры и школа, в которую Еве вздумалось устроить близняшек, семейству не по карману, не спасал и приработок в тюрьме, поэтому Уилту и приходилось читать лекции на авиабазе. Да, Уилт лгал жене, однако он вполне мог зачесть общение с мистером Маккалемом во искупление греха. Тем более что подопечный из всех сил старался усугубить его чувство вины и немало в этом преуспел. Благодаря преподавателю из Открытого университета Маккалем изрядно поднаторел по части общественных наук, и когда Уилт пытался подогреть его интерес к Э.М. Форстеру и роману «Хауардз-Энд»^[10], заключенный неизбежно сводил разговоры к тяжелым социально-экономическим условиям, по вине которых он и угодил за решетку. Он довольно складно рассуждал о классовой борьбе, о необходимости революции, лучше всего кровавой, и о полном перераспределении богатств. Чтобы заполучить свою долю богатств, он использовал средства противозаконные и весьма гадкие — например, увещевал недобросовестных должников при помощи паяльной лампы. После таких увещеваний четыре человека отдали Богу душу, Маккалем получил прозвище «Гарри-Поджигатель» а судья, зараженный социальными предрассудками, закатал его на двадцать пять лет. По этой причине доводы Маккалема в пользу социальной справедливости казались Уилту малоубедительными.

Не нравились Уилту и перепады настроений его ученика. Маккалем то хныкал от жалости к себе и твердил, что тюрьма его застобала: не мужик, а сморчок занюханный, то

вдруг на него нападало религиозное исступление, то, расвирепев, он грозил поджарить на медленном огне ту гниду, которая его заложила. Больше всего Маккалем устраивал Уилта в роли сморчка. По счастью, во время занятий ученика и учителя разделяла надежная металлическая сетка и присутствовал еще более надежный надзиратель. Уилт едва оправился от трепки, которую задала ему мисс Зайц, и разноса, который учинила Ева, поэтому такие меры предосторожности были весьма кстати. Тем более что к сегодняшнему настрою Маккалема грибные метафоры никак не подходили.

— Хоть вы и считаете себя шибко умным, а главного не просекаете, — хрипел Маккалем. — Где вам: в тюрюге-то не сидели. И Форстер тоже. Козел он, ваш Форстер. Онс и понятно — средний класс.

— Возможно, вы и правы, — согласился Уилт. Маккалем то и дело отвлекался от темы занятия, но чутье подсказывало Уилту, что сегодня лучше ему не перечить. — Форстер действительно принадлежал к среднему классу. Однако не исключено, что именно по этой причине он обладал тонким вкусом и проницательностью, которые...

— Ни хрена себе тонкости! Да этот пидор спал с боровом. Вот вам и тонкий вкус.

Такой отзыв о личной жизни классика смутил Уилта. Надзирателя, как видно, тоже.

— С боровом? — спросил Уилт. — Быть не может. Вы точно знаете?

— А то как же. С Бэкингом^[11], у-у, боров.

— Ах, вот вы про кого, — Уилт уже клял себя за то, что посоветовал этому жлобу изучать не только творчество, но и биографию Форстера. Даже упоминание о полицейском — для Гарри-Поджигателя — нож острый. — И все же, если мы обратимся к произведениям Форстера с их социальной проблематикой.

— Мотал я эту социальную проблематику! Ничего он, кроме собственной задницы, не видел.

— Что ж, если понимать ваши слова в переносном смысле...

— Кой черт «в переносном»! — рявкнул Маккалем и принялся листать книгу. — Смотрите сами. «Второе января... показалось, что я красив и обаятелен... напудрил бы нос, если бы не... анус зарос волосами». И все это ваш разлюбезный Форстер писал в дневнике. Самовлюбленный педик — и больше ничего.

— Наверно, при помощи зеркала разглядел, — проямлил Уилт, ошарашенный этими откровениями. — И все-таки его романы отражают...

— Наперед знаю, что вы скажете. Дескать, романы Форстера имели для своего времени огромное общественное значение. Ни фига подобного! Как его еще не замели за шуры-муры с приспешником власть имущих. А в смысле общественного значения, что Форстер, что Барбара Картленд^[12] — один черт. Чего стоят ее книжонки, всем известно. Розовые сопли.

— Розовые сопли?

— Чтиво для кухарок, — с наслаждением пояснил мистер Маккалем.

— Любопытный взгляд, — заметил Уилт, у которого от рассуждении ученика голова пошла кругом. — Мне лично казалось, что писания Барбары Картленд — чистейший эскапизм, в то время как...

— Я вам охальничать не позволю, — вмешался надзиратель. — Чтобы я этого слова больше не слышал. Пришли о книгах разговаривать — вот и разговаривайте.

— До чего же Уилберфорс языкастый, — сказал Маккалем, пристально глядя на Уилта. — Такие слова знает, что мое почтение.

Надзиратель за его спиной насупился:

— Я тебе не Уилберфорс. Ты прекрасно знаешь, как меня звать.

— Значит, не о вас и речь, — ответил Маккалем. — Конечно, вы мистер Джерард, а не какой-то олух царя небесного, который даже кличку победителя скачек не может прочесть без посторонней помощи. Так что вы там говорили, мистер Уилт?

Уилт задумался.

— Что, мол, книжки Барбары Картленд — забава для полудурков, — напомнил Маккалем.

— Ах, да. Из ваших слов получается, что романтические произведения оказывают на сознание рабочего класса более пагубное воздействие, чем... Что такое?

Маккалем за металлической сеткой зловеще ухмылялся.

— Ушел вертухай, — прошипел он. — Ловко я его сплавил. — Я ведь ему плачу. А его супружница от Барбары Картленд без ума. Каково ему было слушать? Держите-ка.

Уилт взглянул на свернутый в трубочку листок бумаги, который Маккалем просовывал через сетку.

— Что это?

— Сочинение.

— Но вы их обычно пишете в тетради.

— Ладно, считайте, что это сочинение, и быстренько припрятывайте.

— Я не стану...

Маккалем люто сверкнул глазами:

— Станешь!

Уилт покорно сунул бумажку в карман, и Поджигатель мигом подобрел.

— А жалованье-то у тебя не ахти, — сказал он. — Что за тачка — твой «эскаорт». И жить в одном доме с соседями — не в кайф. То ли дело — свой дом, чтоб ни с кем не делить. А во дворе — «ягуар». Клеваяк, а?

— Не совсем, — произнес Уилт. У него к «ягуару» душа не лежала. Ева и на маленькой машине гоняет так, что только держись.

— Ладно. Считай, что пятьдесят тысяч у тебя в кармане.

— Пятьдесят тысяч?

— Ну да. Плачу наличными — Маккалем покосился на дверь. Уилт тоже. Надзиратель не появлялся.

— Наличными?

— Купюры мелкие, старые. Никто не докумекает. Лады?

— Нет, не лады, — решительно сказал Уилт. — Меня деньгами не...

— А ну не бухти! — грозно зарычал Маккалем. — Ты живешь с женой и четырьмя дочками в кирпичном доме, Оукхерст-авеню, 45. Машина — «Эскаорт» цвета собачьего дерьма, номерной знак ХПР 791 Н. Номер счета в банке «Ллойдз» — 0737. Еще что-нибудь рассказать?

Уилту этих сведений было вполне достаточно. Он вскочил с места, но Маккалем остановил его:

— Сиди, покуда ноги целы. И дочки тоже. Уилт как подкошенный упал на стул.

— Что вам от меня надо?

— Ничего, — улыбнулся Маккалем. — Ровным счетом ничего. Езжай себе домой, прочти эту бумажку, а дальше все пойдет как по маслу.

— А если я откажусь? — Уилт был близок к обмороку.

— Хуже нету, чем лишиться всей семьи, — загрустил Маккалем. — Как после такого на свете жить? Особенно калеке?

Уилт как замороженный смотрел сквозь металлическую сетку и уже не в первый раз — а при нынешних обстоятельствах, может, и в последний — раздумывал: почему его на каждом шагу подстерегают чудовищные неприятности? Маккалем и впрямь чудовище и слов на ветер не бросает. Отчего так: что ни злодей — то человек дела?

— Я хочу знать, что это за бумажка, — сказал Уилт.

— Ничего особенного. Просто знак. А Форстер, по-моему, типичный представитель среднего класса. Жил со старушкой-мамой, кушал конфетки...

— К черту старушку-маму! С чего вы взяли, что я буду..

Но потолковать о будущем они не успели: вернулся надзиратель.

— Кончайте ваш урок, — объявил он. — Закрываем лавочку.

— До свидания, мистер Уилт, — с ухмылкой бросил Маккалем, когда надзиратель вел его к двери. — До следующей недели.

Но Уилт всерьез сомневался, что они увидятся на следующей неделе. Он вообще решил впредь держаться от жлоба подальше. Что за порядки: гангстеру, убийце дают всего-навсего двадцать пять лет! Совсем уж человеческую жизнь ни в грош не ставят.

Уилт уныло побрел к главным воротам. Ключок бумаги жег ему карман, в мозгу билась одна мысль: что делать? Рассказать об угрозах Маккалема охраннику у ворот? Но сукин сын хвастал, что надзирателю он платит. Почем знать, может, они все у него на содержании. Маккалем не раз намекал, что в тюрьме он царь, бог и воинский начальник. И, видно, не только в тюрьме — ухитрился же он разнюхать номер банковского счета Уилта. Нет, уж если и поднимать шум, то обращаться надо не к охраннику, а к кому-то поважнее.

— Ну, как покалякали с Поджигателем? — осведомился надзирателе в конце коридора. В голосе его Уилту почудились зловещие нотки. Определенно, говорить следует только с начальством.

У главных ворот произошел более крупный разговор.

— Не желаете ли чего предъявить, мистер Уилт? — спросил насмешливый охранник. — Остались бы у нас подольше, а?

— Ни за что, — поспешно сказал Уилт.

— Напрасно. У нас тут, знаете ли, недурственно. Всякие удобства, телевизоры, шамовка нынче классная. Подберем вам уютную камеру, подселим парочку славных ребят для компании. Вот вам и здоровый образ жизни. А на свободе что? Одна нервотрепка...

Дальше Уилт слушать не стал. Он вышел за ворота и вновь очутился в мире, который еще совсем недавно почитал свободным. Теперь же он чувствовал, что связан по рукам и ногам. Даже дома на другой стороне улицы, озаренные закатным солнцем, словно нахмурились; от взглядов пустых окон по коже пробежал мороз. Уилт сел в машину, поехал по Гилл-роуд, свернул в переулок и остановился. Убедившись, что за ним никто не следит, он достал из кармана ключок бумаги и развернул. Листок был чист. Чист? Что за притча? Уилт поднес его к окну. Так и есть. Он держал совершенно чистый ключок нелинованной бумаги. Ни единого словечка. Может, Маккалем писал обгоревшей спичкой или тупым концом карандаша? Уилт вертел листок и так и этак — ничего. По тротуару шел прохожий. Уилт испуганно бросил ключок на пол, схватил карту и сделал вид, что рассматривает ее. Выждав, когда прохожий отойдет подальше — Уилт наблюдал в зеркальце заднего вида, — он снова поднял обрывок. По-прежнему ничего. Самый обычный листок, оборванный с

одного края, словно его выдрали из записной книжки. Уж не писал ли ублюдок симпатическими чернилами? Как же, добудет он в тюрьме симпатические чернила. Разве что... Где-то, не то у Грэма Грина, не то у Маггериджа^[13], Уилт читал, будто шпионы во время второй мировой вместо симпатических чернил писали птичьим пометом. Или лимонным соком? Да нет, не может быть. Если бы сукин сын использовал симпатические чернила, он рассказал бы Уилту, как прочесть написанное. Остается одно: ублюдок попросту спятил. Это и так ясно, станет человек в здравом уме зарабатывать на жизнь убийствами и истязаниями с помощью паяльной лампы. На такое только псих и способен. И все же надо быть начеку. Душегуб он и есть душегуб, даже если у него не все дома. Чем раньше сбудутся опасения Маккалема и он окончательно станет занюханым сморчком, тем лучше. Жаль, что он не был сморчком от рождения.

Отчаяние вновь овладело Уилтом, и он отправился в «Герб стеклодувов» собраться с мыслями за стаканом виски.

Инспектор Флинт ввалился к себе в кабинет и, на ходу прихлебывая жиденький кофе из пластмассового стаканчика, провозгласил:

— Все! Отбой!

— Как отбой? — удивился сопровождавший его сержант Йейтс.

— А вот так. Мне с самого начала было ясно, что это ПД. Зато теперь старые хрычи узнали, почему фунт лиха. Жизни они не нюхали, вот что. Придумали себе, понимаешь, понарошечный мирок — уютный, стерильный. Потому что вместо жизни одни слова. А в жизни все по-другому, правда ведь?

— Я об этом не задумывался, — сказал Йейтс.

Инспектор вынул из картонной коробки журнал и уставился на фотографию, где затейливо переплелись три человеческих тела.

— Тьфу, гадость!

Сержант Йейтс через плечо инспектора тоже взглянул на фотографию.

— Надо же — вытворять такое перед камерой, — заметил он.

— Таким бесстыдникам место в камере, а не перед камерой. Да ладно. Это они только для вида. По-настоящему так не получится. Еще сломаешь себе чего-нибудь. Я эту пакость раскопал в котельной. У паскуды-проректора душа в пятки ушла. Даже в лице переменялся.

— Но ведь это же не его журналы.

Флинт захлопнул журнал и положил в коробку.

— Почему знать, сынок, почему знать. Этих, с позволения сказать, образованных сразу и не раскусишь. Словами прикрываются. Вроде бы, люди как люди, а вот тут, — инспектор многозначительно похлопал себя по лбу, — черт-те что творится. Все-то у них не просто.

— Да уж, — согласился Йейтс. — Не просто и стерильно.

Флинт покосился на него. Он никак не мог понять, сержант Йейтс и правда дурак или прикидывается.

— Остричь вздумал?

— Нет, что вы. Просто сперва вы сказали, что они живут в стерильном мирке, а потом — что у них с головой не в порядке. Ну, я и сделал вывод.

— И напрасно. Делать выводы тебе не по зубам. Свяжись-ка лучше с Роджером. Спихнем эту мутотень отделу по борьбе с наркотиками. Ни пуха им ни пера.

Сержант удалился, а Флинт, оставшись один, стал разглядывать свои бледные пальцы. В голове у него ворочались заковыристые мысли о Роджере, о Гуманитехе, о том, какая каша заварится, если столкнуть начальника отдела по борьбе с наркотиками и это кошмарное заведение. Да еще примешать сюда Уилта. То-то начнется потеха. Даром что ли Ходжу понадобилось оборудование для прослушивания телефонов? Все-то он темнит, все-то боится раскрыть карты. А толку? Играть все одно не с кем. Эх, только бы удалось навязать ему в партнеры Гуманитех и Уилта. Нет, Уилта и Гуманитех. Уж тогда несурезицы и недоразумения посыпятся, как из дырявого мешка. Надо же такому случиться, что и в этой истории не обошлось без Уилта. Зашел, вишь, не в ту уборную.

При этой мысли Флинт почувствовал, что пора и самому справить нужду. Снова долбаные таблетки, чтоб их...

В уборной, застыв над писсуаром, он уткнулся глазами в надпись на кафельной стенке:

«Окурки в унитаз не бросать: плохо раскуриваются». Сперва Флинт содрогнулся от омерзения, но потом решил, что из надписи можно извлечь мораль: от разумной просьбы до гнусного предложения один шаг. На ум ему снова пришло слово «несуразица». Свести вместе бродягу Роджера и Уилта — все равно что связать хвостами двух котов, а там посмотрим, кто одержит верх. Если победит Уилт, значит, Флинт прощельгу недооценил. Если инспектор Роджер в схватке с Уилтом, Евой и их ублюдками ухитрится не опростоволоситься перед начальством и выйдет победителем, то повышение он получил по заслугам. Зато инспектор Флинт поквитается с Уилтом. Довольный, Флинт вернулся в кабинет и принялся малевать на листе бумаги черт знает что. Каракули сии изображали кавардак, который задумал учинить инспектор Флинт.

Он все еще предвкушал грядущую месть, когда вернувшийся Йейтс доложил:

— Роджера нет. Оставил записку, что скоро будет.

— Вот-вот, — буркнул Флинт. — Сидит, небось, в кофейне и высматривает телку посмазливее.

Йейтс вздохнул. С тех пор как инспектору прописали членоблокаторы, или как их там, только и разговору что о девочках.

— Разве нельзя? — спросил Йейтс.

— Да ведь он так работает. Полицейский называется. Прихватит какую-нибудь сопливуку с косячком, а воображает, будто расправился с наркомафией. Насмотрелся детективов по телевизору.

В этот момент Флинту позвонили из лаборатории сообщить о результатах анализа.

— Здоровая доза героина, — сказал эксперт. — Но это не все. Девчонка вкатила себе еще что-то. Что именно — пока не разберем. Неизвестный состав. Может быть, «формалин».

— Формалин? Чего это ей вздумалось? — Флинта, понятное дело, передернуло.

— Так прозвали один галлюциноген. Вроде ЛСД, но пострашнее. Ладно, будут новости — позвоню.

— Не надо. Звоните Роджеру. Это его крошка.

Флинт положил трубку и удрученно покачал головой:

— Говорят, девица отравилась героином и какой-то дрянью, которую называют «формалин». Представляешь? Дожили.

* * *

А в пятидесяти милях от полицейского участка, в доме лорда Линчноула шел званый ужин. В самый разгар к дому подкатила машина, и полицейский, вызвав лорда Линчноула, сообщил о смерти дочери. Лорд Линчноул был немало раздосадован. Как некстати: гости только-только покончили с паштетом из скумбрии, распили превосходное монтраше и собирались приступить к пирогу с дичью, хозяин только-только открыл несколько бутылок шато-лафита урожая 1962 года, чтобы порадовать министра внутренних дел и двух приятелей из министерства иностранных дел, — и вдруг это известие. Он не хотел портить гостям аппетит и до поры до времени умолчал о трагическом происшествии, а на вопрос о причине появления полицейских ответил: «Ничего особенного». Он и сам понимал, что выразился неудачно: жена непременно привяжется к этой фразе и закатит скандал. Разумеется, можно возразить, что старина Фредди, как-никак, министр внутренних дел, и

потом нельзя же дергать гостей, когда они пьют лафит шестьдесят второго года, — все удовольствие пропадет. Но Хилери этим не урезонишь, и бурной семейной сцены не избежать. Лорд Линчноул положил себе порцию стилтона и предался мрачным размышлениям. Зачем только он женился на Хилери? Не зря мать предупреждала его, что «у этих Пакертонов» дурная кровь: «Помяни мое слово, дурную кровь не изжить. Рано или поздно беспородица даст себя знать». Мать занималась разведением бультерьеров и понимала толк в породе.

Дурная кровь Пакертонов сказалась в дочери. Пенни вела себя как полная идиотка. Вместо того чтобы заняться конным спортом, она, изволите видеть, потянулась к наукам, поступила в этот отвратительный Гуманитех и стала там якшаться со всяким сбродом. Хорошо же Хилери ее воспитала. Она, конечно, будет валить с больной головы на здоровую и винить во всем мужа. Надо бы что-то предпринять, чтобы она успокоилась. Позвонить главному констеблю и попросить Чарльза употребить власть. Оглядев присутствующих, Линчноул остановил задумчивый взгляд на министре внутренних дел. Ну разумеется, в первую очередь следует переговорить с Фредди. Пусть он сам командует парадом.

Разговор предстоял доверительный, и Линчноулу пришлось довольно долго караулить министра в укромном уголке возле гардеробной, слушая, как в кухне официантки, нанятые прислуживать за столом, обмениваются неллицеприятными отзывами о хозяине. Наконец он перехватил министра в гардеробной и дал волю негодованию, приправив его истинно гражданским пафосом.

— Дело не только во мне, Фредди, — вещал он, когда министр наконец поверил, что смерть дочери — вовсе не сомнительная шутка, коими Линчноул славился в школе. — В этом ужасном Гуманитехе она попала в лапы торговцев наркотиками. Ты обязан положить этому конец.

— Да-да, разумеется, — бормотал министр, отступая к подставке для шляп, зонтов и складных тростей. — Ай-яй-яй, какое горе.

— Вам, политиканам, не причитать бы, а взяться и навести порядок, — наседал Линчноул, притискивая собеседника к плащам на вешалке. — Теперь-то я понимаю, почему рядовые граждане так разочарованы в парламентских словопрениях. — («Неужели?» — подумал министр.) — К тому же словами дела не поправишь. — («Это точно», — подумал министр.) — Примите же, наконец, меры!

— Примем, Перси, — пообещал министр. — Можешь не сомневаться. Завтра же утром позвоню руководству Скотланд-Ярда. — Он достал записную книжку — жест, который неизменно успокаивал влиятельных просителей. — Как, говоришь, называется местечко?

— Ипфорд, — сказал лорд Линчноул, все еще сверля его взглядом.

— И она училась там в университете?

— В Гуманитехе.

— Вот как? — произнес министр таким тоном, что Линчноул смутился.

— Мать недоглядела, — сказал он в оправдание.

— Понятно. И все-таки, если разрешаешь дочери учиться в техническом колледже... нет-нет, я ничего против них не имею. Но все же человеку твоего положения следовало бы глядеть в оба.

Леди Линчноул в вестибюле услышала последние слова министра.

— О чем это вы там секретничаете? — пропищала она.

— Так, дорогая, пустяки, — отвечал муж.

Час спустя, когда гости разъехались, он готов был себя убить за эту фразу.

— «Пустяки»? — кричала леди Линчноул, оправившись от неожиданных соболезнований министра. — Как ты смеешь стоять здесь и называть гибель Пенни пустяками?

— Я вовсе не стою, дорогая, — возразил Линчноул, забившись в кресло. Но заговорить жене зубы не удалось.

— И ты знал, что она лежит там в мертвецкой, а сам без зазрения совести сидел с гостями за столом? Видела я, что ты бессердечная скотина, но такое...

— А что мне было делать? — рявкнул Линчноул, чтобы остановить этот словесный поток. — Вернуться к столу и во всеуслышание объявить, что твоя дочь — паршивая наркоманка? Вот тогда бы ты попрыгала. Представляю, как ты...

— Прекрати! — крикнула жена. Линчноул выбрался из кресла и прикрыл дверь, чтобы прислуга не услышала. — Не думай, что можешь...

— Тихо! — заорал Линчноул. — Я говорил с Фредди. Делом займется Скотланд-Ярд. Кроме того, я позвоню Чарльзу. Он главный констебль, и...

— К чему эти хлопоты? Чарльз все равно ее не воскресит.

— И никто не воскресит! А все ты. Ну зачем ты ей втемяшила, что она может сама зарабатывать на жизнь? Ведь было ясно как божий день, что она дура набитая.

Лорд Линчноул снял трубку и набрал номер главного констебля.

* * *

Уилт в «Гербе стеклодувов» тоже набирал номер. Он долго раздумывал, как бы ему расстроить черные планы Маккалема, не выдав себя начальству тюрьмы. Задача была не из легких.

После второго стакана виски Уилт наконец решился позвонить в тюрьму и, не называясь, попросить номер начальника, который в телефонной книге не значился.

— Это закрытая информация, — ответил дежурный.

— Знаю. Поэтому я и спрашиваю.

— Поэтому я и не могу его дать. Если начальник сам захочет, чтобы преступники трезвонили ему с угрозами, он свой номер рассекретит.

— Резонно. А что прикажете делать рядовому гражданину, которому угрожают ваши заключенные? Где ему искать вашего начальника, чтобы рассказать о подготовке массового побега?

— Массового побега? Какие у вас сведения?

— Об этом мы поговорим с вашим начальником.

Дежурный задумался, и Уилту пришлось скормить автомату еще одну монету.

— Может, вы расскажете мне? — спросил наконец дежурный.

Уилт пропустил вопрос мимо ушей. Он шел ва-банк, отступать уже некуда, и, если не удастся убедить дежурного, что дело пахнет керосином, не сегодня-завтра дружки Маккалема переломают ему ноги. В отчаянии Уилт попытался вложить в свои слова всю душу.

— Послушайте. Это действительно очень серьезно. Мне очень нужно поговорить с начальником лично. Я, через десять минут перезвоню, хорошо?

В голосе Уилта звучало такое неподдельное отчаяние, что дежурный смягчился:

— Боюсь, сэр, мы не успеем с ним сразу связаться. Оставьте ваш номер. Я попрошу его перезвонить вам.

— Ипфорд 23194. Честное слово, это не розыгрыш.

— Хорошо, сэр, постараемся его поскорее разыскать.

Уилт положил трубку и вернулся к стойке. Он понимал, что игра, которую он затеял, чревата ужасными последствиями. Стоило ли давать дежурному телефон бара, где его так хорошо знают? Чтобы унять тревогу, он допил виски и заказал третий стакан. «Зато теперь они поверят, что я говорю серьезно», — мысленно утешал себя Уилт. Почему это у чинуш так мозги устроены, что разговаривать с ними просто невозможно? Главное — как можно скорее добраться до начальника и все ему объяснить. А там, глядишь, Маккалема переведут в другую тюрьму, и Уилт сможет спать спокойно.

* * *

В Ипфордской тюрьме весть о готовящемся массовом побеге сразу же наделала переполох. Старшего надзирателя подняли с постели, и он кинулся звонить начальнику тюрьмы. Но у начальника никто к телефону не подходил.

— Небось, ужинает где-нибудь, — решил старший надзиратель, — а может, нас кто-то разыграл?

Дежурный покачал головой:

— Не похоже. Судя по голосу, человек образованный. Да и трусит порядком. Сдается мне, я этот голос уже слышал.

— Слышал?

— Ну да. Узнать я его не узнал, но уж больно знакомый голос. Нет, он не разыгрывает: вот и телефон свой оставил.

Старший надзиратель набрал номер. Занято: какая-то девица в «Гербе стеклодувов» болтала с приятелем.

— Почему же он тогда не представился?

— Я же говорю, трусит. Кто-то его здорово припугнул. Шутка ли! У нас тут такие головорезы сидят, что...

Про головорезов старший надзиратель все знал.

— Ладно. Не будем рисковать. Начинаем действовать, как в случае чрезвычайного положения. А ты звони начальнику, будь он неладен.

Через полчаса начальник тюрьмы вернулся домой и обнаружил, что телефон у него в кабинете надрывается.

— Алло. Что там у вас?

— Есть подозрения, что готовится массовый побег, — доложил дежурный. — Звонил какой-то...

Начальник не дослушал. Вот оно! Не зря он уже много лет с ужасом ждал чего-нибудь в этом роде.

— Еду! — крикнул он и бросился к машине.

Подъезжая к тюрьме, он услышал вой сирены, увидел как по дороге перед ним мчатся пожарные машины, и задрожал мелкой дрожью.

У ворот его остановили трое полицейских.

— Куда это вы разбежались? — поинтересовался сержант. Начальник испепелил его взглядом.

— Я, с вашего позволения, начальник этой тюрьмы, — объявил он. — Пропустите-ка, пожалуйста.

— А документы у вас есть? Мне приказано никого не впускать и не выпускать.

Начальник порылся в карманах и достал пятифунтовую бумажку и расческу.

— Видите ли, — начал он. Сержант видел одно — деньги. На расческу он не обратил внимания.

— Вы эти штучки бросьте, — сказал он.

— Какие штучки? У меня больше ничего нет.

— Констебль, будьте свидетелем! Дача взятки...

— Взятки? Какая взятка? Что вы придумываете? — взорвался начальник. — Сами требуете у меня документы, а когда я пытаюсь их найти, болтаете про какую-то взятку. Черт знает что! Позовите охранника, он вам объяснит, кто я такой.

Начальник целых пять минут бушевал у ворот тюрьмы. Когда, наконец, он попал туда, он уже был ни жив ни мертв, и выправить положение оказалось ему не под силу.

— Что-что? — орал он на старшего надзирателя. — Какой вы отдали приказ?

— Я распорядился перевести заключенных с верхних этажей в нижние камеры. Чтобы не смогли выбраться на крышу. Правда, нижним пришлось немного потесниться...

— Потесниться?! И так в камерах для одного сидело по четыре человека. А теперь сколько? Восемь? Как они у вас еще бунт не подняли!

В этот миг из корпуса «Б» донеслись истошные крики. Старший надзиратель Блэггз со всех ног бросился туда, а начальник тюрьмы попытался выяснить, что происходит. Это оказалось не легче, чем проникнуть в тюрьму. На третьем этаже корпуса «А», как видно, шло сражение.

— Наверно, из-за того, что Фидли и Гослинга посадили в камеру к Стенфорту и Хейдоу, — сообщил по внутренней связи дежурный.

— Фидли и... Посадить детоубийц к добропорядочным грабителям банков, честнейшим парням? У Блэггза не голова, а кочан капусты! Они долго мучались?

— Да они вроде еще живы, — ответил дежурный. Нотки сожаления в его голосе начальнику не понравились. — Я только знаю, что Хейдоу захотел кастрировать Фидли, но его оттащили. И тогда мистер Блэггз решил вмешаться.

— А до этого он что — выжидал?

— Не совсем, сэр. Но из-за пожара в корпусе «Г»...

— Пожара? Какого пожара?

— Мур поджег свой матрац. И пока...

Начальник тюрьмы уже не слушал. Он понял, что его карьера висит на волоске. Дело за малым: вздумает полоумный Блэггз согнать всех скотов из корпуса особого режима в одну камеру — и смертоубийство обеспечено. Начальник решил было пойти проверить, но тут вернулся старший надзиратель Блэггз.

— Полный порядок, сэр, — радостно доложил он.

— «Полный порядок»? — выдохнул начальник тюрьмы. — По-вашему, когда заключенные того и гляди кастрируют своего сокамерника, это называется полный порядок? Боюсь, министр внутренних дел с вами не согласится. Уверяю вас, в нынешних правилах

содержания тюрем «полный порядок» определяется иначе. Теперь — про корпус особого режима...

— Об этом не беспокойтесь, сэр. Там все спят, как младенцы.

— Странно. Уж если кто и готовил побег, то наверняка тамошняя публика. А они часом не прикидываются?

— Что вы, сэр. Я как только услышал про побег, тут же плеснул им в какао двойную порцию того снотворного, — Блэггз был горд своей смекалкой.

— Господи Иисусе! — ахнул начальник. То-то обрадуется Лига тюремных реформ, когда узнает, какими новаторскими методами старший надзиратель предотвращает беспорядки. — Вы сказали двойную порцию?

Старший надзиратель кивнул:

— То самое зелье, которым мы угостили Фидли. Помните, когда он смотрел фильм с Ширли Темп^[14] и чересчур возбудился? Ничего, после сегодняшнего он еще долго будет держать свою пипку на привязи.

— Там в каждой упаковке ударная доза люминала! — взвизгнул начальник.

— Так точно, сэр. Я так и прочел на этикетке: ударная доза. Поэтому и вкатил им двойную. Враз вырубилась.

«Еще бы», — пронеслось в голове у начальника.

— Вы им дали вдвое больше положенного, — простонал он. — Они же все теперь передохнут. И чтоб на меня потом не кивать?

Блэггз огорчился:

— Я думал, так будет лучше. Люди от них и так натерпелись. Почитай, половина — убийцы-маньяки.

— Да, убийцы-маньяки у нас. как выяснилось, имеются, — проворчал начальник. Он подумывал вызвать «скорую помощь» и промыть скотам желудки. Вдруг по внутренней связи в разговор вмешался дежурный:

— В случае чего скажем, что их отравил Уилсон. Они боятся его как огня. Помните, они забастовали, отказались наводить чистоту в камерах и мистер Блэггз послал Уилсона на кухню мыть посуду?

Лучше бы он не напоминал. Только идиоту могла прийти мысль послать на кухню отравителя, который отправил на тот свет не одного человека.

— И ведь как подействовало, — продолжал дежурный. — Мигом перестали свинячить в камерах.

— И объявили голодовку, — добавил начальник.

— Уилсон, правда, заартачился, — захлеб вспоминал дежурный. — Ему, видите ли, не понравилось, что его заставляют мыть посуду в боксерских перчатках. Так осерчал...

— Хватит? — рявкнул начальник. Надо было хоть как-то остановить этот поток безумия.

И вдруг зазвонил телефон.

— Вас, сэр, — произнес старший надзиратель со значением.

Начальник схватил трубку.

— Вы хотите рассказать о готовящемся побеге? — выпалил он, но услышал гудок, какие бывают, когда звонят из автомата и монета еще не проскочила. Не успел начальник спросить, почему это старший надзиратель решил, что звонят именно ему, как гудок прервался. Начальник повторил вопрос.

— Я как раз по этому поводу, — сказал звонивший. — Насколько верны эти слухи?

— Насколько верны... — опешил начальник. — А я почему знаю? Вы же сами подняли шум.

— Вот те раз! Это Ипфордская тюрьма?

— Ну да, Ипфордская тюрьма. И я, представьте себе, ее начальник. А вы думали, кто я такой?

— Никто, — незнакомец растерялся. — Совсем никто. В смысле, не то чтобы совсем никто, а... В общем, как-то не верится, что вы — начальник тюрьмы. Так все-таки, был побег или нет?

Начальник и сам уже начал сомневаться, что он — это он.

— Послушайте, — возмутился он. — Вы недавно позвонили сюда и предупредили, что готовится побег, а теперь...

— Я? Вы что — спятили? Когда мне было звонить? Я битых три часа торчал на Блстон-роуд. Там полетел погрузчик, а мне об этом заметку надо писать.

Начальник тюрьмы насторожился. Взяв себя в руки, он спросил:

— А с кем я, собственно, говорю?

— Моя фамилия Нейлтс, я корреспондент «Ипфорд ивнинг ньюс», и...

Начальник швырнул трубку и напустился на Блэггза:

— Радуйтесь! Подложили свинью! Это звонили из «Ивнинг ньюс». Интересуются побегом.

Старший надзиратель с готовностью сконфузился:

— Извините. Ошибочка вышла...

Но эти слова снова вызвали у начальника приступ гнева:

— Ошибочка? Ошибочка? Звонит, понимаете, какой-то маньяк, рассказывает сказки про побег, и вам приходит блажь отравить...

Неизвестно, чем кончился бы разнос, если бы начальнику не сообщили о новой беде. Предупреждение Уилта начинало сбываться: трое медвежатников всерьез поговаривали о побеге. Прежде они все вместе ютились в камере, которая в викторианские времена предназначалась для одного. Теперь их подселили к четверем мордоротам из Глазго, по прозвищу «Трущобные Гомосеки», сидевшим за нанесение тяжких телесных повреждений. Медвежатники потребовали, чтобы их перевели к каким-нибудь убийцам с более привычными сексуальными наклонностями — иначе они дадут деру.

Когда начальник явился в корпус «Б», мятежная троица ожесточенно спорила с надзирателями.

— Не пойдем к пидорам — и все тут, — горячился один грабитель.

— Это только на время, — убеждал начальник. — Утром...

— Утром у нас уже будет СПИД.

— Кто спит?

— Синдром приобретенного иммунодефицита. В гробу я видал этих шотландских ублюдков с лишаями в заднице. Подберите нам лучше каких-нибудь приличных убийц. Когда нас тут ни в грош не ставят — ладно, привыкли. Но когда ставят раком — это уж дудки. Мы где — в тюрьме или в гареме для педерастов?

Начальник и сам не знал где. Ему казалось — в сумасшедшем доме. Кое-как утихомирив мятежников и уговорив их вернуться в камеру, он отправился в корпус особого режима. Там его глазам представилось и вовсе кошмарное зрелище. В ярко освещенных коридорах стояла

кладбищенская тишина. Начальник переходил от камеры к камере, и ему чудилось, что он разгуливает по моргу. В камерах были подонки, о которых он в минуту гнева думал: «Чтоб они сдохли!» Похоже, его пожелание исполнилось. То есть их можно было бы принять за покойников, если бы время от времени не раздавался безобразный храп. Тела заключенных свешивались с коек, навзничь лежали на полу в неестественных позах, будто на них уже нашло трупное окоченение.

— Доберусь я до мерзавца, который заварил эту кашу! — бормотал начальник тюрьмы. — Я ему... Я ему... Я ему...

Он мысленно перебрал весь уголовный кодекс и махнул рукой: за такую вину как ни накажи — все мало.

Когда Уилт покидал бар «Герб стеклодувов», его отчаяние уже несколько улеглось. Во-первых, его разморило, потому что после третьей порции виски он перешел на пиво. Во-вторых, разговор с начальником тюрьмы так и не состоялся, потому что Уилту не удалось дорваться до телефона. Из автомата звонили не переставая. Уилт метался между телефоном и уборной, но всякий раз, как телефон освобождался, его тут же занимал кто-то другой. Сперва девица полчаса препиралась с ухажером, а стоило Уилту отлучиться в уборную, как ее сменил крутой малый, который попросту послал Уилта в строго заданном направлении. Дальше — больше. Посетители словно сговорились по очереди висеть на телефоне. В ожидании Уилт сидел у стойки, пил и в конце концов решил, что все обойдется. Его не тревожило даже то, что машину надо будет оставить у бара, а домой добираться пешком. «Чего мне бояться? — рассуждал Уилт. — Сукин сын сидит за решеткой и выйдет на волю не раньше чем через двадцать лет. Да и что он мне сделает?»

И все-таки, возвращаясь домой, Уилт нет-нет да и оглядывался: не преследует ли кто. Но по дороге никто не встретился, разве что парочка на велосипедах и мужчина с собачкой. Видно, самое страшное впереди. Что же такое замыслил Маккалем? Клочок бумаги — наверно, что-то вроде намека: Маккалем давал понять, что отводит Уилту роль связного. Если так, то отвертеться от этой роли проще простого, надо лишь держаться подальше от тюрьмы. Но как объяснить это Еве? Ничего, он и впредь станет по понедельникам уходить из дома, будто на урок к Маккалему. А Ева так занята близняшками, что ничего не заметит. И семейный бюджет не очень пострадает — ведь Уилт будет по-прежнему читать лекции на авиабазе.

Были у него и более неотложные заботы. Как объяснить Еве, почему он припозднился? Уилт взглянул на часы. Полночь. Вернуться домой за полночь, без машины — не шутка. Ева расспросами всю душу вымотает. Собачья жизнь: на работе отбиваешься от тупых чинуш, в тюрьме выслушиваешь угрозы паршивого уголовника, а дома жена шпыняет за то, что ты, дескать, весь день бьешь баклуши, и приходится врать. Уж если кому и живется хорошо, так только хищникам. Хищникам и пройдохам — напористым, решительным.

Уилт остановился под фонарем. Снова — второй раз за день — ему на глаза попались мини-елочки и азалии в саду мистера Сэндза. От пива и мыслей о несовершенстве мира в душе Уилта пробуждались напор и решимость. Он еще себя покажет! Свет еще увидит, что Уилт не чета сереньким людишкам, которые пробавляются подачками судьбы и безропотно отходят в вечность (впрочем, куда они отходят, Уилт точно не знал), доверив себя непрочной памяти потомков да семейным альбомам с пожелтевшими фотографиями. Нет, Уилт не таков. Уилт... Уилт — хорош он или плох — останется самим собой.

Но об этом он сможет вволю поразмышлять утром. А до того предстоит объяснение с Евой. Пусть теперь попробует вякнуть: «Где тебя носило?» Уилт ответит, что это не ее собачье... Нет, не годится. Она только того и ждет. И снова придется полночи выяснять, почему у них не ладится семейная жизнь. Уилт-то знает, почему. Они живут вместе уже двадцать лет, и Ева, вместо того чтобы рожать одного за одним, взяла да и родила четырех сразу. Вполне в ее духе: если она за что берется, ее красным светом не остановишь. Ну да это к делу не относится. Или относится? Может, это провидение и законы генетики распорядились, что раз уж Уилт — недочеловек, то детей у него в семействе должен быть

перебор? Мысли Уилта опять метнулись в сторону. Он вспомнил, что после каждой войны число новорожденных мужского пола резко возрастает, словно Природа (с большой буквы) стремится восполнить убыль. Но если Природа и впрямь обладает разумом, то где был ее разум, когда она свела Уилта и Еву? Тут его мысли еще раз свернули с прямого пути. Ему вновь не давал покоя зов Природы, но уже в другом смысле. Ну нет, на сей раз мочиться в розовый куст он не станет — с него хватит и того скандала.

Уилт прибавил шагу и вскоре тихонько открывал дверь дома 45 по Оукхерст-авеню. Если Ева спросит про машину, он скажет, что она сломалась и ее пришлось отвезти в гараж Хищником быть не обязательно, а вот пройдохой — куда ни шло. А еще лучше — просто набрать в рот воды.

Но Ева крепко спала. Ей пришлось весь день зашивать близняшкам штаны, потому что девчушки в знак протеста против полового неравенства прорезали в них ширинки.

Не зажигая света, Уилт юркнул в постель и принялся размышлять о напоре и решимости.

* * *

Уж если где нынче и ощущались напор и решимость, так это в полицейском участке Ипфорда. Когда стало известно, что лорд Линчноул звонил главному констеблю, а министр внутренних дел обещал подключить к расследованию Скотланд-Ярд, старший офицер оторвался от телевизора, мигом примчался в участок и созвал срочное совещание.

— Чтобы в ближайшее время были результаты! Как вы их получите — не мое дело, — опрометчиво объявил старший офицер. — Я не допущу, чтобы у нас под боком появились зланные местечки вроде Сохо, площади Пиккадилли, или где там еще торгуют этим зельем. Работать, работать. Ясно?

Флинт ухмылялся. На этот раз он был рад, что оказался в одной компании с Роджером. Он не преминул рассказать, что уже наведалься в Гуманитех и установил причину смерти.

— Все предварительные данные содержатся в моем отчете, сэр. Смерть наступила вследствие отравления героином и еще каким-то наркотиком под названием «формалин». Может, Роджер знает, что это за штука.

— Фенциклидин, — объяснил Роджер. — Его еще называют «зверь-травка», «ангельская пыль» и «сорняк-убийца».

Названия старшего офицера не интересовали.

— Какое он оказывает действие? Конечно, если не считать смертельного.

— Такое же, как и ЛСД, только в сто раз страшнее. От него мерещится всякая чертовщина, а, если перебрать, можно и вовсе сойти с ума. Смерть да и только.

— Это я уже понял, — сказал старший офицер. — Где она его добыла — вот вопрос, который интересует меня, главного констебля и министра внутренних дел.

— Трудно сказать, — ответил Роджер. — Этой штукой все больше американцы балуются. У нас она, насколько мне известно, не в ходу.

— Что же, по-вашему, она махнула на каникулы в Штаты и купила ее там?

— Едва ли. Тогда она знала бы, как обращаться с наркотиком. Скорее всего, раздобыла в колледже.

— Ну хорошо, — проворчал старший офицер. — Вы там разберитесь, да побыстрее. А

что до героина и прочих наркотиков, чтобы духу их в городе не было. А то нагрянет Скотланд-Ярд и получится, что мы, ротозеи провинциальные, только ворон считаем. Это не мои слова, это сказал главный констебль. Кстати, вы уверены, что она сама вкатила себе наркотик? Может, ей впрыснули... того... насильно?

«Эге, — смекнул Флинт, — хочет свалить расследование на меня и выставить дело так, будто дочка лорда Линчноула вовсе и не наркоманка».

— По моим сведениям — нет, — сказал он. — Есть свидетели, что она сама кололась в туалете для преподавательниц Гуманитеха.

И Флинт поглядел на Роджера. Пусть лучше он отбивается от Скотланд-Ярда и выгораживает семейство Линчноулов.

— Вот как, — разочарованно сказал старший офицер. — Значит, грязные махинации исключаются?

Флинт кивнул. Вообще-то всякое преступление, связанное с наркотиками, — сплошь грязные махинации, но рассуждать об этом не время. Сейчас главное — втравить в это дело Роджера. Наломает дров — тут ему и конец.

— И самое подозрительное, — заметил Флинт, — что она отправилась в туалет для сотрудников. По-моему, это зацепка.

— Какая зацепка?

— Может, они и ни при чем, а может, и при чем, — туманно отвечал Флинт, полагая, что изъясняется тонкими намеками. — Уж кое-кто из них — точно.

— Да что «точно», в конце-то концов?

— Точно промышляет наркотиками. Вот почему мы никак не докопаемся, откуда берется зелье. Ведь преподавателей никто не заподозрит, правда? — Флинт помолчал и наябедничал: — Вот, к примеру, Уилт. Мистер Генри Уилт. С этим пройдохой надо держать ухо востро. Мы уже из-за него влипли в одну историю. У меня на него досье потолще телефонного справочника. А он не кто-нибудь — заведующий кафедрой гуманитарных наук. Вы бы видели, какое отребье у него работает. И как это лорд Линчноул пустил дочку в Гуманитех — не пойму.

Флинт вновь замолчал. Краем глаза он заметил, что Роджер что-то записывает. Ключнул-таки, кретин.

Старший офицер тоже попался на удочку.

— Возможно, инспектор, вы не далеки от истины, — произнес он. — Кое-кто из преподавателей еще тоскует по безобразиям шестидесятых — семидесятых. А дочь лорда Линчноула, значит, видели в преподавательской уборной...

Это обстоятельство решило все. Старший офицер поручил Роджеру провести тщательное расследование в Гуманитехе и позволил внедрить там своих агентов.

— Составьте список, — распорядился он. — Я передам главному констеблю. Поскольку за ходом следствия наблюдает сам министр, за разрешением дело не станет. Только, ради бога, добейтесь хоть каких-нибудь результатов!

— Будет сделано, — сказал инспектор Роджер и вернулся к себе в кабинет рад-радешенек.

Флинт тоже торжествовал. Уходя домой, он заглянул к Роджеру и с видимым неудовольствием бросил на стол досье Уилта.

— Может, пригодится. Еще что понадобится — дайте знать.

— Непременно, — пообещал Роджер, про себя же подумал: «Ищи дурака». Нельзя

допустить, чтобы дело было раскрыто стараниями Флинта. И пока вернувшийся домой Флинт перед сном неосмотрительно ублажал себя темным пивом, Роджер сидел в кабинете и разрабатывал план операции, которая должна была увенчаться его очередным повышением по службе.

Прошло два часа. На улице погасли фонари. Ипфорд уснул, а Роджер, отравленный ядом честолюбия и надежды, все сидел за столом. Он внимательно прочел отчет Флинта и впервые в жизни нашел его выводы безупречными. Они подтверждались данными предварительной экспертизы. Смерть наступила в результате употребления героина в сочетании с «формалином». Этот наркотик Роджера заинтересовал.

— Американское зелье, — снова пробормотал он и запросил данные Национальной компьютерной службы полиции о случаях его использования в Англии. Как и следовало ожидать, такие случаи оказались крайне редки. И все же наркотик очень опасен: в Штатах он распространился так быстро, что его окрестили «наркосифилисом». Если Роджер раскроет это дело, он прославится не только в Ипфорде, но, благодаря лорду-наместнику и министру внутренних дел, даже... Роджер еще немного повитал в облаках и спустился на землю. Нехотя он придвинул к себе досье на Уилта.

Когда в Ипфорде прогремела история про Уилта и надутую женщину, основательно испортившая карьеру Флинта, Роджер здесь еще не работал. Но историю эту частенько вспоминали в служебной столовой. Все сходились во мнении, что мистер Генри Уилт ловко околпачил инспектора Флинта. Выставил его на посмешище, ничего не скажешь. Но для чего Уилт затеял этот балаган, Роджер никак не мог понять. Зачем человеку в здравом уме одевать резиновую куклу в платье своей жены и погребать на стройке под грудой цемента? Однако Уилту это зачем-то понадобилось. Одно из двух: либо он не в своем уме, либо старается отвлечь внимание от другого преступления. Пугает след. Что ж, ему удалось выйти сухим из воды, а Флинта оставить в дураках. И у Флинта, конечно, на него зуб. С этим тоже все были согласны.

Подозрения Роджера вспыхнули с новой силой. Он взял досье Уилта и стал внимательно читать протоколы допросов. Хоть этот Уилт и дрянь порядочная, а все-таки орел. И спать-то ему не давали, и вопросами терзали, но он твердо стоял на своем. А идиот Флинт так и показал себя полным идиотом. Кто-кто, а Роджер это понимал. И еще он понимал, почему Флинт невзлюбил его, Роджера. Но самое главное, чутье подсказывало ему, что у Уилта рыльце в пушку. Это уж точно. Однако хитрости ему не занимать, поэтому простофиля Флинт так и не сумел его прищучить. И, не справившись с Уилтом, передал досье Роджеру: пусть, мол, он прищучит. Что ж, это понятно. Но с какой радости Флинт, который Роджера на дух не переносит, подсунул досье именно ему? Ведь из материалов следует, что Флинт суший остолоп. Значит, у Флинта на уме что-то другое. Может, старик признал свое поражение? И вид у него в последнее время какой-то побитый, и голос унылый. Неужели, отдавая досье, он показывал, что выбывает из игры? Роджер ликующе улыбнулся. Он только и ждал случая доказать, что Флинту до него расти и расти. Вот случай и представился.

Роджер снова погрузился в отчет Флинта о происшествии в Гуманитехе. Флинт рассуждал правильно, и все же, дойдя до упоминания о том, как Уилт сунулся не в ту уборную, Роджер насторожился. Вот где старик дал маху! Роджер перечитал еще раз: «По словам ректора, Уилту следовало подняться в туалет на четвертом этаже, однако он спустился на второй». И далее: «Секретарша Уилта миссис Бристол направила его в женский туалет на четвертом этаже. Она утверждала, что столкнулась с девушкой там». Так

и есть. Ох, неспроста Уилт ошибся этажом: снова какие-то плутни. Флинт, видимо, ничего не заподозрил, иначе допросил бы стервеца. Роджер мысленно отметил: надо последить за мистером Уилтом. Ненавязчиво, чтобы не спугнуть. Вторая мысль была такая: «Проверить, можно ли в лабораториях колледжа изготовить „формалин“». И третья: «Установить источник героина».

Но пока Роджер обдумывал дальнейшие ходы, в уме его то и дело проносились звучные романтические названия: «Золотой треугольник», «Золотой полумесяц». «Золотой треугольник», джунгли Таиланда, Бирмы и Лаоса... «Золотой полумесяц», подпольные лаборатории Пакистана, где производится героин, поставляемый в Европу... Воображение Роджера рисовало жуткую картину: на Англию надвигаются орды смуглых пакистанцев, турок, иранцев, арабов. Они приезжают на ослах, проникают в страну на грузовиках, а то и на кораблях и по ночам делают свое черное дело — сбывают смертоносное зелье. За их спиной стоят важные господа, которые живут в роскошных домах, посещают загородные клубы, катаются на собственных яхтах. А сицилийские головорезы? Ведь чуть не каждый день на улицах Палермо убивают людей, не угодных мафии. Находится и в Англии всякая шушера, торговцы «дурью», вроде Флинтова сынка, который нынче отбывает срок в Бедфорде. Кстати, может, Флинт еще и по этой причине сменил тон. И все-таки Роджера куда больше занимали романтические заморские страны, где кишмя кишат коварные злодеи; сам же Роджер представлялся себе воином, который вознамерился в одиночку искоренить этот наигнуснейший вид преступлений.

Конечно, полет фантазии унес Роджера слишком далеко от реальной жизни. Инспектор верно представлял только географию событий: героин действительно привозили из Азии и с Сицилии, наркомания действительно была бичом Европы. Но покончить с этой напастью можно лишь благодаря решительным и разумным действиям полиции и международному сотрудничеству. Однако Роджер, даром что инспектор, разумом не блистал и мог похвастаться разве что необузданным воображением. Разум же ему заменяла решительность — решительность человека, у которого нет семьи, мало друзей, зато имеется цель в жизни.

Долго инспектор Роджер разрабатывал план операции. Только в четыре часа утра он покинул участок и отправился домой — жил он неподалеку, — чтобы вздремнуть пару часов. Но даже засыпая, он вспоминал фиаско инспектора Флинта и злорадно думал: «Пусть теперь побеждает».

* * *

Инспектор Роджер попал в точку. На другом конце Ипфорда, в домике с ухоженным садом, украшением коего был аккуратный пруд, где плавали золотые рыбки, а посередине стоял ангелочек, инспектор Флинт всю ночь бегал не переставая. Но спать Флинту не давала не будущая слава инспектора Роджера — насчет его будущего Флинт был спокоен. — а темное пиво и проклятые таблетки. Лежа в постели, Флинт прикидывал, не махнуть ли куда-нибудь на отдых? Ему положен двухнедельный отпуск, да и врач советовал отдохнуть. Куда же поехать? В Коста Брава? На Мальту? Оно бы и ничего, вот только у миссис Флинт от жары прямо течка начинается — слава богу, в обычную погоду она сейчас не слишком усердствует. Пожалуй, лучше всего отправиться в Корнуолл. С другой стороны, хочется полюбоваться, как инспектор Роджер сядет в лужу: Уилт, как пить дать, оставит его в

Дело шло к рассвету, а в тюрьме не утихала катавасия, которая разразилась по вине Уилта. В два часа ночи еще один заключенный в корпусе «Д» поджег матрац, но какой-то смекалистый грабитель залил его из помойного ведра. Больше всего хлопот доставлял начальству корпус особого режима. К своему удивлению, начальник тюрьмы обнаружил, что двое узников в камере Маккалема не спят. Поскольку это была камера Маккалема, начальник не осмеливался зайти туда один, разве что в сопровождении полдюжины надзирателей. Однако собрать такую команду не удалось: во-первых, надзиратели опасались Маккалема не меньше, чем их начальник, а во-вторых, у них нынче и без того забот хватало. Начальнику пришлось беседовать с заключенными через закрытую дверь. Сокамерники, они же телохранители Маккалема, носили клички Бык и Клык.

— Чего это вам не спится? — спросил начальник.

— Вырубите к черту свет — тогда уснем, — прорычал Бык. Он угодил в тюрьму из-за любви: ему вскружила голову жена управляющего банком, и Бык, поддавшись уговорам, прикончил ее мужа и стащил из банка пятьдесят тысяч фунтов. Но коварная обманула и вышла замуж за брокера.

— Со мной так разговаривать нельзя, — сказал начальник, подозрительно разглядывая камеру через глазок. В отличие от своих сокамерников, Маккалем, как видно, крепко спал. Рука его свесилась с койки, лицо поражало неестественной бледностью. Тем более неестественной, что обычно на физиономии Маккалема играл отвратительно густой румянец. Начальнику тюрьмы это не понравилось. Он готов был поклясться, что побег задумал не кто иной, как Маккалем, а значит... Начальник и сам не знал, что это значит, и все-таки встревожился: Бык и Клык себе бодрствуют, а Маккалем дрыхнет, да еще такой бледный-пребледный. Что-то здесь не так.

— Маккалем! — позвал начальник. — Проснитесь, Маккалем!

Маккалем не пошевелился.

— Елки-палки, — буркнул Клык, приподнимаясь на койке. — Что там еще за шухер?

— Маккалем! — орал начальник. — Просыпайтесь! Я приказываю!

— Ну чего тебе неймется? — взревел Бык. — Ночь-полночь, а тут какой-то шизанутый легавый людям спать не дает. Думаешь, если мы в тюрьме, так уж и прав никаких не имеем? Смотри, Мак шутить не любит.

Начальник стиснул зубы и сосчитал до десяти. Слово «легавый» выводило его из себя.

— Я просто хочу убедиться, что мистер Маккалем жив и здоров. Разбудите его, пожалуйста.

— Жив и здоров? — удивился Клык. — А чего ему станется?

Начальник ушел от прямого ответа:

— Это профилактическая мера.

Он беспокоился не напрасно: Маккалем не подавал никаких признаков жизни, зато признаков смерти было достаточно: бледность, странная поза. Будь на месте Маккалема другой заключенный, начальник не стал бы церемониться, а просто вошел бы в камеру. Но Маккалем редкостный мерзавец. Кто знает, не разыгрывает ли он комедию, чтобы заманить

кого-нибудь из охраны в камеру и скрутить с помощью Быка и Клыка? А все старший надзиратель, ни дна ему ни покрывки! Начальник поспешил за подмогой, а Бык и Клык в самых нелестных выражениях осудили долбанных вертухаев, которые оставляют долбанный свет в долбанной камере на всю ночь. Но поведение Маккалема их тоже озадачило, и они все-таки решились его потревожить. В ту же минуту корпус особого режима огласился душераздирающими воплями.

— Скопытился! — ревел Клык. Бык тем временем попытался привести Маккалема в чувство. Для этого он, как умел, сделал патрону искусственное дыхание — навалился на него всем телом и выжал из легких остатки воздуха.

— В рот ему подыши, — велел Клык, но Бык не отважился. Если Маккалем жив, то очнувшись, он едва ли обрадуется поцелую, а если он действительно врезал дуба, то Быку мало радости лобызаться со жмуриком., О чем он и сообщил напарнику.

— Ишь, какие мы нежные, — заорал Клык. — Пошел вон, падла! Сам сделаю!

Он склонился над телом патрона и отшатнулся: Маккалем был холоден как лед.

— Убили! Ах вы суки! — завопил Клык, повернувшись к двери.

Между тем начальник тюрьмы влетел в кабинет, где старший надзиратель Блэггз прохладился за чашечкой кофе, и выпалил:

— Доигрались вы с вашим проклятым снотворным.

— Я? — изумился Блэггз.

Начальник перевел дух.

— С Маккалемом непорядок. Или он умер. или очень умело притворяется. Вызовите десяток надзирателей и врача. Скорее. Может, еще удастся спасти.

Они помчались по коридору. Блэггза все еще мучали сомнения.

— Маккалем получил такую же порцию, что и другие, — твердил он. — Наверняка прикидывается.

Наконец десять надзирателей собрались у двери камеры. Однако Блэггз все медлил.

— Предоставьте это нам, — убеждал он начальника. — Вам лучше остаться снаружи. Вдруг они возьмут заложников и придется вести переговоры. Не забудьте: в камере три очень опасных преступника.

Начальник подозревал, что уже не три, а два.

Заглянув в глазок, старший надзиратель прошептал:

— Поди разберись тут. Ну как он опять каверзы строит? Вымазал лицо мелом.

— И загнулся в придачу?

— А что вы думаете? Уж если старина Мак за что взялся, сработает на совесть. Ну ладно. Эй, в камере! Всем отойти от двери! Вперед.

В одно мгновение камеру заполнила толпа надзирателей. В сутолоке покойный Маккалем получил увечья, которые уже не могли отразиться на его здоровье, но испортили его внешность. Что Маккалем мертв, не оставалось никаких сомнений, и даже без врача было ясно, что смерть наступила вследствие острого отравления барбитуратами.

* * *

— Откуда мне было знать, что Бык и Клык отдадут ему свое какао? — причитал старший надзиратель на экстренном совещании в кабинете начальника тюрьмы.

— Вот когда Министерство внутренних дел начнет расследование, тогда и объясните, — отрезал начальник.

Ворвавшийся на заседание надзиратель принес известие, что в матраце у Маккалема обнаружены припрятанные наркотики. Начальник тюрьмы взглянул в окно, на небо, где уже занимался рассвет, и застонал.

— Ах, да, вот еще что, — спохватился надзиратель. — Мистер Ковен, дежурный, вспомнил, чей голос он слышал по телефону. Очень, говорит, похож на мистера Уилта.

— Мистер Уилт? Какой там еще мистер Уилт?

— Преподаватель. Из Гуманитеха, что ли. По понедельникам занимался с Маккалемом английской литературой.

— С Маккалемом? Английской литературой? — начальник оживился, усталость как рукой сняло. — Ковен его узнал?

— Так точно, сэр. Говорит, голос ему с самого начала показался знакомым, а когда он услышал, что Гарри-Поджигатель окоchureлся, так и сообразил, что это неспроста.

Начальник тюрьмы тоже сообразил, что это неспроста. И поскольку его карьера грозила пойти прахом, он решил действовать без оглядки. Всегдашнюю осторожность словно сквозняком из-под дверей сдуло.

— Итак, — объявил он, — Маккалем умер от пищевого отравления. Это и будет официальная версия. Далее...

— Как от пищевого отравления? — удивился врач. — Ничего подобного. Ему дали чрезмерную дозу фенобарбитала, и я не стану...

— А как ему дали эту дозу? В какао, — раздраженно пояснил начальник. — Какао, по-вашему, не пища? Я и говорю: пищевое отравление. Впрочем, если вы хотите, чтобы вас обвинили в попытке отравить тридцать шесть заключенных...

— Меня? Я-то здесь причем? Это все вон тот охламон, — врач указал на старшего надзирателя. Однако Блэггз уже приготовился к обороне.

— Да, но по вашему распоряжению, — парировал он, бросив выразительный взгляд на своего начальника. — Если бы не вы, как бы я раздобыл это снадобье? Вы же аптечку в медпункте запираете, не так ли? Вы же не головоотяп какой-нибудь, правда?

— Я никогда... — начал врач, но начальник тюрьмы перебил:

— Увы, мистер Блэггз говорит дело. А если вы с ним не согласны, обратитесь в комиссию, которая будет вести расследование. Ваше право. Обратное же, газетчикам тему подарите. «Тюремный врач — соучастник отравления заключенного» — чудный заголовочек для газеты «Сан», а?

— У него в камере нашли наркотики, — напомнил врач. — Давайте скажем, что ими он и отравился.

— Что ты мне рассказываешь? — возмутилась Ева. — Я же знаю, что ты пришел домой поздно.

Как всегда за завтраком любящее семейство подвергало Уилта перекрестному допросу. В подобных случаях Ева отдавала супруга на растерзание близняшкам, и они забрасывали папочку вопросами из информатики и биохимии, в которых тот не смыслил ни уха ни рыла. Но на сей раз у Евы появился повод помучить Уилта собственноручно: машина.

— Я и не говорю, что пришел не поздно, — защищался Уилт, с трудом глотая мешанину из дробленой пшеницы, сухофруктов, орехов и прочей органической пищи, которой Ева по-прежнему пичкала домашних. Она считала, что в рацион непременно надо включать грубую клетчатку.

— Двойное отрицание, — ввернула Эммелина. Уилт взглянул на нее с ненавистью.

— Сам знаю, — проворчал он и выплюнул шелуху от семечки.

— Значит, ты говоришь неправду, — уличила Эммелина. — Двойное отрицание — все равно что утверждение. А ты не признаешься, что вернулся поздно.

— Но и не отрицаю же, — не сдавался Уилт перед напором неумолимой логики, одновременно пытаясь языком счистить с зубов налипшие отруби. Вечно после этой чертовой жратвы во рту какие-то крошки.

— Хватит рассусоливать, — сказал Ева. — Ты мне скажи, куда дел машину.

— Сказал уже. Оставил на стоянке. Пошлю механика, пусть разберется.

— А вчера не мог сообразить? Как теперь девочек везти в школу?

— Да хоть пешком идите, — Уилт угрюмо разглядывал извлеченную изо рта изюмину. — А что? Органический способ передвижения. Куда более органический, чем эта юная слива, которая, очевидно, скукожилась оттого, что вела малоподвижную жизнь. Почему те, кто печется о здоровье, употребляют в пищу дребедень, от которой умереть недолго? К примеру, эта...

— Не вилай, — оборвала Ева. — Если ты думаешь, что я...

— Пойдешь пешком? — подхватил Уилт. — Боже сохрани. Твои жировые отложения...

— Знаешь что. Генри Уилт, — взвилась Ева, но тут в разговор вмешалась Пенелопа:

— А что такое «жировые отложения»?

— Это как у мамы, — объяснил Уилт. — Отложения жира, от которых люди становятся толстыми.

— Я не толстая, — решительно заявила Ева. — Значит, по-твоему, я должна два раза в день мотаться к черту на рога и обратно? Как будто у меня есть время. Какой ты вздор несешь!

— Ну конечно. Я все забываю, что у нас в семье половое соотношение не в мою пользу.

— А что такое «половое соотношение»? — поинтересовалась Саманта.

— Отношение между полами, — буркнул Уилт и встал из-за стола.

Ева запыхтела. Она не любила говорить о половых отношениях при детях, поэтому вернулась к главному пункту обвинения — к машине:

— Хорошо тебе говорить — «пешком». Сам-то ты можешь...

— Добраться автобусом, — закончил Уилт и выскочил за дверь, пока Ева не нашлась, что ответить.

Но добираться автобусом не пришлось. Уилта подкинул Честертон с кафедры электроники. По дороге Честертон сетовал на финансовые трудности у себя на кафедре и расспрашивал, почему начальство щадит кафедру Уилта и не избавится от нахлебников, которые остались со времен кафедры гуманитарных наук.

— Что поделать, — вздохнул Уилт, вылезая из машины. — Приходится оборачивать себе на пользу даже издержки науки.

— Разве у нее есть издержки?

— Есть. Человеческий фактор, — загадочно произнес Уилт. Он прошел через библиотеку и поднялся на лифте в свой кабинет. Там уже дожидался человеческий фактор в лице проректора.

— Опаздываете, Генри. Что с вами? Уилт пристально посмотрел на проректора. Обычно они хорошо ладили.

— Нет, это с вами что? У вас такой вид — краше в гроб кладут. С женой перестарались?

Проректор поежился. Вчера он впервые в жизни, не по телевизору, увидел покойника. Даже коньяк не помог забыться.

— Куда вы вечером запропастились? — недовольно спросил он.

Уилт не хотел распространяться о своих уроках на стороне.

— Шатался то там то сям. Иногда, знаете, придет фантазия...

— Не знаю. Я вам звонил, но нарвался на какой-то чертов автоответчик.

— А, это близняшки приспособили свои компьютеры. Магнитофонная запись, кажется. Полезное устройство. Он вас послал куда подальше?

— И не один раз.

— Вот они, чудеса науки. Я только что беседовал с Честертоном о научных...

— А я только что беседовал с инспектором полиции о мисс Линчноул. Теперь он желает побеседовать с вами.

Уилт похолодел. Бред. Не может быть, чтобы мисс Линчноул имела какое-то отношение к тюрьме. Да и не могли его так быстро вычислить. Или все-таки вычислили?

— Мисс Линчноул? Что с ней?

— Так вы не слышали?

— О чем?

— Это она была тогда в туалете. Вчера вечером ее нашли в котельной. Она мертва.

— Господи! Какой ужас!

— Ужаснее некуда. Вчера в колледже не было проходу от полиции. Сегодня пришел еще один. Хочет с вами поговорить.

Они прошли в кабинет проректора, где их поджидал инспектор Роджер и сержант Ранк. Оставив Уилта с представителями власти, проректор удалился.

— Наш разговор — простая формальность, — начал Роджер. — Мы уже опросили миссис Бристол и еще кое-кого из сотрудников. Я так понимаю, вы вели занятия в группе, где училась мисс Линчноул?

Уилт кивнул. По опыту общения с полицейскими он знал: чем меньше говоришь, тем лучше. Эти мерзавцы так перетолкуют каждое слово, что не дай бог.

— Вы преподаете английскую литературу? — продолжал Роджер.

— Совершенно верно. Я читаю английскую литературу на третьем курсе в группах секретарш для соцобеспечения.

— Занятия с ними у вас в два пятнадцать?

Уилт снова кивнул.

— Вы не замечали за ней ничего странного?

— Странного?

— Можно было по ее поведению предположить, что она наркоманка?

Уилт задумался. На этом факультете все студентки со странностями — по меркам Гуманитеха, конечно. Они происходили из более уважаемых семей, чем прочие студенты, — их родители высокопоставленные военные либо зажиточные фермеры. Секретарши усвоили замашки девиц пятидесятых годов: носили перманент, лепетали про папу-маму.

— Пожалуй, мисс Линчноул действительно слегка отличалась от своих однокурсниц, — решил наконец Уилт. — Взять хотя бы утку.

— Утку?

— Да. Она приносила на занятия утку по кличке Гемфри. Так противно читать лекцию, когда в аудитории утка. Мисс Линчноул, наверно, нравилось, что она такая пушистая.

— Утки не пушистые. У них перья.

— У этой — нет. Она была игрушечная. Вроде как плюшевые мишки. Так я и позволил бы держать живую. Она мне всю аудиторию уделает.

Инспектор Роджер промолчал. Он постепенно проникался неприязнью к Уилту.

— Если не считать этого увлечения, никаких странностей за ней я не помню, — продолжал Уилт. — Она не дергалась, нездоровой бледности у нее на лице не было, и настроение не скакало, как у наркоманов.

— Понятно, — Роджер воздержался от замечания, что Уилт на редкость хорошо осведомлен о поведении наркоманов. — А как у вас тут вообще с наркотиками?

— Да, по-моему, никак. Впрочем, бог его знает. Студентов тьма тьмущая; чего удивительного, если среди них окажутся наркоманы. Специально я этим вопросом не занимался.

— Да-да, конечно, — произнес инспектор с деланной любезностью.

— Ну, я, с вашего позволения, пойду. Работа.

Инспектор позволил.

Когда Уилт ушел, сержант вздохнул:

— Так толком ничего и не узнали.

— Как же, узнаешь у такого пройдохи. — отозвался Роджер.

— Что же вы его напрямик не спросили про то, о чем рассказывала секретарша, про ошибочку с уборными?

Роджер улыбнулся:

— Этак он сразу догадается, что мы его подозреваем. Я навел справки об этом Уилте. Продувная бестия. Вон как одурачил Флинта. Спросите почему? Да потому, что идиот Флинт не сообразил, что все его строгости Уилту на руку. Арестовал, допросил — и получилось, что Уилт вроде как невинная жертва.

— А он и был невинной жертвой. Ведь он просто-напросто куклу закопал, дуй ее горой.

— Что вы как маленький, ей-богу. Уж будто он выкинул этот портфель так, за здорово живешь. Ерунда! И ежику понятно, что Уилт проворачивал какое-то грязное дельце, а кутерьму с куклой он и его благоверная затеяли для отвода глаз. Все шито белыми нитками, но старому перцу Флинту вешать лапшу на уши легче легкого: он не видит дальше своего носа. Прицепился к Уилту из-за куклы, а главное-то и прошляпил.

Сержант Ранк с трудом продрался сквозь дебри метафор, и все же речь начальника его не убедила.

— Нет, сомнительно. Чтобы преподаватель был падок до наркоты или сам торговал? Не похоже. У аферистов большие дома, автомобили; они разъезжают по загородным клубам. А у этого ничего такого нет.

— У него и доходы небольшие, — сказал Роджер. — Так, может, он подкапливает на старость? Ничего, мы его прощупаем. Он и не заметит.

— Скорее можно подумать на других. Вот Макропулис, у которого греческий ресторан. Или тот, которого вы прослушиваете. Мы ведь знаем, что он промышляет героином. Или тот летчик, что работает в гараже на Силтон-роуд. Он сам на игле.

— Ну, этот-то уже сидит, — возразил Роджер. — А мистер Макропулис сейчас за границей. И потом, я же не утверждаю, что это непременно Уилт. Вполне возможно, девица раздобыла наркотики в Лондоне. Тогда делом должна заняться тамошняя полиция. Я пока воздерживаюсь от выводов насчет Уилта — это только предположение.

Через час предположение переросло в уверенность. Когда Роджер и сержант вернулись в участок, дежурный сообщил ему:

— Вас вызывает старший офицер. У него начальник тюрьмы.

— Зачем это он пожаловал?

— За вами, надеюсь, — хмыкнул дежурный.

Роджер пропустил шуточку мимо ушей и прошел к начальнику. Через полчаса он вышел из кабинета, взволнованно перебирая в уме новые косвенные улики, которые фатальным образом указывали на Уилта. Уилт дает уроки одному из самых опасных гангстеров Англии, который, по счастью, сам уготовил себе гибель, злоупотребив наркотиками (тюремное начальство решило приписать смерть Маккалема не люминалу, а героину, обнаруженному в его матраце, и старший надзиратель Блэггз мог вздохнуть свободно). Далее, в то самое время, когда было обнаружено тело мисс Линчноул, Уилт с глазу на глаз беседует с Маккалемом. И самое главное, через полчаса, после того как Уилт ушел от Маккалема, он, вероятно, прослышав, что в Гуманитехе орудует полиция; звонит в тюрьму, не представляется и морочит администрацию рассказами о массовом побеге, вслед за чем Маккалем принимает избыточную дозу героина.

Казалось бы, чего еще нужно, чтобы убедиться в виновности Уилта? Однако оставалось еще незначительное, но хлопотное препятствие: у Роджера не было прямых доказательств. Правовое законодательство Англии обладает одним недостатком, из-за которого Роджер, ополчившийся против преступного мира, оказался связан по рукам и ногам. Чтобы добиться осуждения виновного, инспектору надлежало сперва убедить главного прокурора, что состав преступления налицо, а потом на сцене появлялся старый маразматик в судейском парике и добрячки присяжные, половина из которых была подкуплена, и Роджеру надо было представить неоспоримые доказательства, что явный негодяй действительно виновен. Однако Уилт отнюдь не явный негодяй. Уилт — тонкая штучка, и, чтобы его изобличить, понадобятся поистине железобетонные улики.

Роджер вызвал сержанта Ранка, собрал сотрудников в штатском, которые находились в его непосредственном подчинении, и объявил:

— Значит так. Операция чтоб прошла без сучка без задоринки. Для этого соблюдайте строжайшую секретность. Строжайшую, поняли? Никому, даже старшему офицеру, ни слова. Кодовое название операции — «Флинт». Так не догадаются: в участке все поминают

Флинта. Это первое. Теперь второе. С мистера Уилта круглые сутки глаз не спускать. С его жены тоже. Смотрите ничего не перепутайте. Мне надо знать, чем они занимаются в любое время дня и ночи.

— Трудновато, — сказал сержант Ранк. — Днем-то ладно, а ночью? В дом ведь не проберешься.

— Поставим микрофоны. Но это потом. А сперва надо выяснить, какой у них в семье заведен распорядок. Верно?

— Верно, — отозвались сотрудники. Прежде им уже случалось выяснять, по какому распорядку живут подозреваемые. В первый раз предметом их внимания стал владелец ресторанчика вместе с семейством — по мнению Роджера, они зарабатывали порнографией самого гнусного свойства. Потом полицейские взялись за бывшего регента хора, который, как предполагалось, питал слабость к мальчикам. Третьей жертвой были супруги Патели — просто Роджеру почему-то не понравилась их фамилия. Наблюдения всякий раз убеждали, что инспектор Роджер возвел на поднадзорных напраслину, однако агенты старались не зря. Они совершенно точно установили, что владелец ресторанчика открывает свое заведение в 18.00; что бывший регент самозабвенно предается любовным утехам с женой борца, а мальчишек ненавидит до судорог; что супруги Патели каждый вторник посещают публичную библиотеку, что мистер Патели весь день бесплатно работает в психиатрической лечебнице, а миссис Патели развозит престарелым и инвалидам горячие обеды. Чтобы слежку не посчитали пустой тратой времени и денег, Роджер объяснил, что таким образом натаскивает агентов для серьезной операции.

Между тем Роджер продолжал инструктаж:

— Так мы и поступим. И если удастся собрать данные, прежде чем за дело возьмется Скотланд-Ярд, честь нам и хвала. Кроме того, подошлем своих людей в Гуманитех. С ректором я договорюсь. А пока Пит и Рег отправятся в столовую и студенческую комнату отдыха. Скажете, что вы студенты, которых за наркотики вытурили из Эссекского университета или еще откуда.

Через час операция «Флинт» шла полным ходом. Пит и Рег с ног до головы нарядились в кожу и приобрели такой забойный видок, что даже самая крутая урла не рискнула бы к ним подступиться. В комнате отдыха они с места в карьер завели смачный разговор о героине, словно в Гуманитехе это дело обычное, и в конце концов распугали всех студентов.

Нечто подобное происходило и в кабинете ректора. Хозяин кабинета и проректор прямо за сердце схватились, когда Роджер заявил, что считает Гуманитех крупнейшим рассадником наркоты в Фенланде. Да еще попросил ректора допустить на занятия пятнадцать дебилов в штатском под видом старшекурсников.

— Посреди учебного года? — ахнул ректор. — Вот новости! Сейчас апрель. Мы в этом семестре на старшие курсы набор не объявляли. Что я говорю — мы вообще на старшие курсы никого не берем! Прием в сентябре. И потом, на какой факультет прикажете зачислить ваших молодцев?

— Давайте выдадим их за практикантов, — нашелся проректор. — Тогда они смогут ходить на любые занятия и никому ничего не объяснять.

— Все равно будут коситься, — упрямылся ректор. — Честное слово, не одобряю я эту затею.

Но Роджер возразил, что лорд-наместник, главный констебль и министр внутренних дел тоже не одобряют безобразий, которые творятся в Гуманитехе, и ректор сдался.

— Каков мерзавец, — ужасался ректор после ухода Роджера. — Я-то думал, хуже Флинта не бывает, а этот еще почище. Что за полицейские нынче пошли? Когда я был маленький, они так не распоясывались.

— Преступники тоже, — сказал проректор. — Обрезы, бутылки с зажигательной смесью — тут уж не до церемоний.

— Гм, — произнес ректор, и тема была исчерпана.

* * *

Как только за Уилтом установили наблюдение, инспектор Роджер вызвал сержанта Ранка и спросил:

— Ну, что они там подельывают?

— За Уилтом пока никто не следует: он еще торчит на работе. А жена ходит по магазинам. Только и всего.

* * *

Тем временем Ева вела себя так, что полиции впору бы насторожиться. Ей вдруг взбрело в голову позвонить доктору Корее и записаться на прием. Она и сама не понимала, что подвигнуло ее на этот шаг. Отчасти ее вдохновила статья, которая случайно попала ей на глаза. Статья называлась «Климакс сексу не помеха: роль эротических игр в жизни сорокалетних». Отчасти на нее подействовала встреча с Патриком Моттремом. Ева столкнулась с Патриком у кассы универмага, где тот обычно любезничал с кассиршей посмазливее. На сей раз он как замороженный глазел на плитки шоколада. Когда он засеменял прочь. Ева поймала его осоловелый взгляд и поняла, что теперь для него вершина чувственных наслаждений — втихаря умять полфунта сладостей. Если уж доктор Корея сумела довести до ручки самого отчаянного ловеласа в Ипфорде, то превратить Уилта в пылкого любовника для нее наверняка пара пустяков.

За обедом Ева перечитала статью. Всякий раз, когда дело касалось секса, она совершенно терялась. Все подружки только этим и занимались, кто с мужем, кто не с мужем. Наверняка стоящее занятие, раз о нем столько говорят и пишут. Но Ева была воспитана в других правилах. Что за ерунду внушала ей мать: мол, до замужества — ни-ни. Напрасно Ева ее послушала. Уж она близняшек в такой строгости держать не станет. Она, конечно, не собирается делать из них малолетних профурсеток, вроде дочек Хэттенгов, которые в четырнадцать лет пользуются косметикой и якшаются со всякой шпаной на мотоциклах. А вот когда им будет восемнадцать, когда поступят в университет, тогда пожалуйста. Пусть набираются опыта для супружеской жизни, вместо того чтобы выходить замуж для... Ева осеклась. Нет, она вышла за Генри не только ради плотских удовольствий. Они действительно любили друг друга. Разумеется, Генри и до замужества ее ласкал и шупал, но не так настойчиво, как другие ребята, с которыми ей случалось встречаться. Если уж на то пошло. Генри был, скорее, нерешителен и робок, и Еве даже приходилось его подзадоривать. Мэвис права: она нормальная женщина. И заниматься любовью ей приятно. Но только с Генри. Любовников она заводить не намерена — хотя бы из-за девочек. Ева должна во всем

подавать им пример, а если семья распадается, это уж последнее дело. Правда, когда родители с утра до ночи едят друг друга поедом, хорошего тоже мало. Лучше развод. Но до таких крайностей у них с Генри не дошло. И все-таки ей казалось, что в их супружеской жизни чего-то недостает. Что ж, если Генри робеет и не решается попросить о помощи, она сама о нем позаботится. С такими мыслями Ева позвонила доктору Корее. К ее удивлению, прием ей назначили на половину третьего.

Ева села на автобус на Перри-роуд и поехала в Силтон. Она не замечала, что за ней неотступно следуют две машины с четырьмя полицейскими.

Вокруг дома доктора Корее раскинулась донельзя запущенная плантация лекарственных трав. «Конечно, когда же доктору приглядывать за своим хозяйством», — думала Ева, бредя по дорожке, по сторонам которой громоздилась старая арматура и ржавые культиваторы. Однако такой беспорядок хоть кого смутит. Свой сад Ева ни за что не довела бы до такого безобразия. Впрочем, как ни старайся, природа все равно распорядится по-своему. Да и то сказать, доктор Корее славилась причудами. Ева думала, что доктор окажется умудренной старушкой в теплой шали, но на пороге ее встретила строгая женщина в белом халате и затемненных очках необычного оттенка.

— Миссис Уилт? — спросила она со странным, словно бы немецким акцентом. Что за акцент — Ева так и не разобралась: женщина тут же провела ее в приемную. Доктор села за стол, а Ева с любопытством огляделась.

— Итак, у вас какие-то проблемы? — спросила доктор Корее.

Ева присела.

— Да, — произнесла она, теребя застежку сумочки. Она уже раскаивалась, что пришла сюда.

— Вы, кажется, говорили, из-за мужа, не так ли?

— Ну не совсем, — заступилась Ева за супруга. В конце концов. Генри же не виноват, что у него такой вялый темперамент. — Дело в том, что... В общем, какой-то он, понимаете, холодный.

— В сексуальном отношении?

Ева кивнула.

— Возраст.

— Чей, Генри? Сорок три. На будущий год, в марте, будет сорок четыре. По гороскопу он...

Астрологическая подноготная Генри явно не интересовала доктора Корее.

— Кривая сексуальной активности снижается резко? — спросила она.

— Вроде бы да, — сказала Ева, недоумевая, о какой кривой речь.

— Какова его максимальная активность за неделю в количественном отношении?

Ева боязливо взглянула на настольную лампу и задумалась.

— Когда мы только-только поженились... — она умолкла.

— Продолжайте.

— Так вот, как-то он проделал эту штуку трижды за ночь. Но такое было только один раз.

Доктор Корее оторвалась от записи:

— Поясните, пожалуйста. Сначала вы сообщили, что муж проявлял сексуальную активность трижды за ночь. Затем вы сказали, что его активность проявлялась только один раз. Следует ли понимать вас в том смысле, что семяизвержение происходило только при

первом совокуплении?

— Даже не знаю, — растерялась Ева. — Как тут разберешь?

Доктор Корее зыркнула на нее недоверчиво.

— Хорошо, я задам вопрос по-другому. Сопровождался ли пик полового возбуждения судорожными сокращениями пениса?

— Вроде бы да. Это было так давно. Помню только, что на другой день он еле ноги таскал.

Доктор Корее записала: «Сокращения — под вопросом» — и уточнила:

— В каком году это происходило?

— В шестьдесят третьем. В июле. Я запомнила потому, что мы тогда отдыхали в Эссексе и Генри говорил, что ведет себя, как эссексуальный маньяк.

— Очень остроумно, — сказала доктор Корее ледяным тоном. — И это был предельный уровень его сексуальной активности?

— Вот еще в семидесятом году, на его день рождения. Он эту штуку сделал два раза, и...

— А какова средняя частотность половых актов в неделю? — перебила доктор Корее. Как видно, до мало-мальски личных подробностей ей не было дела.

— Средняя частотность? Раньше — пара раз в неделю, а сейчас с грехом пополам раз в месяц. Бывает и реже.

Доктор Корее облизала тонкие губы и отложила ручку.

— Миссис Уилт, — произнесла она, откинувшись на спинку кресла и соединив большие и указательные пальцы. — Я занимаюсь исключительно проблемами женщин в социуме, где преобладает мужское влияние. И, откровенно говоря, мне кажется, что в отношениях с мужем вы проявляете излишнюю покорность.

— Неужели? — оживилась Ева. — А Генри твердит, будто я держу его под каблуком.

— Оставьте, — чуть заметно поморщилась доктор Корее. — Ни мнение вашего мужа, ни его персону меня не интересуют. Если вам они интересны — воля ваша. Моя же задача — помочь вам, ни от кого не зависимой личности. И ваша самообъективация представляется мне в высшей степени недостойной.

— Я больше не буду, — испугалась Ева, хотя напрочь не понимала, что такое «самообъективация».

— Например, вы неоднократно употребили выражение: «Он проделал эту штуку трижды», «он эту штуку сделал два раза».

— Но он и правда ее проделывал, — возразила Ева.

— С кем проделывал? С вами? — возмутилась доктор Корее. — И вы так спокойно признаете, что с вами проделывали штуки?

— Я не в том смысле... — начала Ева.

Но доктора Корее было уже не остановить:

— Это же означает, что супруг вас попросту изнасиловал! Что бы сказал ваш муж, если бы вы «проделали эту штуку» с ним?

— Он бы не позволил. Понимаете, он мужчина не очень крупный, но...

— Габариты значения не имеют. Главное — отношение. Я готова помочь вам, но при одном условии: вы постараетесь мысленно поставить себя выше своего мужа, — глаза доктора Корее за синими стеклами очков сузились.

— Я постараюсь.

— Вы непременно возьмете над ним верх, — зловеще прошипела доктор Корее. — Это

очень важно. Повторите: «Я возьму верх».

— Я возьму верх, — сказала Ева.

— «Я сильнее».

— Да-да.

— Не «да-да», а «я сильнее», — цыкнула на нее доктор Корее, и взгляд ее стал еще более колючим.

— «Я сильнее», — покорилась Ева.

— Теперь вместе.

— «Вместе».

— Да нет же! Повторите обе фразы. Итак...

— А, — сообразила Ева. — «Я возьму верх. Я сильнее».

— Еще раз.

— «Я возьму верх. Я сильнее».

— Хорошо, — сказала доктор Корее. — И помните, что я могу вам помочь, только если вы сами настроитесь должным образом. Повторяйте эти фразы триста раз в день. Вы меня поняли?

— Поняла. «Я возьму верх. Я сильнее».

— Еще раз.

Целых пять минут Ева, боясь пошевелиться, повторяла заклинание, а доктор Корее буравила ее немигающим взглядом.

— Хватит, — наконец сжалилась она. — Вам, конечно, понятна цель этого упражнения?

— Вроде как. Вон и Мэвис Моттрем говорит, что женщины должны занять главенствующее положение в мире. Ведь вы про это, да?

Доктор Корее снова откинулась на кресле, и по губам ее скользнула усмешка.

— Миссис Уилт, исследования, которые я провожу уже тридцать пять лет, доказывают сексуальное превосходство женских особей у млекопитающих. Еще в детстве мое воображение поразили брачные повадки паукообразных. Собственно, эта проблема интересовала мою мать — до ее злостчатого замужества. Вы меня понимаете?

Ева кивнула. Ей было не совсем ясно, причем здесь пауки, однако она слушала во все уши: доктор наверняка говорит дело. Это и девочкам в будущем пригодится.

— Но мое внимание привлекали более высокие организмы, — продолжала доктор Корее. — В особенности уникальные способности женских особей к выживанию. К какому бы уровню развития мы ни обратились, мы увидим, что самцы всегда выполняют вспомогательные функции, самки же демонстрируют приспособляемость, которая и способствует сохранению вида. Только у людей — да и то скорее в социальном, чем в биологическом плане, — они меняются ролями. Это изменение обусловлено царящим в обществе духом конкуренции и милитаризма, вследствие чего грубая мужская сила получает возможность подавлять женское начало. Вы согласны?

— В общем, да, — сказала Ева. Она поняла далеко не все, но было ясно, что в целом доктор Корее говорит толковые вещи.

— Вот и отлично. Руководствуясь милитаристскими устремлениями, мужчины постоянно использовали достижения науки во зло, и теперь мы стоим на пороге мировой катастрофы, в результате которой все живое на земле может погибнуть. Только мы, женщины, способны предотвратить эту катастрофу, — доктор Корее помолчала, чтобы Ева

хорошенько оценила всю серьезность последствий. Затем она продолжила: — По счастью, та же самая наука предоставила нам такую возможность. При нынешнем уровне автоматизации сугубо физическое превосходство мужчин уже не играет решающей роли. В век компьютеров мужчины не нужны, миром будут править женщины. Вы конечно читали об исследованиях, которые проводились в колледже Святого Андрея. Они показывают, что у женщин мозолистое тело гораздо больше, чем у мужчин.

— Мозолистое тело?

— Сто миллионов мозговых клеток, нервные волокна, соединяющие полушария мозга. Именно с их помощью осуществляется передача информации, а при работе с компьютером это имеет принципиальное значение. Может статься, что в век электроники этот орган столь же необходим, как мышцы в прежние времена.

Доктор Корее еще минут двадцать засыпала Еву фактами, изощрялась в доводах, пела почти иступленные дифирамбы женскому началу. Ну а Еву люди, по-настоящему увлеченные, могли убедить в чем угодно. Она уже благоговела перед доктором Корее вот он, оказывается, какой, мир науки! Только когда вдохновенный монолог стал стихать, Ева вспомнила, зачем она сюда пришла.

— Насчет Генри... — робко сказал она.

Доктор Корее по инерции продолжала живописать обезмужчиненный мир будущего и лишь минуту спустя неохотно вернулась к повседневности:

— Ах да, ваш супруг, — небрежно бросила она. — Итак, вы хотите повысить его сексуальную возбудимость?

— Если можно, — попросила Ева. — Он никогда...

Доктор Корее разразилась дребезжащим смехом.

— Миссис Уилт, вам не приходило в голову, что сексуальная пассивность вашего мужа может иметь довольно простое объяснение?

— Я не понимаю.

— Нет ли у него любовницы?

— Что вы, Генри не такой. Нет-нет, исключено.

— Вы не подозреваете его в тайном гомосексуализме?

Ева опешила:

— Вот еще! Зачем бы он тогда на мне женился?

Доктор Корее окинула ее испытующим взглядом. В такие минуты ее вера в интеллектуальное превосходство женской половины человечества начинала колебаться.

— Как известно... — сжав зубы, начала она и уже собралась было углубиться в личную жизнь Оскара Уайльда, но в прихожей зазвонил звонок.

— Извините, — сказала доктор Корее и выскочила из кабинета. Скоро она вернулась, но уже через другую дверь.

— Там я храню лекарства, — объяснила она. — Вот микстура, которая окажет нужное воздействие. Однако следует точно соблюдать дозировку. Микстура, как и многие другие лекарства, содержит компоненты, избыток которых может вызвать нежелательные последствия. Будьте осторожны: необходимая доза — пять миллилитров, и превышать ее опасно. Для большей точности отмеряйте ее вот этим шприцем. Если вы будете придерживаться моих указаний, результат не заставит себя ждать. В противном случае я снимаю с себя всякую ответственность. Надеюсь, все это останется между нами. Как ученый, я отвечаю только за состав рекомендуемого средства, но не могу ручаться за

последствия неправильного применения.

Ева сунула пластиковую бутылку в сумку и вышла из приемной. Проходя мимо ржавых культиваторов и обломков арматуры, она пыталась совладать с вихрем разноречивых впечатлений. Уж больно чудная эта доктор Корее. Нет, говорит она все правильно, а вот внешность, манеры... Надо будет потолковать с Мэвис. И все же, стоя на автобусной остановке, Ева обнаружила, что почти машинально повторяет про себя: «Я возьму верх. Я сильнее».

* * *

А тем временем два агента инспектора Роджера, держась от Евы на порядочном расстоянии, не спускали с нее глаз и записывали каждый ее шаг. Полиция не на шутку заинтересовалась распорядком жизни в семействе Уилтов.

Интерес этот все не спадал. Два дня сыщики, разбившись на группы, по пятам следовали за Уилтами и докладывали свои наблюдения инспектору Роджеру. Поведение Уилтов убеждало его в своей правоте. Особенно подозрительным показался визит Евы на плантацию лекарственных трав.

— Лекарственных трав? Она ездила в Силтон на плантацию лекарственных трав? — изумлялся инспектор. Он не спал уже вторые сутки и то и дело взбадривал себя черным кофе. В пору самому прибегнуть к помощи нетрадиционной медицины. — Говорите, вынесла оттуда большую пластиковую бутылку?

— Очевидно оттуда, — ответил сыщик. Он тоже намаялся, пытаюсь угнаться за Евой. Да и близняшки не сахар. — Я только видел, как на автобусной остановке она доставала бутылку из сумки. Может, так с бутылкой и пришла. Не знаю.

Однако у Роджера была своя логика: если подозреваемые ездят на плантации лекарственных трав и возвращаются с пластиковыми бутылками в сумках, то их вина, считай, доказана.

Но больше всего Роджера заинтересовала Мэвис Моттрем, которая наведлась в дом 45 по Оукхерст-авеню в тот же день.

— «Объект наблюдения забрал детей из школы в 15.30 и вернулся домой, — прочел Роджер в отчете. — Затем к дому на автомобиле подъехала женщина».

— Совершенно верно.

— Как она выглядела?

— На вид все сорок будет. Темноволосая. Ростом этак пять футов. Синяя куртка с капюшоном, брюки цвета хаки, гетры. Приехала в 15.55, уехала в 16.20.

— Так, может, она забрала бутылку?

— Может, и так, но я не видел, чтобы она ее выносила. И сумки у нее не было.

— Что еще?

— Потом затишье, а в 17.30 появился сосед. Да я все в отчете написал.

— Знаю, что написал. Я хочу восстановить картину во всех подробностях. Откуда вы узнали, что фамилия соседа Геймер?

— Тоже мне загадка! Уилтиха так его честила, что только глухой не услышит. Да и его собственная жена визжала, будто ее режут.

— А что там стряслось?

— Этот самый Геймер пришел домой — он живет в доме сорок три, — а через пять минут вылетел оттуда, злой как черт. — и к Уилтам. Жена его норовит остановить, а он подлетает к боковой калитке, хватить задвижку, да как шлепнется на спину — прямо на клумбу. Дергается, словно у него пляска святого Витта. Жена в крик: убивают, мол.

— Вы хотите сказать, что к калитке подвели электричество?

— Это не я, это он сказал. Когда смог шевелить языком и перестал дергаться. Встал он на ноги, а тут из дома выходит миссис Уилт и спрашивает, чего это он забрался в ее желтофиоли. Он в ответ орет, что ее поганые сучки покушались на его жизнь: сперва сперли у него из сада статую и поставили у себя, а потом подключили калитку к электросети. Миссис Уилт говорит, чтобы он не выдумывал и не выражался при девочках. И пошло-поехало: ему, значит, статую подавай, а миссис Уилт: «Нет ее у нас. Мне ваша похабная

статуя даром не нужна».

— Похабная?

— Ну да. Знаете, писающий мальчуган. В бассейне стоял. Миссис Уилт даже обозвала Геймера извращением. А жена все тащит его домой. Дескать, черт с ней, со статуей, продадим дом — купим другую. Что с ним сделалось! «Продадим, как же! — орет. — Где ты найдешь такого пыльным мешком трахнутого, чтобы купил дом по соседству с Уилтами?!» Что верно, то верно.

— И чем дело кончилось?

— Миссис Уилт и говорит: «Не верите — пройдите через дом в сад и убедитесь. А обзывать девочек воровками не позволю».

— И он пошел? — удивился Роджер.

— С неохотой. Вышел растерянный. «Своими глазами, — говорит, — видел. Куда он мог подеваться? А если не верите, что девчонки хотели меня убить, то почему у вас в доме свет вырубился? А у калитки к скобе для чистки обуви провод привязан». Тут-то она и села.

— Любопытно, — сказал Роджер. — И что, действительно был провод?

— Был, наверно. Уж больно она затрепыхалась. Особенно когда Геймер сказал, что для полиции это улика.

— Еще бы ей не трепыхаться. — заметил Роджер. — В доме-то бутылка с наркотой.

Тут у него появилась новая гипотеза.

— Кажется, на этот раз нам повезло, — произнес он.

Старший офицер остался доволен. Вообще-то он, как и Флинт, считал, что инспектор Роджер опаснее доброй половины мелких жуликов, которые попадались инспектору в руки. Будь его воля, старший офицер с радостью отправил бы Роджера регулировать дорожное движение. Но сейчас было очевидно, что Роджер на правильном пути. Читая отчет о странном поведении Уилта во время обеденного перерыва, старший офицер приговаривал:

— Сдается мне, у этого Уилта совесть нечиста.

На самом деле произошло вот что. Когда Уилт, которому всюду мерещились сообщники Маккалема, вышел из Гуманитеха и направился к «Гербу стеклодувов» забрать свой «эскорт», ему сразу бросилась в глаза машина без номеров, а в ней два сыщика. Чтобы уйти от преследования, он прибег к уловкам, почерпнутым из старых детективов, которые он видел по телевизору: петлял, скрывался в переулках, заскакивал в переполненные магазины и купил кучу ненужных вещей, а один раз даже запер входную дверь обувного магазина и улизнул через служебный вход.

— «Вернулся на стоянку Гуманитеха в 14.15», — прочел старший офицер. — Где же его носило?

— К сожалению, мы его потеряли. — признался Роджер. — Стреляный воробей. Он появился только в два часа. Подкатил на машине к Гуманитеху и во весь дух помчался к себе в корпус.

После работы Уилт вел себя не менее подозрительно. Подняв воротник, нацепив темные очки и парик (Уилт позаимствовал его на кафедре театрального искусства), он вышел через главные ворота, отправился в Мидуэй-парк, сел на скамейку возле лужайки для игр и принялся внимательно рассматривать проезжающие машины. Положительно, честному человеку такое в голову не придет.

— Думаете, он кого-то дожидался? — спросил старший офицер.

— Скорее, предупреждал об опасности. У них, наверно, есть условные знаки.

Сообщники проезжают мимо, видят его и понимают что к чему.

— Похоже, вы правы, — согласился старший офицер, который сам никакого путного объяснения найти не смог. — Значит, вскорости можно его брать. Я поговорю с главным констеблем.

— Не стоит, сэр. Лучше выждать время. Если не ошибаюсь, мы столкнулись с хорошо организованным синдикатом. Арестуем Уилта — они затаятся. Пусть-ка он сперва выведет нас на дичь покрупнее.

— И то правда, — угрюмо проворчал старший офицер. Зря он надеялся, что Роджер заперет дело и придется прибегнуть к помощи окружной полиции. Мерзавец, оказывается, вот-вот накроет шайку. Чего доброго, потребует повышения, да и получит. Хорошо, если его при этом переведут в другой участок. Иначе придется старшему офицеру хлопотать о своем переводе. Впрочем, чем черт не шутит, может, Роджер еще наломает дров.

В Гуманитехе он уже порядком наломал. Настояв, чтобы агентов в штатском пускали на занятия под видом студентов или, того хуже, практикантов, Роджер и не подозревал, как угнетающе подействует их присутствие на преподавателей.

— Это невыносимо! — жаловался ректору доктор Кокс, заведующий кафедрой естественных наук. — У меня и так не все студенты успевают, а тут еще появляется не в меру любопытный субъект, который не отличает бунзеновскую горелку от огнемета. От лаборатории на третьем этаже остались одни головешки. На кого он, с позволения сказать, стажирруется, если несет такое, что...

— Но ведь он может и рта не раскрывать. Их прислали только для наблюдения.

— По идее, да. А на деле он занимается тем, что затаскивает студентов в уголок и расспрашивает, где ему раздобыть формалин. Можно подумать, мы заготавливаем анатомические препараты.

Ректор объяснил Коксу, что такое «формалин».

— Так вот оно что. А я-то гадаю, зачем этот остолоп просил разрешения осмотреть шкафы с реактивами.

Такая же история происходила на занятиях по ботанике.

— Откуда мне было знать, что эта девица — полицейский агент? — оправдывалась мисс Райфилд. — Я понятия не имела, что студенты выращивают в теплице марихуану. А теперь агентесса косится на меня.

Только доктор Борд сохранял философский взгляд на вещи. Поскольку ни один агент не говорил по-французски, кафедра Борда не подверглась нападению.

— В конце концов, на дворе тысяча девятьсот восемьдесят четвертый, — рассуждал Борд на заседании комиссии по чрезвычайным мерам. — Кроме того, дисциплина в колледже значительно улучшилась.

— Только не у меня, — отозвался мистер Спири с кафедры строительства. — У шпукатуров и каменщиков пять раз доходило до драки. Мистера Гилдерса так отделали велосипедной цепью, что он угодил в больницу.

— Велосипедной цепью?

— Какой-то студент обозвал бандюгу-полицейского мудозвоном, а Гилдерс бросился разнимать.

— Надеюсь, студентов арестовали за ношение холодного оружия? — спросил доктор Мэйфилд.

Заведующий кафедрой строительства покачал головой.

— Цепью махал полицейский. Зато ребяташки отметили его на славу, — с удовольствием добавил он.

Но особенно расстарался Роджер в группах секретарш.

— Если так будет продолжаться, девочки не смогут успешно сдать экзамены, — сокрушалась мисс Дилл. — Их то и дело таскают с занятий на допросы. Знаете, как они после этого ужасно печатают. Можно подумать, у нас не колледж, а притон.

— Притон — это было бы здорово, — заметил доктор Борд. — Но газеты опять все переврали. И все-таки статья на третьей странице что-нибудь да значит.

Он достал номер газеты «Сан» и показал фотографию мисс Линчноул в чем мать родила. Снимок был сделан на Барбадосе прошлым летом. Внизу красовалась подпись: «СМЕРТЬ В ГУМАНИТЕХЕ: СТУДЕНТКА ИЗ ЗНАТНОЙ СЕМЬИ — ЖЕР НАРКОТИКОВ».

— Да видел я газеты. Какой позор для колледжа! — обратился проректор к членам комиссии, которая вообще-то собралась обсудить грядущий налет инспекторов Ее Величества, а теперь вынуждена заниматься новой напастью. — Я только хочу сказать, что это нетипичный случай и...

— Отчего же нетипичный, — возразил член муниципалитета Блайт-Смит. — С тех пор как вы заняли этот пост, на колледж так и сыпятся неприятности. Могу напомнить. Сперва отвратительная история с преподавателем кафедры гуманитарных наук, который...

В разговор вмешалась миссис Болтанинг, которая как истая поклонница прогресса жила завтрашним днем:

— Что толку ворошить прошлое?

— Нет уж, поворошим, — настаивал мистер Сквидли. — Ведь должен кто-то за это ответить. Мы как-никак платим налоги и имеем право требовать, чтобы наши дети получили приличное образование.

— Сколько у вас детей в Гуманитехе? — фыркнула миссис Болтанинг.

Мистер Сквидли возмущенно сверкнул глазами:

— Чтобы мои дети учились в Гуманитехе? Через мой труп.

— Ближе к делу, — напомнил начальник управления по образованию.

— Куда уж ближе, — сказал мистер Сквидли. — А дело в том, что я работодатель и плачу не за то, чтобы свора пустобрехов-недоучек сажала будущих рабочих вместо студенческой скамьи на иглу.

— Протестую! — кипятился ректор. — Во-первых, мисс Линчноул училась не на рабочего, а во-вторых, у нас преподают настоящие мастера...

— Ох и мастера! По этим мастерам психушка плачет, — вставил мистер Блайт-Смит.

— Я хотел сказать, «мастера своего дела».

— Оно и видно. Недаром секретарь министра образования так настойчиво добивается, чтобы специальная комиссия расследовала, действительно ли кафедра гуманитарных наук ведет пропаганду марксизма-ленинизма. Какие вам еще нужны доказательства, что преподаватели никуда не годятся?

— Несогласна! Категорически несогласна! — наседала миссис Болтанинг. — Корень зла — сокращение ассигнований. Чтобы привить молодежи чувство ответственности, пробудить заботу о...

— Господи, да разве в этом дело? — буркнул мистер Сквидли. — Если бы хоть половина придурков, которые тут работают, умели читать и писать...

Ректор многозначительно посмотрел на начальника управления по образованию, и от сердца у него отлегло. Пусть себе спорят, все равно никакого решения не примут. В комиссии всегда так.

* * *

В доме 45 по Оукхерст-авеню Уилт беспокойно поглядывал в окно. С самого обеденного перерыва, когда он обнаружил слежку, Уилт не находил себе места. Возвращаясь домой, он глаз не спускал с зеркала заднего вида, поэтому прозевал сигнал светофора на Нотт-роуд и приложил машину сыщиков, которые на всякий случай пристроились спереди. Последовал обмен любезностями. К счастью, агенты были без оружия, но Уилт еще раз убедился, что его жизни угрожает опасность.

Ева была мрачнее тучи.

— Прешь, как ненормальный, — напустилась она на мужа, когда Уилт рассказал про помятый бампер и радиатор. — Ну что за раззява?

— Посмотрел бы я на тебя, если бы тебе выдался такой денек, — сказал Уилт и налил себе домашнего пива. После первого глотка он подозрительно посмотрел на стакан и проворчал:

— Сахара, что ли, недоложили.

Ева мигом перевела разговор на происшествие с мистером Геймером. Уилт слушал вполуха. Странный вкус у этого пива. Оно еще вроде и выдохлось.

— ...Как будто такие крохи могут перекинуть статую через забор, — заключила Ева свое крайне пристрастное повествование.

Уилт оторвался от пива:

— Не скажи. Теперь я понимаю, зачем им понадобилась подвесная лебедка мистера Бойкинза, — Я-то думаю, откуда такой интерес к физике.

— Но врать, что они задумали убить Геймера при помощи электричества...

— А ты объясни-ка мне, почему во всем доме нет света. Не знаешь? Потому что пробки перегорели. И не вздумай говорить, что это снова мышь забралась в тостер. Я проверял. Из-за мыши пробки не перегорят. А в тот раз, если бы я не возмутился, что вместо гренок с мармеладом меня на завтрак потчуют гниющей мышью, ты бы даже не заметила.

— Вспомнил тоже! Тогда было совсем другое дело. Бедняжка полезла туда за крошками, ее и пришибло.

— А мистер Геймер полез за своим клятым садовым украшением, и его тоже чуть не пришибло. Между прочим, это паршивая мышь подсказала твоему выводку мысль об электричестве. Неровен час узнают, как действует электрический стул. Вернись как-нибудь домой, а на кухне Рэдли-младший очоурился: на голове кастрюля, а от нее к розетке провод.

— Ну вот еще. Что они — совсем ничего не соображают? Вечно тебе мерещатся всякие ужасы.

— Не ужасы, а суровая правда жизни. Это ведь правда, что у наших малюток ого-го какая убойная сила. По сравнению с ними террористы годятся в воспитатели детского сада.

— Какие гадости говоришь!

— Такие же, как это пиво, — сказал Уилт и открыл еще одну бутылку. Он сделал глоток

и выругался, но его слова заглушил гул кухонного комбайна: Ева принялась шинковать морковь и яблоки. С одной стороны, девочкам полезно, а с другой — пусть Генри видит, в каком она бешенстве. Хоть бы раз согласился, что у девочек светлые головы и золотой характер. Так нет: вечно он недоволен.

Уилт был недоволен и пивом. От любовного зелья — Ева добавила в каждую бутылку лучшего горького ровно пять миллилитров — пиво приобрело странный привкус и выдохлось.

— Должно быть, плохо закупорили, — пробормотал Уилт. Кухонный комбайн замолчал.

— Что ты там ворчишь? — сварливо крикнула Ева. Она всегда подозревала, что под шумок комбайна или кофемолки Уилт высказывает сокровенные мысли.

— Ничего, — ответил Уилт. О пиве поминать не стоит: Ева постоянно талдычит, что пиво плохо действует на печень. По крайней мере сегодня Уилт это ощутил. К тому же если подручные Маккалема вдруг нагрянут, чтобы его пришить, лучше сразу упиться до бесчувствия. И плевать, что у пошла отвратительный вкус. Больше в доме ничего из спиртного нет.

* * *

На другом конце Ипфорда инспектор Флинт, сидя перед телевизором, рассеянно смотрел фильм о жизни гигантских черепах. И черепахи, и их половая жизнь были ему до лампочки. Одно у них здорово: они не нянчатся со своими спиногрызами, а отложат яйца на каком-нибудь далеком берегу — и поминай как звали. Вылупятся — хорошо, хищники слопают — еще лучше. А так — мотал он этих тварей, которые живут по двести лет и, наверно, знать не знают, что такое высокое давление.

Флинт вернулся мыслями к Роджеру и покойной Линчноул. Он ловко втравил Роджера в неразбериху, на которые Уилт был большой мастак, но теперь Флинт решил, что не худо бы самому раскрыть это преступление и пожинать лавры. Уилт к делу не причастен, это точно. Разумеется, без его проделок не обошлось — на то он и Уилт, однако чутье старого служаки подсказывало инспектору, что к наркотикам каверзы Уилта отношения не имеют.

Значит, смертоносный наркотик девчонка получила от кого-то другого. С неспешным упорством гигантской черепахи, преодолевающей глубинные течения Тихого океана. Флинт стал вспоминать, какими фактами он располагает. Девчонка отравилась героином и фенциклидином. Это факт. Уилт давал уроки ублюдку Маккалему (который тоже загнул от наркотиков). И это факт. Уилт звонил в тюрьму. А вот это не факт, а предположение. Предположение интересное, но если оно не подтвердится, следствие зайдет в тупик. Флинт взял газету и взгляделся в фотографию покойницы. Снято на Барбадосе. Вояж в компании богатых бездельников, где каждый второй наркоман. Уж не у них ли девчонка раздобыла наркотики? Тогда Роджеру ни о чем не дознается: эта публика умеет прятать концы в воду. Ладно, у Флинта и без них зацепок предостаточно, есть с чем работать. Он выключил телевизор и вышел в прихожую.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Пойду малость ноги размять, — крикнул он жене.

Миссис Флинт угрюмо промолчала. Ей было глубоко безразлично, что собирается

проделывать муж со своими ногами.

Через двадцать минут Флинт сидел у себя в кабинете. Перед ним лежали протоколы допроса лорда и леди Линчноул. Конечно, родители ни сном ни духом не ведали, что Линда балуется наркотиками. По их ответам Флинт сразу понял, что они стараются отвести от себя подозрения.

— Нечего сказать, заботливые родители. Прямо как эти чертовы черепахи, — буркнул Флинт и взялся за протокол допроса студентки, которая снимала квартиру вместе с мисс Линчноул. От нее толку было больше. Нет, Пенни уже сто лет не ездила в Лондон. Она вообще никуда не выезжала, разве что домой на выходные. В дискотеки порой заходила. В основном одна — с дружкой своим из университета она порвала еще до Рождества. Ну и так далее. В последнее время ее никто не навещал. Изредка она сидела в кофейнях или бродила в одиночестве по берегу реки. Соседка дважды ее там встречала, возвращаясь из кино. Где именно? Возле доков. Флинт это запомнил. Молодец сержант, грамотно ведет допрос. Соседка упомянула кофейни, которые облюбовала мисс Линчноул. Заходить туда нет смысла: там наверняка пасутся агенты Роджера, а Флинту не резон показывать, что его это дело интересует. Нет, Флинт полагается на свой нюх и многолетний опыт. И еще он знает, что хотя от Уилта можно ожидать чего угодно — инспектор имел представление о его способностях, — но чтобы он промышлял наркотиками — ни боже мой. И все-таки он звонил в тюрьму в день смерти Маккалема или не он? Темная история: уж больно много совпадений. Что ж, инспектор может порасспросить мистера Блэггза. Флинт и старший надзиратель давнишние приятели: инспектор не раз имел удовольствие верить преступников сомнительным попечениям мистера Блэггза.

Скоро Флинт уже беседовал со старшим надзирателем в пивной неподалеку от тюрьмы. Блэггз отзывался об Уилте с прямодушием, которое едва ли пришлось Уилту по вкусу.

— Я так считаю, давать образование уголовникам — грех против общества, — философствовал Блэггз. — Для чего им ума набираться? А вы потом с ними мучайся, так ведь?

Флинт согласился, что с башковитыми преступниками полиции приходится труднее, и спросил:

— Как по-твоему, может, наркотики в камере у Мака — Уилтова работа?

— Уилт? Исключено. Уилт просто-напросто доброхот недоделанный. Шизанутый, конечно, как и вся ихняя братия. Так вот я и говорю: тюрьма — это тюрьма, а не пансион для благородных девиц. А то что же получается: сядет за решетку мазурик, богом обиженный, а там из него делают матерого грабителя банков с дипломом юриста.

— Неужели Мак учился на юриста?

Мистер Блэггз рассмеялся:

— Маку это ни к чему. У него денег куры не клюют, было на что содержать свору законников.

— А почему решили, что по телефону звонил Уилт?

— Это Билл Ковен на него подумал. Он подходил к телефону. — Блэггз выразительно поглядел на пустой стакан, и Флинт заказал еще две пинты.

— Вот Биллу и показалось, что звонил Уилт, — продолжал Блэггз, довольный, что его сведения оплачиваются сполна. — Может, и обознался.

Флинт расплатился и прикинул, о чем бы еще спросить приятеля.

— А ты часом не знаешь, как Маккалем раздобыл наркотики?

— Как не знать, — гордо ответил Блэггз. — Это еще одна добродетель недоделанная нагрелась с визитом. Будь моя воля, я бы всех посетителей гнал из тюрьмы в...

— Посетительница? — перебил Флинт, не дав Блэггзу объяснить, что лучший тюремный режим — одиночное заключение, а убийц, насильников и сквернословов, обругавших надзирателя, надо вешать в обязательном порядке. — И к кому же она пришла?

— Да ни к кому. Есть такие идиоты, которые от нечего делать занимаются благотворительностью. Им в тюрьму вход свободный, вот они и лезут. На надзирателей косятся как на преступников, а с уголовниками цацкаются, будто это бедные сиротки, которых в детстве материнским молочком обделили. Одна такая стерва, миссис Джардин, и протасила Маку наркотики.

— Ничего себе! Ей-то зачем?

— Да припугнули ее. Какие-то подонки, дружки Мака, нагрелись домой, показали бритвы и бутылку с азотной кислотой и пригрозили: откажется — вся морда будет в прыщах, как у прокаженной, что и собаки жрать не станут. Просекаешь?

— Еще бы, — сказал Флинт. Он пожалел бедную благотворительницу, хотя никак не мог представить себе прокаженную с прыщами. — И она сама вам про это рассказала?

— Держи карман шире. Она подняла визг, что это мы укололи мистера Маккалема. Слышал? «Мистера»! По правде говоря, я бы этого мистера и впрямь придушил к свиньям собачьим. Отвели мы ее в морг, а там как раз тюремный врач вскрытие проводит. Зрелище, что и говорить, не шибко жизнерадостное. Звуки тоже — врач еще и пилой орудовал. Стерва, натурально, лезет на стенку: что, мол, вы с ним делаете. Врач — ноль внимания. А как она очухалась, ей и объявляют: отравление наркотиками — и баста. И кто будет против этого вякать, попадет под суд за клевету. Тут-то она и раскололась. Сразу в слезы, у начальника в ногах валяется. Все как на духу выложила. Оказывается, она уже несколько месяцев таскает в тюрьму героин. Ну, конечно, каяться начала.

— Понятное дело. И когда ее будут судить?

Мистер Блэггз нахмурился и отхлебнул пива.

— А никогда, — буркнул он.

— Никогда? Но ведь в тюрьму ничего проносить нельзя: уголовная статья. А тут — наркотики.

— Сам знаю. Да начальник не хочет шум поднимать. Дрожит за свое место. И потом, она доброе дело сделала: Маку туда и дорога.

— Это верно. А Роджер знает?

Старший надзиратель покачал головой:

— Я же говорю: начальник боится огласки. Притом эта дура твердит, будто считала, что снабжает Мака тальком. Врет, конечно, но ты же понимаешь, какой это козырь для защиты. Мы еще и виноваты останемся: недоглядели.

— Она не говорила, где взяла героин?

— Подобрала ночью возле телефонной будки на Лондон-роуд. Кто оставил — не видела.

— Уж конечно не из той компании, которая ей угрожала.

Из пивной инспектор Флинт вышел окрыленный. Все складывается как нельзя лучше. Роджер попусту теряет время, а Флинт заполучил свидетельницу, которая так и жаждет исповедаться. Инспектора даже не беспокоило, что после четырех пинт лучшего горького писючие таблетки дадут ему жару: он уже наметил маршрут до дома, который пролегал

мимо трех относительно чистых общественных уборных.

Но если инспектор Флинт летал как на крыльях, инспектор Роджер ходил сам не свой. После происшествия на Нотт-роуд поведение Уилта предстало в ином свете.

— Неспроста он долбанул полицейскую машину, — втолковывал Роджер сержанту Ранку. — Почуял, скотина, что мы у него на хвосте. Знаете, зачем он лезет на рожон?

— Без понятия, — сказал сержант. Ему гораздо лучше работалось вечерами, а в час ночи он соображал туго.

— На арест набивается. Если арестовать его сейчас, мы не сможем предъявить никаких улик.

— Ему-то какая польза?

— Это повод поднять крик о притеснениях да о нарушении гражданских прав, будь они неладны.

— Странные у него замашки.

— А послать жену за наркотой в тот самый день, когда девчонка умерла от такой же дряни, — это не странно?

— Да уж, чуднее некуда, — признался Ранк. — Обычный преступник сидел бы тише воды ниже травы.

Роджер злобно ухмыльнулся:

— То-то и оно, что мы связались с необычным преступником. Я все время об этом твержу. Уилт такая лиса, что еще поискать.

— Уж будто, — усомнился сержант Ранк. — Знает, что мы следим за его женой, и посылает ее за бутылкой наркоты? Лисе такая глупость в голову не придет, разве что ослу.

Роджер печально покачал головой. Когда же наконец сержант научится постигать тайные помыслы преступников?

— Предположим, в бутылке вовсе не наркотик. Что тогда? — спросил он.

Сержант Ранк стряхнул дремоту и попытался собраться с мыслями.

— Тогда она понапрасну гоняла в Силтон — вот и все.

— Нет, не все. Они затеяли эту поездку, чтобы направить нас по ложному следу. Обычная уловка Уилта. Почитайте его досье. Взять хотя бы историю с надувной куклой. Провели старика Флинта как мальчишку. Почему? Потому что Флинт, голова два уха, поспешил сцапать Уилта, хотя улики только и было что надувная кукла в одежде миссис Уилт под кучей цемента. А где, спрашивается, пропадала всю неделю сама миссис Уилт? Плавала на яхте с парочкой американских хипарей, одуревших от наркотиков. И Флинт, вместо того чтобы взять их и расспросить, чем они занимались на берегу, отпускает их на все четыре стороны. Ведь ясно как божий день, что они тайком провозили наркоту, а Уилт со своей куклой тем временем полиции глаза отводил. Тот еще прохиндей.

— Складно у вас получается, — согласился Ранк. — Но с чего вы взяли, что нынче он ведет ту же игру?

— Так ведь горбатый.

— Кто горбатый?

— В смысле, горбатого могила исправит.

— Ах, вот вы про что, — сказал сержант. В час ночи инспектор мог бы и не говорить загадками.

— Но теперь Уилт не на того напал, — продолжал инспектор, все больше убеждаясь в своей правоте. — С Флинта чего взять — старая школа, вчерашний день. Со мной этот номер не пройдет.

— Точно. Вы его не прозеваете. Кстати, о зевоте. Можно мне пойти...

— На Оукхерст-авеню, — решительно сказал Роджер. — Вот куда вы отправитесь. Надо установить в машине пройдохи Уилта микрофоны. Хватит нам ходить за ним хвостом. Теперь дело за электроникой.

— Вот еще! — возмутился Ранк. — Делать мне нечего — соваться в машину Уилта. У меня жена и трое детей, и...

— Что вы несете? При чем тут ваша семья? Я же объясняю: Уилты сейчас спят, вы пойдете к ним...

— Спят! У него калитка — и то под напряжением. Неужели вы думаете, он тачку к сети не подключил? На фига мне связываться с этим маньяком? Не хочу я предстать перед Всевышним в виде головешки. Даже не уговаривайте.

Роджер стоял на своем:

— Мы сперва проверим, — пообещал он.

— Как? — Ранк встрепенулся, сна как не бывало. — Пошлем сыскную собаку пописать на машину и посмотрим, не шархнет ли ей в пипку тридцать две тысячи вольт? Хороши шуточки.

— Это не шуточки. Это приказ, — отрезал Роджер. — Живо собирайте оборудование.

Через полчаса сержант в резиновых перчатках и резиновых сапогах дрожащими руками открывал дверь машины Уилта. Предварительно он четыре раза обошел машину, убедился, что никакие провода от дома к ней не тянутся, и заземлил ее медным стержнем. Несмотря на все меры предосторожности, он так и ждал подвоха и очень удивился, когда машина не взорвалась.

— Готово, — шепнул он подошедшему инспектору. — Куда пристроить магнитофон?

— Где-нибудь поближе, чтобы легче было достать пленку, — прошептал Роджер.

Ранк провел рукой под щитком управления, нащупывая подходящее место.

— Чего мудрить? Суньте под сиденье, — распорядился Роджер.

— Как скажете. — Ранк запихнул магнитофон между пружинами. Скорее бы выбраться из проклятой машины. — А передатчики куда?

— Один в багажник, а другой...

— Другой? — удивился Ранк. — Ну, тогда вам придется зарегистрировать их как радиостанцию. И один-то действует в радиусе пяти миль.

— Кашу маслом не испортишь. Если Уилт обнаружит один, то не станет искать второй.

— Если не отдаст машину в ремонт, никто не обнаружит.

— Пристройте там, куда обычно не лезят. Наконец после долгих препирательств сержант с помощью магнита приладил один передатчик в уголке багажника. Когда он растянулся под машиной, высматривая, куда бы приткнуть второй, в спальне Уилтов вспыхнул свет. Инспектор мигом нырнул под машину и притаился рядом с сержантом.

— Говорил я, что сукин сын непременно подлянку устроит, — надрывно прошептал Ранк. — Вот влипли.

Роджер молчал. Уткнувшись в заляпанный машинным маслом, воняющий кошками гудрон, инспектор лишился дара речи.

Когда Уилт понял, что его разбудило, у него тоже отнялся язык. Накануне он добросовестно выхлестал шесть бутылок пива, и хотя вкус был мерзопакостный, зато голова затуманилась. Ночью любовное поило доктора Корея начало действовать. Уилт проснулся с таким чувством, будто ему в причинное место пробрался целый батальон муравьев и деловито прокладывает себе путь вглубь. А может, кто-то из близняшек сдуру сунул туда электрическую зубную щетку? Не похоже. Это жуткое ощущение вообще ни на что не похоже. Уилт включил ночник, откинул одеяло, чтобы взглянуть, что происходит, и уставился на широкое красное полотнище, которое на поверку оказалось трусиками Евы. Ева в красных трусиках? Или она тоже вся горит?

Уилт выкарабкался из постели, не развязывая пояса, кое-как стянул пижамные брюки и повернул поудобнее лампу, чтобы проверить, что за беда стряслась с его окаянном шелопутом (Уилт позволял своему члену в некотором смысле жить самостоятельной жизнью — вернее, не считал себя в ответе за его поведение). С виду Уилтов постреленок был цел и невредим, но только с виду: Уилт испытывал невообразимые мучения. Может быть, у Евы найдется какой-нибудь кольдкрем...

Он заковылял к туалетному столику Евы и стал перебирать баночки. Куда она задевала кольдкрем, черт бы ее драл? В конце концов он остановился на увлажняющем лосьоне. Наверно, поможет.

Но лосьон не помог. Уилт перепачкался с ног до головы, измазал подушку, однако жжение все усиливалось. И что толку мазать сверху, если жжет внутри? Оказывается, батальон муравьев прорывался не внутрь, а наружу. Совсем потеряв голову, Уилт уже собрался шугануть их аэрозолем против насекомых, до вовремя опомнился. Еще неизвестно, какую шутку сыграет инсектицид с его мочевым пузырем, тем более тот полным-полнехонек. Может, если помочиться... Все еще сжимая в руке баночку с лосьоном, Уилт добрался до туалета.

— Что за недоносок назвал это «облегчаться»? — прошептал он, выполнив свое намерение. Уилт испытал только душевное облегчение — оттого, что мочился не кровью и не обнаружил в унитазе муравьев. Телесные же муки, напротив, усилились.

— Как пить дать, загорится, — шепнул Уилт. Еще немного — и он кинулся бы тушить пожар при помощи ручного душа, но тут его осенило. Если наружное применение лосьона ни черта не дает, следует смазать изнутри. Но как? На глаза ему попался тюбик зубной пасты. Вот то, что надо. Э, нет. Только не зубной пастой. Ну неужели трудно выпускать увлажняющий лосьон в тюбиках?

Уилт заглянул в аптечку. Старые бритвенные лезвия, пузырьки с аспирином, микстура от кашля. Ничего такого, что можно впрыснуть внутрь. Разве что тюбик с какой-то дрянью для удаления волос.

— Ну уж дудки, — проворчал Уилт. Однажды он по ошибке уже почистил зубы этой пакостью. — Ну его к черту, этот дефолиант.

Одно спасение — лосьон. А спастись надо немедленно. Охваченный новым приступом отчаяния, Уилт взял баночку с лосьоном, проковылял на кухню и принялся рыться в шкафчике под мойкой. Наконец он нашел то, что искал...

Ева сквозь сон почувствовала, что спина отчего-то замерзла. Так, немного: терпеть

можно, а просыпаться неохота. Когда Ева все-таки открыла глаза, в спальне горел свет и она лежала в постели одна. Вот почему спине холодно. Уилт скинул одеяло и ушел. В уборную, наверно. Ева подтянула одеяло и стала дожидаться мужа. Может, он не прочь заняться любовью. Ведь он выпил две бутылки пива с любовным снадобьем. Ева и красные трусики надела. А ночь — самое время для любви: близняшки спят. Не то что утром в воскресенье. Тогда приходится вставать и запираяться от девочек. Но и это не всегда помогало. Ева никогда не забудет, как в одно прекрасное утро они с Генри совсем уж было кончали и вдруг запахло дымом и детские голоса на все лады завопили: «Пожар! Пожар!» Ева и Генри скатились с кровати, не одевшись выскочили в коридор и увидели, что девочки жгут газету в кастрюле для варенья. Тут уж Ева сразу согласилась с мужем, что девчонок следует хорошенько выдрать. Легко сказать. Генри и шагу ступить не успел, а они уже пулей вылетели из дома. Не мог же Генри гольшом носиться за ними по улице. Нет, что ни говори, а ночью заниматься любовью приятнее. Ева прикидывала, не лучше ли будет снять трусики прямо сейчас, но тут снизу донесся такой грохот, что Ева о трусиках и думать забыла.

Она сорвалась с постели, накинула халат и поспешила вниз. В следующее мгновение всякие мысли о любви вылетели у нее из головы.

Уилт стоял посреди кухни. В одной руке он держал собственный член, в другой — кулинарный шприц. Предметы эти были друг к другу пристыкованы.

Ева остолбенела.

— Что это еще за новости? — наконец выговорила она.

Уилт повернулся к ней. Лицо его пылало.

— Новости? — переспросил он. Только сейчас он сообразил, что его действия можно истолковать по-разному, в том числе и в дурную сторону.

— Да, новости.

Уилт взглянул на шприц.

— Понимаешь...

Но Ева перебила его:

— Это же мой кулинарный шприц!

— Я знаю. А это мой Джон Томас.

Ева посмотрела и на то и на другое с одинаковым отвращением. Чтобы она еще когда-нибудь взяла этот шприц покрывать торт глазурью? Да ни за что на свете! А что касается Уилтова Джона Томаса, как она вообще могла с вожделением думать об этой мерзости?

— А это, к твоему сведению, — продолжал Уилт, — твой увлажняющий лосьон. Вон там, на полу.

Ева уставилась на баночку. Всякое случалось в доме 45 по Оукхерст-авеню, но чтобы вдруг в кухне ни с того ни с сего сошлись кулинарный шприц и Уилтов половой член («сошлись» — самое точное слово) да еще на полу оказалась баночка увлажняющего лосьона — такого прежде не бывало. Ева опустила на табуретку.

— И еще, к твоему сведению...

— Замолчи! — не выдержала Ева. — И слышать не хочу!

Уилт обжег ее ненавидящим взглядом.

— А я не хочу мучиться, — окрысился он. — Думаешь, я для плезира в три часа ночи угощаю свой шершавый лосьоном, которым ты мажешь физиономию?

— Зачем тогда ты это делаешь? — Еве и самой чуть не стало плохо.

— Затем, что мне кажется, будто какой-то садист начинил мой водопроводик перцем,

вот зачем.

— Перцем?

— Или смесью толченого стекла и чеснока. Добавь маленько кприта — и поймешь, что за смесь. Вернее, что за боль. Сил никаких нет. Так что я, с твоего позволения...

Уилт снова взял шприц наизготовку, но Ева остановила его:

— Должно же быть противоядие. Я позвоню доктору Корее.

Уилт выпучил глаза:

— Что?

— Говорю, я позвоню:..

— Слышал уже. Ты хочешь позвонить этой гадюке, которая разводит лекарственные травы и перелицовывает людей. Я спрашиваю: зачем?

Ева в отчаянии озидала кухню. Но ни кухонный комбайн, ни кастрюльки над плитой, ни тем более карта произрастания лекарственных трав не могли ей помочь. Злодейка Корея отравила Генри, и всему виной Ева, которая пошла на поводу у Мэвис. Но времени на размышление не оставалось: глаза Генри наливались кровью.

— Просто я подумала, что тебе надо обратиться к врачу. Может, это серьезно.

— «Может»? — заорал Уилт. Он уже подозревал самое худшее. — Это серьезно без всяких «может», так что изволь объяснить, почему...

Ева перешла в наступление:

— Ну, знаешь ли, нечего было пить столько пива.

— Пива? Ах ты дрянь! — взвыл Уилт. — То-то я чувствую, с пивом неладно!

Он бросился на жену. Увернувшись от шприца, Ева обежала стол и крикнула:

— Я просто... На ее счастье, в кухню заглянули близняшки.

— А почему у папочки все гениталии в креме? — спросила Эммелина.

Уилт застыл как вкопанный и воззрился на детские рожицы в дверях. Близняшки умели отмочить такое, что у отца глаза на лоб лезли. Это же надо — проворковать «папочка», да еще таким тоном, и тут же брякнуть точный анатомический термин! Эммелина явно хотела его огорошить. И зачем обращаться не поймешь к кому? Могла бы напрямик спросить у отца.

Воспользовавшись замешательством мужа, Ева решила перевести разговор в другое русло.

— Вас это не касается, — сказала она близняшкам и театрально заслонила собой Уилта. — Папочка не совсем здоров, и...

— Вот-вот, — взъярился Уилт. — Давай, вали все на меня!

— Я на тебя не валю, — через плечо бросила Ева. — Это потому, что...

— Потому, что ты испакостила пиво ядохимикатами и чуть меня не отравила. Да как у тебя язык поворачивается говорить, что я не совсем здоров? Хорошенькое дело — «не совсем здоров»! Да я...

Уилт не договорил, потому что Геймеры принялись барабанить в стенку. Взбешенный Уилт швырнул шприц в статуэтку смеющегося кавалера, которую подарила им теща, когда продала свой дом, — по словам Евы, статуэтка напоминала ей про ее счастливое детство в этом доме.

Ева прогнала близняшек спать и снова спустилась в кухню. Уилт отхаживал пострадавший орган льдом из холодильника.

— Тебе действительно надо показаться врачу, — сказала Ева.

— Мне надо было показаться врачу, когда я вздумал на тебе жениться. Сознаться, что ты мне в пиво набуровила?

Ева понурилась.

— Я просто хотела, чтобы у нас была полноценная семейная жизнь, а Мэвис Моттрэм сказала...

— Придушу стерву!

— ...сказала, что доктор Корее помогла Патрику, и...

— Помогла Патрику? — Уилт на мгновение забыл про обложенный льдом член. — В последний раз, когда я его видел, ему не хватало только бюстгальтера. Говорит, бриться стал реже.

— Вот видишь. Доктор Корее дала Мэвис какое-то снадобье, чтобы остудить его пыл, я и подумала...

Ева замялась, поймав грозный взгляд мужа.

— Продолжай. Только, по-моему, слово «подумала» тут не к месту.

— ...В общем, что у нее найдется средство немножко расшевелить...

— «Расшевелить»! Говори уж прямо — раскочегарить. Нечего меня шевелить. Я работал как вол, я отец четырех детей, а не сопливый щенок, свихнутый на сексе.

— Просто я подумала... то есть мне пришло в голову, что, если она сумела помочь Патрику (Уилт возмущенно фыркнул), она и нам поможет... ну, достичь счастья в интимной жизни.

— И для этого надо отравить меня шпанской мушкой. Спасибо, осчастливила. Теперь послушай меня. Если ты принимаешь меня за секс-агрегат вроде своего кухонного комбайна, если ты хочешь, чтобы я дрючил тебя пятнадцать раз в неделю, как советуют идиотские бабьи журнальчики, то ищи себе другого мужа. От меня ты этого не дождешься. Меня сегодня так скрючило, что моли бога, чтобы я вообще когда-нибудь смог с тобой перепихнуться.

— Генри!

— Пошла вон, — и Уилт заковылял вниз по лестнице, в уборную, держа перед собой мисочку со льдом. Лед, кажется, помог: боль начала утихать.

* * *

Когда шум ссоры в доме замолк, инспектор Роджер и сержант опрометью бросились по Оукхерст-авеню к своей машине. Полицейские не разобрали, почему повздорили супруги, однако сцена произошла бурная, из чего Роджер опять заключил, что Уилт всем преступникам преступник.

— Напряжение сказывается, — объяснил он сержанту. — Я не я, если через пару дней он не кликнет на помощь сообщников.

— Если меня не отпустят поспать, я тоже буду не я, — вздохнул сержант. — Ничего удивительного, что сосед хочет продать свою часть дома. Мука мученическая жить бок о бок с такой семейкой.

— Ему недолго осталось мучиться, — сказал Роджер. Упоминание о соседе навело его на мысль, что с помощью Геймера он сможет узнавать обо всем происходящем в доме. А машина Уилта превратилась в настоящую радиостанцию на колесах. Дело на мази: еще

немного — и Уилта можно брать.

Весь следующий день Уилт провалялся в постели с грелкой, которую он охладил в морозильнике. Тем временем инспектор Роджер, благодаря передатчикам в машине, следил за передвижениями Евы по Ипфорду, а инспектор Флинт работал в другом направлении. В лаборатории у криминалистов он выяснил, что высококачественный героин, обнаруженный в камере у Маккалема, ничем не отличается от героина, который нашли в квартире мисс Линчноул, и можно с изрядной долей уверенности утверждать, что источник героина один и тот же. Затем Флинт наведлся к сердобольной посетительнице тюрьмы миссис Джардин и провел у нее около часа. Миссис Джардин поразила его замечательной способностью закрывать глаза на очевидное. Послушать ее, в смерти Маккалема повинны решительно все, кроме него самого. Негодяем он сделался по вине общества, неучем остался по недосмотру органов образования, промышленники и коммерсанты не предоставили ему достойную работу, судья вынес обвинительный приговор.

— Он стал жертвой обстоятельств, — твердила миссис Джардин.

— Эдак про каждого можно сказать, — заметил Флинт, поглядывая на серебро в угловом серванте. Как видно, по вине своего материального достатка дамочка стала жертвой излишней чувствительности. — Взять хотя бы трех бандюг, которые грозились порезать вас своими...

— Ах, не надо! — миссис Джардин содрогнулась, вспомнив о посетителях.

— И они ведь жертвы, правда? И бешеная собака жертва, но если она вас покусала, это же не утешение. По мне, торговцы наркотиками относятся сюда же.

Миссис Джардин пришлось согласиться.

— Так вы своих гостей не узнаете? — спросил Флинт. — Говорите, они надели на голову чулки?

— Да. И пришли в перчатках.

— И они, значит, отвезли вас на Лондон-роуд и показали, где оставят передачку.

— За телефонной будкой, напротив поворота на Бриндлей. Мне велели зайти в будку, сделать вид, что я говорю по телефону, а когда поблизости никого не будет, заглянуть за нее, взять пакет и сразу возвращаться домой. Они сказали, что будут за мной следить.

— А позвонить в полицию вы не додумались?

— Почему же? Я сразу об этом подумала. Но они предупредили, что подкупили уже не одного полицейского.

Флинт вздохнул. Знакомая уловка. А впрочем, черт их знает, может, и не врут. Есть в полиции такие, кто продает свою совесть. В прежние годы, когда Флинт только-только поступил на службу, их было куда меньше. Это ведь сейчас развелись крупные банды, у которых имеются средства купить полицейского с потрохами, а не получится — пришить. В старые добрые времена убийство полицейского так просто с рук не сходило: хоть кого-нибудь, а повесят, пусть даже не того. А теперь погоду делают благотворители вроде миссис Джардин или Кристи, который в своих свидетельских показаниях наврал с три короба, а в результате полоумного Эванса послали на виселицу, хотя убийства совершал сам Кристи. Вот из-за таких преступники нынче и распоясались. Ничего святого у людей не осталось. Стоит ли винить миссис Джардин, что она поддалась на угрозы? Ну ничего. Флинт слабины не даст. Он никогда не бегал от работы и не шел против совести, так будет и впредь.

— Мы бы вас защитили, — сказал он. — А если бы вы прекратили посещать Маккалема, бандиты и подавно оставили бы вас в покое.

— Теперь-то я понимаю. Но в тот миг я так перепугалась, что ум за разум зашел.

«Было бы чему заходить», — подумал Фйинт, но оставил это замечание при себе и снова принялся расспрашивать о том, как миссис Джардин получила наркотики. Трудно поверить, что преступники оставили партию героина за телефонной будкой и не захотели убедиться, что она дошла по назначению. Однако больше они у миссис Джардин не появлялись. Выходит, они договорились о связи.

— Что, если бы вы заболели? — спросил Флинт. — Вдруг вы по какой-то причине не сумели бы забрать пакет, что тогда?

Миссис Джардин окинула инспектора удивленно-презрительным взглядом. Как можно задумываться о таких житейских мелочах, когда речь идет о моральном долге? Сразу видно необразованного полицейского. Поскольку полицейские к числу жертв не относились, они снисхождения не заслуживали.

— Не знаю, — пожалала плечами миссис Джардин.

Флинт начал терять терпение.

— Слушайте, вы, хватит носом крутить, — цыкнул он. — Сколько бы вы ни скулили, что вас взяли на пушку, за распространение наркотиков, да еще в тюрьме, по головке не погладят. Кому вы должны были позвонить?

Миссис Джардин сдалась:

— Я не знаю, как его зовут. Мне оставили номер телефона, и...

— Какой номер?

— Просто номер. Я не могу...

— Давайте его сюда.

Миссис Джардин вышла, а Флинт принялся разглядывать книжные полки. Названия книг ничего ему не говорили. Он только понял, что миссис Джардин охотно читает или по крайней мере покупает книги по социологии, экономике, интересуется проблемами Третьего мира и тюремной реформой. Флинт не растрогался. Хороша забота о заключенных — шляться в тюрьму и распекать администрацию, что она-де плохо содержит преступников. Куда как просто воевать с людьми, которые взяли на себя черную работу. А слабо самой пойти в надзирательницы да пожить на нищенское жалованье? Вздумай правительство поднять налоги для строительства новых тюрем, та же миссис Джардин поднимет крик. Ох уж эти лицемерные чистоплюйки!

Миссис Джардин вернулась в комнату.

— Вот телефон, — она протянула Флинту клочок бумаги. На нем был записан номер лондонского телефона-автомата.

— Когда вам велели позвонить?

— За день до того, как я должна была забрать пакет. С половины десятого вечера до девяти сорока. Инспектор взял немного в сторону:

— Сколько раз вы забирали пакет?

— Только три раза.

Флинт встал. Ничего не получится. Даже если бы газеты не раструбили о смерти Маккалема, его дружки все равно дознались бы. Едва ли им снова понадобится передавать пакет. Что ж. Флинт по крайней мере убедился, что они действуют не в Лондоне. Роджер идет по ложному следу. Да и Флинт, оказывается, дал маху. Цепочка обрывалась на миссис

Джардин и телефонной будке на Лондон-роуд. Если бы Маккалем был жив...

Флинт отправился в тюрьму.

— Покажи-ка мне список посетителей Мака, — попросил он старшего надзирателя Блэггза.

С полчаса он переписывал имена и адреса в записную книжку. Закончив, пояснил:

— Кто-то из этой компашки — связной. Разберемся. Надежды мало, но отчего не попробовать?

В участке он проверил, не располагает ли данными об этих лицах Центральная компьютерная служба, не случалось ли им проходить по делам о наркотиках. Флинт надеялся найти в списке недостающее звено — какого-нибудь мелкого жулика, живущего в Ипфорде или его окрестностях. Но такого не оказалось. Начинать поиски в Лондоне — попусту тратить время. Положа руку на сердце. Флинт считал, что и в Ипфорде его поиски совершенно бесплодны, но все-таки... все-таки он печенкой чувствовал, что ищет не напрасно. Чувствовал — и все тут. Что же подскажет ему интуиция? Подруга мисс Линчноул видела ее у доков. Несколько раз. Но доки — то же самое, что телефонная будка на Лондон-роуд: передаточный пункт. Мало, мало. Чтобы напасть на след, нужны факты посущественнее.

Флинт снял трубку и набрал номер наркологического отдела Ипфордской больницы.

* * *

К обеду Уилт встал с кровати. Собственно, он уже не раз вставал с кровати утром, чтобы достать из морозильника другую грелку, а чаще потому, что боялся замастурбировать себя до смерти. Ева напрасно надеялась, что адское зелье в пиве настроит мужа на нужный лад: Уилт рассудил, что жена, которая чуть не извела мужа отравой, недостойна своей порции плотских наслаждений. Если она войдет во вкус, недолго угодить в больницу с внутренним кровотечением и пожизненной эрекцией. Он уже и так не знает, что делать со своим пенисом.

Сначала Уилт решил: «Я его, паскуду, холодом дойму». Какое-то время это средство помогало, хотя боль была невыносимая. Но стоило Уилту задремать, как через час он пробудился с мерзким чувством, будто во сне ему вздумалось прелюбодействовать со свежевыловленной дуврской камбалой. Уилт выбросил из головы мысли о сексе и поплелся на кухню положить грелку в морозильник, однако сообразил, что это несколько негигиенично. Он принялся мыть грелку, и тут в дверь позвонили. Уилт уронил грелку в раковину, схватил ее, хотя она так и норовила выскользнуть из рук, и сунул на полочку для сушки посуды между перевернутым чайником и керамическим блюдом. Только после этого он открыл дверь.

Вопреки его ожиданиям, за дверью стоял не почтальон, а Мэвис Моттрем.

— Что это вы дома? — спросила она.

Уилт отступил за створку двери и плотно запахнул халат.

— Да вот, понимаете...

Мэвис уверенно прошествовала мимо него на кухню.

— Я просто зашла узнать, может, Ева согласится взять на себя закуску.

— Какую закуску? — спросил Уилт, с ненавистью глядя на Мэвис. Еще бы: эта ведьма

надоумила Еву обратиться к доктору Корее.

Но Мэвис пропустила вопрос мимо ушей. С точки зрения активной феминистки и секретаря движения «Матери против бомбы», Уилт был всего-навсего представитель мужской половины рода человеческого, чего с таким церемониться?

— Ева скоро вернется? — спросила Мэвис.

Уилт злоеюще улыбнулся и закрыл за собой дверь кухни. Раз Мэвис обращается с ним, как с неотесанным мужланом, он и поведет себя, как неотесанный мужлан.

— А как вы догадались, что ее нет дома? — поинтересовался Уилт, взяв в руки хлебный нож и пробуя тупое лезвие большим пальцем.

— Машины не было, и я решила... Ведь обычно вы на ней ездите, — Мэвис замялась.

Уилт поместил нож на магнитную доску рядом с большими кухонными ножами. Хлебный нож тут явно не смотрелся.

— Фаллический символ, — заметил Уилт. — Любопытно.

— Что любопытно?

— Это так в духе Лоуренса^[15], — сказал Уилт и достал из пластикового ведерка кулинарный шприц. Ева отмачивала его в дезинфицирующем растворе — надеялась, что когда-нибудь снова решится покрывать торты глазурью с его помощью.

— Лоуренса? — переспросила Мэвис с тревогой в голосе.

Уилт положил шприц и вытер руки. Взгляд его упал на резиновые перчатки, в которых Ева мыла посуду.

— Совершенно верно, — подтвердил Уилт и стал натягивать перчатки.

— О чем это вы? — спросила Мэвис. На память ей пришло происшествие с надувной куклой. Мэвис обогнула стол и направилась к двери, но остановилась. Уилт в одном халате, даже без пижамных брюк, в резиновых перчатках, с кулинарным шприцем в руках внушал опасения.

— Знаете, попросите Еву мне позвонить, — сказала Мэвис. — Я ей объясню насчет закуски для...

Она осеклась. На лице Уилта снова появилась улыбка. Из шприца брызнула желтоватая жидкость. В сознании Мэвис промелькнули образы сумасшедших врачей из старых фильмов ужасов.

— Так вы говорили о том, что Евы нет дома, — напомнил Уилт и заслониł собой дверь. — Продолжайте.

— Что продолжать? — голос Мэвис дрогнул.

— Ну, о том, что ее нет дома. По-моему, очень занятная тема, а?

— Занятная? — пробормотала Мэвис, пытаясь уловить в бессвязных фразах хоть проблеск здравого смысла. — Чего тут занятного? Очевидно, поехала в магазин.

— Очевидно? — Уилт отсутствующим взглядом рассматривал сад за окном. — Уж будто это так очевидно.

Мэвис невольно посмотрела в ту же сторону. Сад нагнал на нее такой же страх, что и Уилт в резиновых перчатках, с жутким кулинарным шприцем. Сделав над собой усилие, Мэвис повернулась к Уилту и как ни в чем не бывало бросила:

— Я, пожалуй, пойду.

С этими словами она двинулась к двери. Улыбка с лица Уилта сползла.

— Куда вы спешите? — воскликнул он. — Поставим чайник, выпьем кофейку. С Евой-то небось не отказались бы. Садитесь, поболтаем. У вас с Евой было так много общего.

— «Было?» — ахнула Мэвис. Черт дернул ее за язык. Уилт снова улыбался кошмарной улыбкой.

— Что же, — отважилась Мэвис, — если вы со мной выпьете, я не откажусь. Мне спешить некуда.

Она взяла электрический чайник и подошла к крану. В раковине лежала грелка. Мэвис взяла ее и чуть не выронила: грелка была не просто холодная, она была ледяная. Уилт угрожающе заворчал. После минутного колебания Мэвис обернулась. Так и есть: ей угрожает опасность. Опасность глядела на нее из плохо запахнутого халата Уилта.

Мэвис взвизгнула, подскочила к черному ходу, рванула дверь и, сбивая крышки с мусорных бачков, помчалась к воротам, где стояла ее машина.

Оставшись один, Уилт бросил шприц в ведро и принялся стягивать перчатки за пальцы. Не лучший способ: перчатки стаскивались с трудом. Наконец Уилт с ними справился, вытащил из морозильника вторую грелку и приложил к своему члену.

— Гнусная баба, — ругнул он Мэвис. Что же теперь делать? Если она пойдет в полицию... Нет, едва ли. И все-таки принять контрмеры не помешает. Плюнув на гигиену, Уилт сунул грелку из раковины в морозильник и поплелся вверх, в спальню. «По крайней мере, мы раз и навсегда избавились от Мэвис М.» — подумал он, забравшись в постель. Хоть какая-то польза от происшествия, которое еще сильнее подмочит его репутацию. Однако Уилт и на этот раз рано радовался.

Минут через двадцать к дому подкатила Ева. По дороге она повстречала Мэвис. Войдя в дом, она первым делом крикнула:

— Генри, поди-ка сюда! Что ты тут вытворял с Мэвис?

— Иди ты к чертовой матери, — буркнул Уилт.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Я не говорил. Я стонал.

— Нет, говорил. Я же слышала, — Ева поднялась в спальню.

Не успела она и рта раскрыть, как Уилт вскочил с постели и, прикрыв причинное место грелкой, объявил:

— Вот что. Вы мне осточертели. И ты, и твоя чувырла Мэвис, и эта Корея со своими ядами, и близняшки, и долбаные головорезы, которые рыскают за мной по пятам. Весь свет осточертел. Ишь, завели моду: я, значит, должен ходить по струнке и всем угождать, а они делают, что им заблагорассудится, и хоть трава не расти. Заруби себе на носу: а) я вам не мальчишка и б) изголяться над собой я больше не позволю. Ни тебе, ни Мэвис, ни близняшкам, чтоб им повылазило. У тебя мозги, как губка, впитывают любую белиберду, а я чихать хотел, что пишут всякие шарлатаны про новомодные идеи в воспитании, лечение старческих болезней сексом и целебные свойства цикуты...

— Цикута — это отравка, — попыталась перевести разговор Ева. — Никто не...

— А бредни, которыми ты забиваешь голову, — не отравка? — ерепенился Уилт. — Оголтелое распутство, голые шлюхи из порножурналов для, так сказать, интеллигенции, страхи и трахи по видюшнику на радость безработным. Суррогаты для тех, кто не способен ни думать, ни чувствовать. Не знаешь, что такое «суррогаты», — загляни в словарь.

Уилт остановился, чтобы перевести дух, и Ева воспользовалась паузой:

— Тебе хорошо известно, как я отношусь к порнографическим видеофильмам. И девочкам смотреть никогда не разрешу.

— Она не разрешит! Ни мне, ни мистеру Геймеру от этого не легче! Ты только взгляни

на этих маленьких похабниц — неужели непонятно, что скоро страхи и трахи будут твориться у тебя под носом? Куда там! Они у нас умницы, они одаренные, прямо вундеркинды. Разве можно мешать их умственному развитию — учить, как себя вести, воспитывать по-человечески? Боже упаси! Никакого воспитания: мы образцовые современные родители. И пусть эти распущенные шмакодявки превращаются в ограниченных технократок, у которых на уме одни компьютеры, а совести не больше, чем у Эльзы Кох, когда она не в духе...

— Кто такая Эльза Кох?

— Садистка, которая уничтожала людей в концлагере. Да ты, чего доброго, заподозришь, будто я мечтаю завести зверские порядки, заделался твердолобым консерватором? Черта с два! У этих кретинов тоже мозги не варят. Я во всем держусь середины, и какие убеждения правильные, какие нет — не разбираю. Но зато я хотя бы думаю — по крайней мере, пытаюсь думать! Так что оставь меня в покое — вернее, в непокое. А своей подружке Мэвис передай: будет опять сватать тебе кастраторшу Корее — снова нарвется не произвольную эрекцию.

Ева спустилась на кухню. Как ни странно, после этого разноса она воспряла духом. Давно уже Генри те говорил с таким чувством. Ева, правда, поняла не все и считала, что на близняшек он напустился понапрасну, но как замечательно, что он наконец показал себя настоящим мужчиной! А то она уж совсем расстроилась, когда негодяйка Корее молола всякую чушь про... как это?.. «сексуальное превосходство женских особей у млекопитающих». Ева не хочет во всем превосходить мужа. И никакое она не млекопитающее. Она человек. А это не одно и то же.

А вот инспектор Роджер к концу следующего дня уже не чувствовал себя человеком. Уилт из дома не выходил, Ева в автомобиле с передатчиками то челночила между школой и домом, то моталась по Ипфорду, и Роджер тратил драгоценное время, наблюдая за ее передвижениями.

Автофургон, который Роджер переоборудовал в пост подслушивания, следовал за «эскортом» Уилтов по пятам. Сидя в автофургоне, инспектор поучал сержанта Ранка:

— Мы набираемся опыта. Он нам очень пригодится.

— Когда? — спросил сержант и пометил на карте города магазин «Сейнбери», возле которого сейчас стоял «эскорт». До этого Ева уже побывала в универмагах «Теско» и «Фаин фэр». — Когда пригодится? Когда будем искать магазин, где стиральный порошок подешевле?

— Когда Уилт осмелеет и отправится на дело.

— А долго дожидаться? Пока что он из дома ни ногой.

— Послал жену проверить, нет ли слежки, а сам сидит себе тише воды, ниже травы.

— Вы же говорили, что как раз этого он делать не станет. Я еще спорил, что он затаится, а вы сказали...

— Без вас помню, что я сказал. Тогда он точно знал, что за ним следят. А сейчас совсем другие обстоятельства.

— Так, значит. Вот ведь гад какой: ни за что ни про что гоняет нас по магазинам. Хоть бы на чем-нибудь его подловить!

Той же ночью такая возможность представилась. Днем инспектор сжалился над сержантом, твердившим, что работа бессонными ночами его доконает, и отпустил его вздремнуть. В час ночи Ранк забрался в машину Уилта и поменял магнитофонную пленку. Через полчаса полицейские слушали запись. Роджера она как громом поразила. Он вырос в семье, где самое слово «секс» не произносилось. Близняшки же обсуждали ночные похождения Уилта, не стесняясь в выражениях. Чтобы убедиться, что мистер и миссис Уилт нераскаявшийся преступники, достаточно было послушать, как Эммелина упрямо допытывается, почему папочке вздумалось ночью украшать свой пенис глазурью. Маловразумительные объяснения Евы ее не устраивали.

— Папочке нездоровилось, — отбивалась Ева. — Он выпил много пива и никак не мог уснуть. Спустился в кухню и думает: дай-ка я поучусь украшать торт глазурью.

— Я бы такой торт есть не стала, — перебила Саманта. — И к тому же это была не глазурь, а крем для лица.

— Знаю, доченька, но ведь он только учился. Капнул немного.

— Себе на хрен? — уточнила Пенелопа.

Ева тут же принялась внушать ей, что это слово нехорошее.

— Не надо больше такие гадкие слова говорить. Тем более в школе.

— А зачем папа из кулинарного шприца смазывал пенис кремом для лица? Это тоже гадко, — возразила Эммелина.

В таком духе они беседовали до самой школы. Когда запись подошла к концу, в лице у Роджера не осталось ни кровинки. Сержант тоже приуныл.

— Невероятно, — бормотал Роджер. — Не верю своим ушам.

— А мои чуть не завяли, — отозвался Ранк. — Про всякие непотребства приходилось слышать, но это вообще уже...

— Нет-нет, не может быть. С чего вдруг человек в здравом уме станет так охальничать? Опять нас за нос водят.

— Как сказать. Знавал я одного типа, так он обмазывал свой фитилек клубничным вареньем и заставлял жену...

— Идите к черту со своей клубничкой! — взорвался Роджер. — Ненавижу, когда похабничают. Я сегодня уже слышать не могу о сексе — с души воротит.

— Уилта, наверное, тоже. Невелика радость — ходить, сунув конец в банку со льдом. Только знаете что? Вдруг у него в шприце был не крем и не глазурь?

— Бог ты мой! — ахнул Роджер. — Думаете, он накачивал себя наркотиками? Да нет, он бы уже ноги протянул. А мерзость эта — она же вытечет в два счета.

— Смешайте с кольдкремом — не вытечет. Вот вам и разгадка.

— А что? Есть же такие, кто нюхает эту гадость. Может, кто-то и таким манером одурманивается. Только для расследования это ничего не дает.

— Еще как дает, — оживился сержант. Он был рад возможности отвертеться от утомительных ночных дежурств в автофургоне. — Это значит, что зелье у него дома.

— Или в члене.

— Пусть так. Главное — нам есть за что его повязать и о чем расспросить.

Но честлюбивый инспектор замахнулся на большее.

— Ну расколется он, а что проку? Придумали бы что-нибудь поумнее. Почитайте, как он провел старика Флинта...

— Нет, сейчас все иначе, — перебил Ранк. — Сейчас он и без допроса сознается. Засадим его денька на три в камеру, оставим без наркоты, а когда у него начнется ломка, подаст голос как миленький.

— Непременно. «Где, — скажет, — мой адвокат?»

— Да, но жену-то мы тоже прихватим. И к тому же на сей раз у нас будут железные улики, так что за обвинением дело не станет. А тех, кто шустрит с героином, под залог не выпускают.

— Сперва добудьте такие улики, — нахмурился Роджер.

— Проще простого. Эти пигалицы болтали, будто он всю пижаму перепачкал мазью из шприца. Криминалистам разобраться — раз плюнуть. А можно взять и сам шприц. Опять же полотенца... Мать честная, да у них что ни возьми — все в наркоте! Блохи на кошке — и те небось покосели. Надо же, не скупится.

— Это меня и смущает. Чтобы торговец наркотиками так разбрасывался своим товаром? Как же, дожидайтесь. Они народ осторожный, особенно когда почуют слезку. Знаете, что я думаю?

Сержант Ранк покачал головой. Он вообще сомневался, что инспектор Роджер был способен думать.

— По-моему, пройдоха взялся за старое. Набивается на арест. Хочет поддеть нас на удочку. Тогда все его фокусы становятся понятны.

— Только не мне, — сокрушенно вздохнул сержант.

— Вот смотрите. На пленке записана сушая околесица. Так? Так. Мы с вами никогда не слышали, чтобы наркоманы намастыривались через конец. А нас убеждают, будто Уилт так и делает. Мало того, среди ночи он поднимает хай, тычет себя шприцем и старается, чтобы

дочки видели. Зачем, спрашивается? А затем. чтобы эти паразитки всем-всем раззвонили, а там и до нас дойдет. Вот чего он добивается. Ну да я этого афериста вижу насквозь. Сразу брать не буду: пусть погуляет. Глядишь — и выведет на своих поставщиков. Очень надо возиться со всякой мелкой сошкой, ведь я их теперь могу всем скопом накрыть.

Инспектор и сам остался доволен своим объяснением. Он уже предвкушал окончательную победу. Он представлял, как Уилт окажется на скамье подсудимых, а с ним еще десяток преступников, птицы такого полета, что Флинт и его братия рты разинут: все как один богатей, члены лучших клубов, живут в роскошных домах, играют в гольф. Судья, объявив приговор, похвалит инспектора Роджера за мастерское ведение дела. Он станет знаменит, его фотография появится во всех газетах. Пусть тогда кто-нибудь попробует сказать, что Роджер для этой работы непригоден.

* * *

Уилт тоже подозревал, что его ждет слава, но несколько другого рода. Евина страсть к возбуждающим средствам дорого ему обошлась: его член, как видно, навсегда замер в боевой готовности.

— Я же из этого паршивого дома шагу ступить не могу, — пожаловался Уилт, когда Ева уговаривала его не шастать по дому в халате, когда подружки по обыкновению зайдут к ней выпить чашечку кофе. — Ты что же, хочешь, чтобы я с этим шомполом наперевес поехал в Гуманитех?

— Я не хочу, чтобы ты огорошил Бетти и других гостей так же, как Мэвис.

— Мэвис получила по заслугам. Я ее в дом не приглашал — сама вперлась. И потом, если бы она не послала тебя к отравительнице Корее, я бы сейчас не ходил с вешалкой для платья. Прицепленной к поясу.

— Это еще зачем?

— Затем, чтобы клятый халат не натирал воспаленный конец. Знаешь, как больно, когда плотная ткань, прямо как одеяло, трется о напряженный...

— Не знаю и знать не хочу.

— А я не хочу мучиться, — рассвирепел Уилт. — Потому и нацепил вешалку. Но и это не все. Пойдешь по малой нужде — хоть волком вой. Думаешь, легко одновременно согнуть колени и наклониться вперед? Я об стену уже две шишки набил. А по большой нужде не хожу второй день. Присесть почитать — и то не могу. Только и занятий — лежать на спине, прикрыв причинное место корзиной для бумаг, или слоняться по дому с вешалкой на поясе. Ну да это один хрен. Именно так: у меня занятий — один хрен. Если так и дальше пойдет, то, когда я дам дуба, придется делать гроб по специальному заказу — с перископом.

Ева посмотрела на мужа с тревогой:

— Раз это так серьезно, покажись врачу.

— Как я ему покажусь? — взвыл Уилт. — Ты что — хочешь, чтобы меня на улице приняли за беременного извращенца? Да меня на полпути задержит полиция, а для щелкоперов из местной газетенки это будет счастливейший день в жизни. «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ГУМАНИТЕХА ВЫРАЖАЕТ КРАЙНЮЮ СЕКСУАЛЬНУЮ ОЗАБОЧЕННОСТЬ». Очень тебе понравится, если твоего мужа прозовут мистер Пенис Выше Крыши? Ладно, ублажай тут своих гостей, а я затаюсь наверху.

Уилт осторожно поднялся в спальню и напялил спасительную корзину. Скоро внизу раздались голоса: это собирался Комитет соседской взаимопомощи, в котором состояла и Ева. Интересно, кому из них Мэвис успела напеть о происшествии на кухне? Вот небось радуются, что муженек Евы оказался эксгибиционистом с замашками убийцы. Конечно, они и виду не покажут, что рады: «Бедная Ева! Слыхали, что отмочил этот злодей, ее муж?» — «Как она не боится жить в одном доме с таким чудовищем?» А ведь на самом деле не Генри им ненавистен, а Ева. И поделом ей: кто как не она испоганила его пиво отравой докторши Корее? Лежа в постели, Уилт думал о докторе Корее. Он предавался сладким мечтам о том, как подаст на негодайку в суд и взыщет с нее кругленькую сумму за... Как бы сформулировать обвинение? Членовредительство? Посыгательство на права мошонки? Или просто отравление? Нет, не пойдет: яд подлила Ева, и, соблюдай она точную дозу, вполне возможно, последствия не были бы столь плачевны. Откуда мерзавке Корее знать, что Ева во всем норовит хватить через край? Ева свято верила, что если какое-то средство идет на пользу, то от двойной порции и пользы вдвое больше. Это уразумел даже кот Чарли: стоило поставить перед ним блюдечко со сливками, приправленными глистогонным порошком, он в мгновение ока исчезал из дома и не показывался несколько дней. Кот не дурак, он помнил, как однажды Ева прочистила ему желудок двойной дозой этого лекарства. Бедолага две недели прятался в кустах в дальнем конце сада, а когда вернулся, он и сам походил на глиста, обросшего шерстью. Пришлось отхаживать его сардинами.

Но уж если даже кот способен учиться на своих ошибках, то Уилту остается винить только самого себя. С другой стороны, Чарли с Евой ничего особенно не связывает, он может сделать ноги при первой опасности.

— Везет этому хмырю, — пробормотал Уилт и представил, что начнется, если как-нибудь вечером он позвонит Еве и скажет, что на неделю уходит из дома. Ох, какая гроза разразится на другом конце провода! Можно, конечно, избежать объяснений и сразу положить трубку, но когда он вернется, истерике не будет конца. А почему? Да потому что причину его ухода Ева посчитает чересчур нелепой и неправдоподобной. Такой же неправдоподобной, как события этой недели: сперва визит кретина из Министерства образования, потом мисс Зайц в женской уборной отрабатывает на Уилте приемы каратэ, потом его запугивает Маккалем, потом преследуют незнакомцы в автомобиле. Прибавить к этому историю с отравлением шпанской мушкой — и никто не поверит. Э, да что толку лежать и попусту беречь душу, раз ничего уже не изменишь?

— Бери. пример с кота, — сказал себе Уилт и отправился в ванную, чтобы посмотреть в зеркале, как поживает его член. Боль стала стихать, и, сняв корзину, Уилт с облегчением увидел, что член несколько опал. Уилт влез под душ, побрился, сумел наконец надеть брюки и, когда Евины гости разошлись, спустился в кухню.

— Ну как тут твой курятник? — осведомился он.

Ева не поняла, что ее подначивают, и завелась с пол-оборота:

— А тебе бы все пакости о женщинах говорить! Они и заскочили-то на минутку. А вот в следующую пятницу мы с ними устраиваем настоящую вечеринку. У нас дома.

— У нас?

— Да. Настоящий маскарад, призы за лучшие костюмы и благотворительная лотерея в пользу детского сада «Забота о ближнем».

— Чудненько. Ну так я заранее разошлю приглашенным счета за страховку. Помнишь, какво пришлось Вуркелям, когда Полли Мертон у них в гостях нарезалась до потери пульса

и сверзилась с лестницы, а потом подала на них в суд?

— Нашел что вспомнить! Мэри действительно была виновата: не укрепила ковер на лестнице. У нее вообще дом в жутком состоянии.

— И Полли Мертон была в жутком состоянии после падения с лестницы. Но дело даже не в ней. Гости чуть не разнесли дом Вуркелей, а страховая компания отказалась платить страховку, потому что Вуркель нарушил постановление муниципалитета — устроил дома подпольное казино с рулеткой.

— Вот видишь. А проводить благотворительные лотереи муниципалитет не запрещает.

— Я бы на твоём месте проверил. Кстати, не рассчитывай, что я появлюсь на вашем маскараде. У меня и так второй день между ног черт знает что творится, а ты того и гляди снова, как в прошлое Рождество, напялишь на меня костюм Френсиса Дрейка^[16].

— Он тебе был очень к лицу. Даже Мистер Перснер сказал, что тебе надо дать приз.

— Было за что: не каждый согласился бы щеголять в панталонах твоей бабушки, набитых соломой. Но чувствовал я себя препогано. Нет, не останусь я на ваш маскарад. У меня как раз на этот день назначен урок в тюрьме.

— Можешь разок пропустить.

— Ты что! Перед самым экзаменом? Вот еще, — возмутился Уилт. — Когда тебе приспичит заняться благотворительностью, ты без моего ведома созываешь полон дом шутов в маскарадных костюмах, а когда я хочу заняться благотворительностью в тюрьме, ты мне ставишь палки в колеса.

— Ты, значит, и сегодня идешь на урок? Сегодня же пятница. Взятся благодетельствовать, так не отлынивай.

— Вот черт! — спохватился Уилт. Он совсем потерял счет дням. Сегодня действительно пятница, а он еще не подготовился к лекции в Бэконхите. Евин сарказм подстегнул его. К тому же он сообразил, что если сегодня пропустить занятие, то в будущую пятницу на него снова напялят набитые соломой бабкины панталоны или нарядят Котом в Сапогах или акробатом в черном трико, которое страшно жмет в шагу. Встревоженный Уилт засел за старые конспекты своих лекций о культуре и государственном строе Великобритании. Курс назывался «Законопослушность, патриархальные устои и традиционная классовая структура». По замыслу автора, лекции должны были вызвать у слушателей интерес к этим вопросам.

К шести часам Уилт управился с ужином и через полчаса мчался по шоссе, вдоль которого тянулась болотистая равнина, по направлению к авиабазе. Сегодня он ехал быстрее, чем обычно. Его член еще дома опять начал поднимать голову, и, чтобы лекция действительно вызвала интерес, а не скабрёзные замечания, Уилт прижал член к лобку коробочкой от крикетных шаров и примотал ее бинтом. Так было удобнее.

Между тем мониторы в двух автофургонах чутко следили за тем, куда движется «эскорт». Инспектор Роджер сиял.

— Я же говорил! — восклицал он, прислушиваясь к радиосигналам. — Я же говорил, что он отправится на дело. Хорошо, что он у нас под колпаком.

— Если Уилт и впрямь такой хитрюга, он нас и из-под колпака околпачит, — сказал сержант Ранк.

Но инспектор уже сверялся с картой. Уилт ехал в сторону моря. На его пути значилось только несколько деревушек, вокруг раскинулись однообразные унылые болота и...

— Вот-вот повернет на запад, — предсказал Роджер. Его догадка подтверждалась: Уилт

направляется на авиабазу США в Бэконхите. Итак, наркотики получены у американцев. Что и требовалось доказать.

* * *

Инспектор Флинт в Ипфордской тюрьме беседовал с Быком.

— Сколько тебе осталось сидеть? — спросил он, не сводя глаз с заключенного. —

Двенадцать лет?

— Восемь. Четыре скостили за примерное поведение.

— Как скостили, так и накинута. За то, что Мака замочил.

— Я Мака? Да вы что? Это на меня наклепали! Я его и пальцем не трогал! Он был...

— Клык раскололся, — инспектор Флинт открыл досье. — Говорит, ты приберег снотворное, чтобы угробить Мака. Метил на его место. Хочешь почитать показания Клыка? Полюбуйся. Все по форме, собственноручная подпись.

Он положил перед Быком лист бумаги, но Бык вскочил и заревел:

— На хрена вы мне дело-то шьете?!

Старший надзиратель мигом усадил его на место.

— Тут и шить нечего, — Флинт подался вперед и посмотрел перепуганному Быку прямо в глаза. — Вздумал сковырнуть Мака, а самому паханом стать? Позавидовал, да? Жадность разобрала. Лафа, ей-богу, сидишь себе в тюрьме, проворачиваешь делишки, через восемь лет выходишь на свободу, а там тебя навар дожидается. Живи да радуйся. Твоя вдова небось о выручке позаботится.

— Вдова? — Бык побледнел. — Как это — вдова?

— А так, — ухмыльнулся Флинт. — Вдова. Тебе отсюда живым не выйти. О восьми годах забудь. Будешь сидеть двенадцать, да еще припаяют за убийство Мака. Лет двадцать семь получишь, но все двадцать семь лет придется сидеть в одиночке, иначе попишут. Долго ты так не протянешь.

Бык повесил голову:

— На пушку берете.

— Ничего, ничего, — одернул его Флинт и встал с места. — Лапшу на уши будешь вешать судье. Может, какого сердобольного и разжалобишь. Особенно если расскажешь, сколько на тебе дел. Ах да: на помощь жены не надейся. Она уже полгода как спуталась с Джо Слэйви. Не слыхал?

И Флинт направился к дверям. Но Бык уже сломался:

— Богом клянусь, мистер Флинт, не убивал я его! Мак был мне как брат! Я бы никогда...

Однако Флинт еще не натешился отчаянием противника:

— Мой тебе совет — коси под придурка. В Бродмурской психушке тебе будет спокойнее. Не хотел бы я провести остаток жизни в одной камере с Брэди или Потрошителем.

Флинт еще потоптался у двери и сказал старшему надзирателю:

— Если он пожелает нам что-то сообщить, дай мне знать. Может, нам что-нибудь из его рассказов и сгодится...

Объяснять подробнее не понадобилось. Бык хоть и Бык, а намек понял.

— Что вам от меня нужно? Спрашивайте.

Флинт задумался. Если дать Быку опомниться, он наврет с три короба. Надо ковать железо, пока горячо.

— Мне много чего надо узнать, — сказал Флинт. — Как вы это дельце обтяпываете. Кто чем занимается. Кто передает наркоту. Все до точки. Выкладывай.

Бык сглотнул слюну.

— Про все я не знаю, — сказал он и с досадой покосился на старшего надзирателя.

— На меня не обращай внимания, — успокоил его мистер Блэггз. — Считаю меня чем-то вроде мебели.

— Перво-наперво расскажи, от кого Мак получал наркотики, — потребовал Флинт. Он хотел, чтобы заключенный поведал то, что Флинту уже известно. Бык приступил к рассказу, инспектор записывал. Откровенность Быка его обнадежила. Но кто бы мог подумать, что надзиратель Лейн подкуплен!

Сообщив о благотворительнице миссис Джардин. Бык спохватился:

— Ох, порежут меня из-за вас.

— Да никто и не узнает. Мистер Блэггз будет молчать. А когда тебя будут судить, эти показания без нужды оглашать не станут.

— Так вы, значит, все равно хотите передать дело в суд? — испугался Бык. — Зачем?

— Поговори мне, — строго сказал инспектор. Быка надо держать в страхе.

Через три часа инспектор Флинт вышел из тюрьмы в прекрасном настроении. Конечно, Бык рассказал не все. Флинт на это и не рассчитывал. Едва ли этого дебила посвятили во все тонкости. Зато он навел инспектора на след. Теперь Быка можно и не стращать обвинением в убийстве. Он уже заложил слишком многих и поневоле станет помогать следствию: стоит его дружкам узнать, что он раскололся, — и его пришьют прямо в тюрьме. Следующий свидетель — Клык.

«Всякому полицейскому иной раз приходится брать грех на душу», — размышлял Флинт, подъезжая к участку. Однако насилие и наркотики — еще больший грех. Флинт прошел к себе в кабинет и принялся изучать список лиц, упомянутых Быком.

Тед Лингдон. Где-то Флинт уже слышал это имя. К тому же оно значится и в другом списке подозреваемых. Лингдон — владелец гаража. Им стоит заняться. А кто такая Энни Мосгрейв?

— Кто? — спросил майор Глаусхоф.

— Какой-то тип. Он вечерами читает лекции — по английской литературе, что ли, — докладывал дежурный лейтенант. — Его зовут Уилт. Г. Уилт.

— Сейчас приеду.

Глаусхоф положил трубку и пошел к жене.

— Ты, золотко, меня не жди. У них там что-то не ладится.

— У меня тоже, — ответила миссис Глаусхоф и стала смотреть дальше очередную серию «Далласа». Вроде и на душе легче, когда видишь, что в Техасе все по-прежнему: никаких тебе дождей, никакой сырости, как в этом чертовом Бэконхите, и люди там с размахом. Угораздило же ее выйти за начальника службы безопасности авиабазы, у которого одна любовь — немецкие овчарки. А ведь когда только-только вернулся из Ирана, прямо на руках носил. Скажите на милость, «служба безопасности»! Где были ее глаза?

Майор Глаусхоф с тремя служебными собаками забрался в джип и подкатил к воротам зоны для гражданских лиц. На стоянке, держась подальше от «эскорта», собралась кучка военнослужащих. Глаусхоф осторожно затормозил и вылез из машины.

— Что там у вас? Бомба?

— А черт его знает, — ответил лейтенант, не отрываясь от приемника. — Может, бомба, может, не бомба.

— Он как будто не выключил радиотелефон. — предположил капрал. — Даже два радиотелефона. Вот и сигналият.

— Где вы видели, чтобы у англичанина в машине было сразу два радиотелефона? — возразил лейтенант. — И потом, радиотелефоны на такой высокой частоте не работают.

— Значит, похоже на бомбу, — заключил Глаусхоф. — Так какого черта вы его впустили?

С этими словами Глаусхоф отошел от «эскорта» еще дальше. В темноте стоять у машины было опасно: кто там разберет, что у нее внутри. Долбанет еще. Остальные последовали примеру майора.

— Этот малый ездит сюда каждую пятницу, читает лекции, пьет кофе и отчаливает, — оправдывался лейтенант. — И ничего такого за ним не замечали.

— И вы так вот запросто его пропускаете. А что у него в машине что-то пикает — это, по-вашему, пустяки? А если это ливанские террористы подсуропили?

— Сигналы-то мы слышали уже после.

— Поздно, — отрезал Глаусхоф. — Ладно, не будем рисковать. Ну-ка, вызовите сюда грузовики с песком. Мы ее обезопасим. Только по-быстрому.

— Нет, это не бомба, — сказал капрал. — Эта штука посылает сигналы, а бомба должна их принимать.

— Ну, бомба — не бомба, а нарушение режима налицо. И обезопасить ее необходимо.

— Как скажете, — и капрал покинул стоянку.

Глаусхоф задумался: что бы еще предпринять? По крайней мере, он действовал решительно, теперь ни база, ни его карьера не пострадают. Как начальник службы безопасности, он все время твердил, что иностранные преподаватели здесь только воду мутят. Он уже засек одного такого географа, который читал лекции о становлении

английского ландшафта, а на самом деле пудрил мозги, что, мол, из-за высокого уровня шума и загрязнения керосином сокращается число птиц. Глаусхоф заподозрил, что географ принадлежит к движению «Гринпис», и распорядился его задержать. Но машина с двумя постоянно действующими передатчиками — это штука почище. А Глаусхофу только того и надо.

Он перебрал в уме врагов Свободного Мира. Террористы, русские шпионы, подрывные элементы, тетки из Гринэм-Коммон^[17]. Всех не упомнишь. Да и не важно. Главное — разведслужба авиабазы совсем мышей не ловит, и теперь у Глаусхофа есть возможность капитально приложить их мордой об стол. Глаусхоф улыбнулся. Кого он терпеть не может, так это начальника разведки. Кто такой Глаусхоф? Никто. А у полковника Эрвина и рука в Пентагоне, и жена путается с начальником базы — каждую субботу ее с мужем приглашают к начальнику играть в бридж. Прямо уж такая важная птица полковник Эрвин. И учился не где-нибудь — в Йеле. Ничего, Глаусхоф этой птице крылышки подрежет.

— Этот малый... Как, говорите, его звать? — спросил он лейтенанта.

— Уилт.

— Где вы его держите?

— Мы его не держим. Мы как только поймали сигнал, сразу позвонили вам.

— Ну, и где он сейчас?

— Где-то читает лекцию. Все данные о нем в караулке. Расписание лекций и все такое прочее.

Глаусхоф и лейтенант поспешили к воротам зоны для гражданских лиц. В караульном помещении майор познакомился с краткой справкой об Уилте. Она оказалась не слишком содержательной.

— Учебный корпус номер девять, — сообщил лейтенант. — Прикажете задержать?

— Нет, рано. Последите только, чтобы никто не улизнул.

— Исключено. Разве что через новое ограждение. Но далеко он не уйдет. Я уже пустил ток.

— Отлично, как только выйдет из корпуса, сразу берите.

— Слушаюсь, сэр, — и лейтенант отправился проверить караул. А Глаусхоф снял трубку и связался с охраной службы безопасности.

— Окружите учебный корпус номер девять, — распорядился он. — Но до моего прихода — никаких действий.

Отдав приказ, Глаусхоф устремил отрешенный взгляд на фотографию нагого красавца из журнала «Плейгерл», висящую на стене. Если удастся вытянуть из этого мерзавца Уилта признание, майор наверняка продвинется по службе. Но как развязать ему язык? Прежде всего надо узнать, что за устройство находится в машине. Глаусхоф уже начал обдумывать план действий, но тут за его спиной раздалось тактичное покашливание лейтенанта. Глаусхоф взбеленился. В этом кашле ему почудился язвительный подтекст.

— Вы повесили? — рявкнул он, указывая на фотографию.

— Никак нет, — обиженно ответил лейтенант. Вопрос показался ему не менее оскорбительным, чем майору — его кашель. — Это не я, сэр. Это капитан Клодиак.

— Капитан Клодиак? — майор снова уставился на фотографию. — Я не знал, что она... он... Да нет, вы шутите, лейтенант. На капитана Клодиак это не похоже.

— Она, она, сэр. Ей такие картинки по душе.

— Ишь, бедовая, — заметил майор, чтобы его ненароком не записали в противники

равноправия полов. В смысле карьеры такая репутация была почти столь же губительна, что и обвинение в гомосексуализме. Какое там «почти» — гораздо губительнее.

— Я принадлежу к Церкви Бога^[18], — сообщил лейтенант, — и, по моим убеждениям, это тяжкий грех.

Глаусхоф не дал втянуть себя в дискуссию.

— Может быть, — бросил он. — В другой раз поговорим, ладно?

И майор вернулся на стоянку. Там капрал, еще один майор и несколько человек из подразделения взрывных и землеройных работ подгоняли огромные самосвалы к машине Уилта. Самосвалы окружили «эскорт», мимоходом расшвыряв десяток других машин. Когда Глаусхоф приближался к месту действия, неожиданно вспыхнули два ярких прожектора. Ослепленный майор споткнулся и заорал:

— Вырубите свет, к чертовой матери! Хотите, чтобы и в Москве узнали, чем мы тут занимаемся?

Стоянка мгновенно погрузилась во тьму, и майор сослепу налетел на колесо самосвала.

— Ладно, управлюсь и без света, — процедил капрал. — И очень даже просто. Бомба, говорите? А по-моему, никакая не бомба. Бомбы сигналы не передают.

И не успел Глаусхоф напомнить, чтобы при обращении к старшему по званию он не забывал добавлять «сэр», как капрал двинулся к машине.

* * *

— Мистер Уилт, — сказала миссис Офрн, — будьте любезны, расскажите подробнее о месте женщины в британском обществе, в частности о той роли, которую играет в своей профессиональной сфере distinguished премьер-министр миссис Тэтчер, а также...

Уилт недоуменно поглядел на слушательницу. Почему миссис Оффри всегда читает вопросы по бумажке? И почему ее вопросы никогда не имеют отношения к теме лекции? Наверно, она их целую неделю выдумывает. Причем спрашивает только о королеве или о миссис Тэтчер. Должно быть, это потому, что однажды герцог и герцогиня Бедфордские пригласили миссис Оффри на обед к себе в усадьбу и американка никак не может забыть радушный прием. Но сегодня Уилт уделял вопросам миссис Оффри особое внимание.

Неприятности посыпались на него, как только он вошел в лекционный зал. По пути на базу бинт, который он обмотал вокруг пояса, развязался и один конец начал спускаться в правую штанину. Дальше — хуже. Капитан Клодиак опоздала на лекцию, уселась в первом ряду прямо перед Уилтом и скрестила ноги. Уилт поспешно прижался к стойке пюпитра, чтобы побороть новую эрекцию или по крайней мере скрыть это происшествие от аудитории. Дабы не смотреть на капитана Клодиак, он и сосредоточился на миссис Оффри.

Но и эта уловка не слишком помогла. Правда, миссис Оффри напялила столько затейливо расписанного трикотажа, что его производство, как видно, принесло целое состояние не одному фермеру из Западной Шотландии. Ее прелести были надежно скрыты шерстяным нарядом, и Уилт мог опамятоваться от всеокрушающих чар капитана Клодиак — он успел заметить, что капитан носит блузку и, как ему показалось, форменную чесучовую юбку. Но ведь и миссис Оффри женщина. К тому же, чтобы подчеркнуть свою исключительность, она села слева, поодаль от остальных, и Уилт так усердно пялился на нее, что чуть не свернул себе шею. Тогда он стал обращаться к прыщавому служащему торговых складов, который

помимо лекций Уилта посещал занятия по каратэ и аэробике, а в изучении английской культуры ограничился тем, что самозабвенно постигал премудрости игры в крикет. И снова Уилта ждала неудача. Минут десять, пристально глядя прыщавому в глаза, Уилт сокрушался по поводу того, как отразилось предоставление права голоса женщинам в 1928 году на распределении голосов при последующих выборах. Но вдруг он заметил, что малый озабоченно ерзает на стуле. По-видимому, он истолковал взгляд Уилта как бесстыдное заигрывание. Уилту вовсе не хотелось, чтобы каратист вышиб из него дух, и он стал поочередно поглядывать то на миссис Офри, то на стену позади аудитории. Ему казалось, что капитан Клодиак улыбается все более и более зазывно. Уилт еще сильнее налег на стойку пюпитра и думал только о том, как бы не спустить в штаны прямо во время лекции. Занятый этой мыслью, он даже не заметил, что миссис Офри дочитала свой вопрос.

— Как вы считаете, такая точка зрения справедлива? — заключила, она, чтобы Уилту было легче ответить.

— В общем... э-э-э... да, — выдавил из себя Уилт. Вопросы он все равно не запомнил: что-то о матриархальной сущности монархии. — В целом я с вами согласен, — Уилт из всех сил навалился на стойку. — Но, с другой стороны, если во главе государства стоит женщина, это, по-моему, никак не умаляет роль мужчин в вопросах правления. В конце концов, еще до Римского владычества Британией управляла королева Боудикка ^[19]. Однако едва ли в те времена существовало Движение за освобождение женщин, ведь так?

— Я не про движение феминисток, — сказала миссис Офри таким презрительным тоном, каким, вероятно, произносили это слово американки до правления Эйзенхауэра. — Меня интересует матриархальная природа монархии.

— Да-да, конечно, — подхватил Уилт. Надо затянуть время, а то с коробочкой для крикетных шаров случилось непоправимое: Уилт ее не чувствовал. — Но то, что у нас было несколько королев... да пожалуй, не меньше, чем королей... Или даже больше? А? То есть, раз у каждого короля была королева...

— У Генриха VIII было до фига и больше. Во мужик, я тащусь, — сообщила астронавигаторша. Судя по книгам, которые она читала, ей бы очень хотелось пожить в средние века, если бы тогда существовали дезодоранты и кондиционеры.

Уилта обрадовало ее замечание. Надо направить разговор в это русло, а самому тем временем разобраться с коробочкой.

— Совершенно справедливо, — согласился Уилт. — У Генриха VIII было пять жен. Эту Екатерина...

— Простите, мистер Уилт, — вмешался какой-то сапер. — А бывшие королевы тоже считаются королевами? В смысле, вдовы. Вдова короля — она королева или как?

— Королева-мать, — объяснил Уилт, запустив руку в карман и стараясь нащупать коробочку. — Конечно, это сугубо номинальный титул. Она...

— Вы говорите «номинальный титул»? — поинтересовалась капитан Клодиак голосом, как показалось Уилту, томным и с соответствующим выражением лица. — Не откажите в любезности, объясните, что означает «номинальный титул».

— Не отказать? — опешил Уилт. Но его снова перебил сапер:

— Простите, что я вмешиваюсь, мистер Уилт, но у вас что-то болтается на ноге.

— Да? — Уилт налег на стойку из последних сил. Аудитория во все глаза смотрела на его правую ногу. Уилт тут же завел ее за левую.

— И, по-моему, это какая-то очень нужная штука, — продолжал сапер.

Еще бы не нужная! Уилт покачнулся, отлепился от пюпитра и схватился за штанину, пытаясь поймать коробочку. Но чертова коробка провалилась еще ниже. Какое-то мгновение она игриво выглядывала из штанины, потом соскользнула на ботинок.

Уилт молнией кинулся на коробочку и потянул в карман. Не тут-то было. Коробочка накрепко прилеплена к бинту пластырем. Что делать? Дергать сильнее — брюки порвутся по шву. А другой конец бинта обвязан вокруг пояса и никак не отвяжется. Этак недолго оказаться перед всей честной компанией без штанов, да в придачу заработать ущемленную грыжу. Не стоять же согнувшись на глазах у аудитории. А лезть в брюки, чтобы вытащить коробочку изнутри, — не так поймут. Кажется, его уже не так поняли. Даже стоя в столь причудливой позе, Уилт заметил, что капитан Клодиак вскочила с места. Где-то пикала сигнализация, а астронавигаторша распространялась про гольфики, какие носили в средние века.

Только сапер не растерялся.

— Не вызвать ли врача? — предложил он. Уилт сдавленным голосом отказался, но сапер будто и не слышал его отказа:

— У нас тут замечательное оборудование для лечения мочеполовых расстройств. Такое разве что во Франкфурте имеется. Так что если нужен врач...

Уилт оставил в покое коробочку и выпрямился. Хоть и неловко, когда из штанины торчит коробочка от крикетных шаров, но показываться врачу в нынешнем состоянии вовсе ни к чему. Бог знает, что подумает врач о его шальной эрекции.

— Не надо врача, — пискнул Уилт. — Просто... видите ли, я сегодня заигрался в крикет, боялся опоздать на лекцию и в спешке забыл... Ну, вы понимаете...

Миссис Офри не понимала. Обмолвившись, что все радости жизни имеют-де обратную сторону, она вышла из зала вслед за капитаном Клодиак. Уилт хотел было объяснить, что ему надо всего-навсего сходить в туалет, но тут неожиданно встрял прыщавый:

— Вот оно что, мистер Уилт. А я и не знал, что вы играете в крикет. Я же три недели назад вас спрашивал, что такое «кривой шар», а вы не смогли ответить.

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал Уилт. — А сейчас мне надо... э-э-э... в одно место.

— Значит, вы не хотите, чтобы...

— Нет-нет, я совершенно здоров. Просто... ну, не важно.

Уилт заковылял из зала, уединился в кабинке туалета и принялся выяснять отношения с коробочкой, бинтом и брюками. Слушатели же оживленно обсуждали тот феномен культуры Великобритании, который только что продемонстрировал Уилт — он заинтересовал их больше, чем сведения о распределении голосов на выборах.

— И все равно, в крикете он ничего не смыслит, — настаивал прыщавый.

Астронавигаторшу и сапера больше волновало физическое состояние Уилта.

— У меня в Айдахо был дядя, — рассказывал сапер. — Он как-то весной красил дом и свалился с лестницы. Так ему на мошонку тоже наложили специальную повязку. С этим делом шутить нельзя.

* * *

— Ну, что я говорил? — торжествовал капрал. — Два радиопередатчика, один

магнитофон. И никакой бомбы.

— Точно? — переспросил Глаусхоф, стараясь скрыть досаду.

— Точно, — сказал капрал.

Майор из подразделения взрывных и землеройных работ подтвердил его слова и спросил, можно ли убрать самосвалы. Самосвалы были отведены, «эскорт» остался на стоянке в одиночестве. Но Глаусхоф не собирался упускать такую прекрасную возможность отличиться. Дело в том, что начальник разведки полковник Эрвин на выходные уехал с базы и в его отсутствие Глаусхоф вполне мог извлечь из происшествия выгоду.

— Зачем же он приперся сюда со своими передатчиками? — спросил Глаусхоф. — Что скажете, майор?

— Наверно, это проверка. Если бы все сошло гладко, он бы привез настоящую бомбу с дистанционным управлением, — предположил майор, который на все смотрел с точки зрения своей специальности.

— Но это же не приемники, а передатчики, — не унимался капрал. — Они не принимают сигналы, а передают. И для чего тогда магнитофон?

— Магнитофон — не по моей части, — сказал майор. — Устройство не взрывоопасное. Ну, пойду писать рапорт.

Тут Глаусхоф решил наконец взять быка за рога.

— Только на мое имя, — объявил он. — Рапорт подадите мне, больше никому. Не будем поднимать шум.

— Самосвалы уже такой шум подняли, что мое почтение. Оказалось, мы их зря гоняли.

— И все-таки надо разобраться, — сказал Глаусхоф. — Я отвечаю за безопасность базы, и мне не нравится, что какой-то паршивый англичанин притаскивает сюда эту технику. Может, это действительно проверка, а может, что-то другое.

— Конечно, что-то другое, — подхватил капрал. — Вон какая чувствительная аппаратура: с двадцати миль засечет, как блохи трахаются.

— Не иначе жена хочет с ним развестись и собирает компромат, — догадался майор.

— Что-то она уж больно усердствует, — заметил капрал. — Два передатчика и магнитофон. Такую сложную технику в магазине не купишь. Никогда не слыхал, чтобы штатские пользовались такой хитрой системой самонаведения.

— Системой самонаведения? — переспросил Глаусхоф, который все еще представлял, как трахаются блохи. — Как это — системой самонаведения?

— Эти хреновины указывают цель. Передают сигналы. А два оператора сидят у приемников и засекают, где крутится автомобиль.

— Вот это номер, — забеспокоился Глаусхоф. — Думаете, русские послали Уилта узнать наши координаты?

— Они и так знают, где мы находимся, у них спутники с инфракрасной техникой. Подсылать радионаводчика им вроде бы ни к чему. Разве что они хотели сбуть его с рук.

— Сбуть с рук? Зачем?

— А я почему знаю? Вы отвечаете за безопасность, вы и разбирайтесь. А я техник и не в свое дело не лезу. Но, по-моему, если агента засылают к противнику с сигнальным устройством, по которому его легко распознать, так только затем, чтобы его накрыли. Это же все равно, что бросить в комнату к коту писклявую мышь.

Однако Глаусхоф стоял на своем:

— Что бы вы ни говорили, Уилт без разрешения протащил на базу шпионскую

аппаратуру, и я его не отпущу.

— Вот они по сигналам и выяснят, где он застрял.

Глаусхоф бешено сверкнул глазами. Пропади он пропадом, этот рассудительный зануда! Но Глаусхоф нашел способ поставить капрала на место.

— Что? — взревел он. — Передатчики еще действуют?

— А как же. Вы ведь не сказали, что их надо отключить. Нам с майором было приказано искать в машине бомбу.

— Так точно, — поддакнул майор. — Приказ был насчет бомбы.

— Сам знаю, что насчет бомбы! — бушевал Глаусхоф. — Думаете, у меня память плохая?

Тут он умолк и с ненавистью воззрился на машину. Раз передатчики действуют, то противнику уже известно, что его хитрость раскрыта, а значит... Глаусхоф лихорадочно прикидывал, как предотвратить катастрофу. Оставались считанные минуты, с решением надо спешить.

И Глаусхоф объявил свое решение:

— Мы принимаем бой, а вы принимайте машину. Чтобы духу ее на базе не было.

Капрал заартачился: долбаные шпионы следят за долбанным «эскортом» в оба, а он, видите ли, должен отгонять его за тридцать миль, да еще без долбанного сопровождения. Однако Глаусхоф был неумолим, и через пять минут «эскорт» покинул базу. Предварительно в магнитофоне сменили пленку и оставили все так, будто к технике не прикасались. Напутствия Глаусхофа были просты:

— Отгоните «эскорт» к дому Уилта. Майор будет сопровождать вас на своей машине, с ним и вернетесь. Если что, он вам поможет. Пусть слухачи ищут Уилта у него дома. То-то намучаются.

— Зато меня найдут без труда, — буркнул капрал. Хотя со старшими офицерами спорить не положено, в этот раз надо было бы держаться понаглее.

Машины двинулись в путь. Глаусхоф посмотрел им вслед и окинул взглядом по-вечернему сумрачную, унылую равнину. Ему всегда было муторно от ее вида, а теперь она выглядит просто зловеще. Еще бы: равнину обдувает ветер из России, напрямик с Урала. Пролетая мимо куполов и башен Кремля, он исполнился тлетворным духом и несет гибель всему человечеству. И сейчас далекие враги ловят каждое слово, которое здесь произносится. Глаусхоф побрел назад. Ничего, он с этими коварными соглядатаями разберется.

— Помещение оцеплено, сэр, но он еще не выходил, — доложил лейтенант Хара, когда Глаусхоф приблизился к учебному корпусу № 9. В этом Глаусхоф и сам успел убедиться: он еле пробился через кордон, который лейтенант Хара выставил возле корпуса. В другой раз Глаусхоф задал бы чересчур ретивому служаке по первое число, но сейчас было не до разносов. Кроме того, майор ценил опыт своего помощника. Лейтенант Хара, командовавший ПОТО — подразделением охраны территории объекта, — получил выучку в Форт Ноксе^[20] и Панаме, в мундире английского полицейского разгонял демонстрации протеста в Гринэм-Коммон и мог бы по праву получить орден «Пылающее сердце» за ранение в бою: его укусила за ногу участница демонстрации, мать четырех детей. С тех пор он невзлюбил всех женщин. Эта черта его характера очень нравилась Глаусхофу. Слава Богу, хоть один человек на базе не полезет в постель к Моне Глаусхоф. А если на территорию вздумают прорваться стервы из Движения за ядерное разоружение, лейтенант Хара уж точно не станет строить им глазки.

Но на сей раз лейтенант явно перегнул палку. Кроме парней из группы захвата — шестеро в противогазах замерли у стеклянных дверей, остальные притаились под окнами — Глаусхоф увидел нескольких женщин. Они стояли рядком у соседнего здания лицом к стене.

— Кто это? — спросил Глаусхоф. Сердце у него екнуло: ему показалось, что на одной из задержанных вязаный наряд миссис Офри.

— Предположительно женщины, — ответил лейтенант Хара.

— Как это — «предположительно»? Женщина — она женщина и есть.

— Они вышли из зала в женской одежде, сэр. Но это еще не значит, что они женщины. Может, террористы переодетые. Прикажете проверить?

— Не надо, — бросил Глаусхоф. Свалял он дурака: надо было отдать приказ сразу захватить здание, а уж потом являться на место происшествия. Ему и так грозят неприятности из-за того, что жену начальника административного отдела распластали по стенке, приставив к виску пистолет, а если лейтенант Хара еще и подвергнет ее осмотру на предмет определения пола, то пиши пропало. Одно спасение — представить дело так, будто в противном случае злоумышленник мог бы взять миссис Офри заложницей. Уж тогда-то она не посмеет жаловаться.

— Вы уверены, что нарушитель не сумеет улизнуть?

— Совершенно уверен, — успокоил лейтенант. — На крышу ему не выбраться, в соседнем доме засели мои снайперы. Подземные переходы между зданиями перекрыты. Все обойдется без шума и пыли: швырнем канистру с парализующим газом — и дело с концом.

Глаусхоф беспокойно покосился на задержанных. Еще чего — «без шума и пыли». Чем больше шума и пыли, тем лучше.

— Я отведу женщин в укрытие, — сказал он, — а вы приступайте. Первыми не стрелять. Мне нужно будет допросить этого типа. Все поняли?

— Так точно, сэр. Стоит ему глотнуть газа, он и курок не нащупает.

— Прекрасно. Выждите пять минут, пока я разберусь с женщинами, потом начинайте, — распорядился майор и направился к миссис Офри.

— Пройдите, пожалуйста, за мной, — обратился он к дамам и, распустив охрану, повел стайку задержанных в вестибюль соседнего корпуса.

— Что это... — запальчиво начала миссис Оффри, но Глаусхоф жестом остановил ее.

— Я сейчас все объясню. Извините, что доставили вам неприятности, но на территорию проник посторонний и нам не хотелось, чтобы вас захватили в заложники.

Глаусхоф умолк и с облегчением заметил, что даже миссис Оффри встревожилась.

— Какой ужас, — пробормотала она.

Зато капитан Клодиак неожиданно ударилась в амбицию:

— Посторонний? Лекция шла как обычно, никаких посторонних не было. Вы что, хотите сказать, что к нам затесался неизвестный?

Глаусхоф замялся. Он бы предпочел до поры сохранить имя Уилта в тайне. Новость разнесется по базе с быстротой молнии, а майор рассчитывал сперва допросить Уилта, выжать из него нужные сведения и потом уличить разведку, в первую очередь этого хлыща Эрвина, в том, что они так неразборчиво пускают на территорию иностранцев. Тогда полковнику Эрвину не сносить головы, а Глаусхоф, глядишь, и получит повышение. Если же разведка раньше времени узнает о происшествии, затея Глаусхофа обернется против него самого. И он прибег к испытанному приему: начал страшать секретностью.

— Сейчас об этом распространяться не время. Государственная тайна. Любая утечка информации нанесет ущерб оборонному потенциалу Стратегического авиационного командования в Европе. Поэтому я вынужден требовать, чтобы происшедшее осталось между нами.

На короткое время его слова возымели действие. Даже миссис Оффри была потрясена. Но с капитаном Клодиак никакого сладу:

— Я все-таки не понимаю. В зале только и народу было что мы да Уилт. Ведь так?

Глаусхоф промолчал.

— Вдруг как снег на голову сваливаются ваши десантники и ставят нас к стенке. Говорите, в корпус проник неизвестный? Не верю я вам, майор, ох не верю. Никто никуда не проникал — разве что ваш лейтенант-женоненавистник ко мне в задницу. Имейте в виду, что я намерена подать рапорт о возмутительном поведении лейтенанта Хары, и эти ваши байки про шпионов не помогут.

Глаусхоф разинул рот. Не зря он назвал капитана Клодиак бедовой. И совершенно напрасно он позволил лейтенанту действовать по своему усмотрению. Оказывается, неприязнь лейтенанта к женщинам вовсе не так сильна, а капитан Клодиак, что ни говори, бабенка видная.

Надо было спасать положение. Глаусхоф сочувственно улыбнулся, но улыбка получилась кривая.

— Я уверен, что лейтенант Хара вовсе не за тем...

— Не за тем меня лапал? Я что, по-вашему, совсем дура, не понимаю, зачем меня хватают руками? — разорвалась капитан Клодиак.

— Он, должно быть, искал оружие, — лепетал Глаусхоф. Капитан выбила у него почву из-под ног; чтобы вновь овладеть положением, придется отмочить что-то небывалое.

По счастью, снаружи донесся звон стекла. Это лейтенант Хара, выждав ровно пять минут, пошел на штурм.

Минут пять Уилт разматывал бинт и, вытащив его из штанины, снова закрепил коробочку таким образом, чтобы взбалмошный член не портил ему жизнь своими истерическими выходками. Приспособление получилось весьма неуклюжее.

В дверь кабинки постучали.

— Как вы там, мистер Уилт? — поинтересовался сапер.

— Спасибо, все в порядке, — вежливо ответил Уилт, скрежеща зубами от ярости. Черт бы взял этих услужливых олухов. Не знают, в чем дело, а лезут помогать. Для Уилта сейчас одно спасение — рвать когти, пока не стряслось чего похуже. Но саперу это было невдомек.

— А я как раз рассказывал Питу про своего дядю из Айдахо, — сообщил он через дверь. — Ему тоже приходилось носить повязку на мошонке.

— Что вы говорите, — притворно оживился Уилт, изо всех сил дергая застегнуто-молнию. Она прихватила край бинта. Уилт попытался ее расстегнуть.

— Да-да. Он несколько лет ходил враскоряку, а потом тетя Энни прослышала, что в Канзас-сити есть классный хирург, и потащила туда дядю Рольфа. Дядя, понятное дело, брыкался, но потом остался доволен. Хотите — могу дать адресок.

Судя по треску ниток, молния снизу стала рваться. Уилт смачно выругался.

— Что вы говорите, мистер Уилт?

— Ничего.

Сапер умолк — как видно, обдумывал, каким бы еще советом угодить Уилту. А Уилт, сжав нижний конец молнии, снова принялся дергать замок.

— Конечно, я в этом деле не слишком понимаю. Я ведь сапер, а не врач. Знаю только, что в паху происходит повреждение...

— Послушайте, — перебил Уилт, — у меня поврежден не пах, а молния на брюках. В нее что-то попало, и она заклинила.

— С какой стороны?

— Что — с какой стороны?

— С какой стороны попало?

Уилт уставился на молнию. В сортире поди разберись, где какая сторона.

— Откуда я знаю?

— Вы ее застегиваете или расстегиваете? — не отставал сапер.

— Застегиваю.

— В таких случаях лучше сперва расстегнуть.

— Расстегнута уже, — огрызнулся Уилт, не скрывая раздражения. — На кой ляд мне ее застегивать, если она не расстегнута?

— И то правда, — согласился сапер с готовностью, которая взбесила Уилта еще пуще, чем его услужливость. — Но, может, вы не до конца расстегнули, потому и не идет...

Сапер замолчал, но ненадолго:

— Мистер Уилт, а что вам туда попало-то?

Уилт очумело вперился в табличку, которая напоминала о необходимости вымыть руки и даже поясняла как.

— Сосчитай до десяти, — шепнул он себе. К его изумлению, бинт наконец отцепился от молнии. Отцепился и сапер со своими непрошеными советами, потому что где-то зазвенело стекло и приставала, мигом отбросив задушевный тон, завопил:

— Эй, что там такое?

Уилт затруднялся ответить на этот вопрос. Напуганный шумом, он и не собирался

искать ответа. Он слышал, как с грохотом распахнулась дверь, как по коридору забегали люди, то и дело сдавленными голосами отдавая приказы стоять и не шевелиться. Уилт и не шевелился. Он уже усвоил, что в туалет можно безбоязненно ходить только дома, в других местах от таких посещений одни неприятности. Но оказаться в запертой кабинке в тот момент, когда здание штурмует группа захвата, — это что-то новенькое.

Сапер тоже не привык к подобным приключениям. Как только потянуло паралитическим газом и в корпус вломились молодцы в противогазах, вооруженные автоматами, сапер тут же утратил интерес к Уилтовой молнии и бросился в аудиторию, но налетел на штурмана и прыщавого складского служащего, которые опрометью мчались прочь. Между тем парализующий газ начал действовать. Прыщавый пытался обойти сапера, тот пытался посторониться, а штурман, вообразив, что выбирается из сутолоки, заключил их в объятия.

Все трое повалились на пол, и в тот же миг над ними воздвигся грозный лейтенант Хара в жутком противогазе и прорычал:

— Который из вас Уилт?

Голос из-под маски звучал глухо, а одурманенные и без того плохо соображали. Даже от словоохотливого сапера нельзя было добиться ответа.

— Вынесите их, — приказал лейтенант. Задержанных потащили из корпуса. При этом они издавали нечленораздельные звуки, словно радиоприемник с севшими батарейками, включенный под водой.

Уилт вслушивался в этот зловеющий шум, тревога его росла. Хоть он и не новичок на базе, но такого на его памяти здесь еще не бывало. Звон стекла, беготня по коридору, приглушенные крики — что все это означает? Ну да что бы там ни происходило, сегодня Уилт уже хлебнул неприятностей, нарываться на новые — слуга покорный. Лучше уж оставаться на месте и ждать, когда кончится заваруха. Уилт выключил свет в кабинке и опустил на стульчак.

Солдаты наперебой докладывали лейтенанту, что в аудитории никого не осталось. Хотя по залу ходили сизые волны газа, лейтенант и сам мог в этом убедиться. Он разочарованно оглядел пустые стулья сквозь стеклышки противогаза. Только и всего? Он-то надеялся, что нарушитель разбушует, окажет сопротивление, а его взяли голыми руками. Жаль, не сообразили и служебным собакам надеть противогазы — оказывается, паралитический газ на них тоже действует. Одна с вялым рычанием ползала по полу; другая, собравшись почесать за правым ухом, дрыгала в воздухе задней лапой. Беда да и только.

— Дело сделано, — бросил лейтенант и пошел допрашивать троих задержанных. Но с ними было то же, что и с собаками: совсем расклеились. Поди разбери, кто из них иностранный агент, подлежащий аресту. Все трое были в штатском, а добиться, кто они такие, никакой возможности.

Лейтенант доложил о своем затруднении Глаусхофу:

— Вы лучше сами посмотрите, сэр. Я не пойму, кто из них тот сукин сын, который нам нужен.

— Уилт, — сказал Глаусхоф, с ненавистью глядя в противогазную морду. — Его зовут Уилт. Он иностранец. Неужели так трудно узнать?

— Для меня все англичашки на одно лицо, — заметил лейтенант и тут же получил два удара — ребром ладони по горлу и коленом в пах. Это капитан Клодиак, несмотря на противогаз, опознала своего обидчика и недруга всех женщин. Лейтенант согнулся, капитан

схватила его за руку и на глазах изумленного Глаусхофа с легкостью повергла его помощника наземь.

— Уму непостижимо! — восхитился майор. — Какая удача, что мне довелось увидеть...

— Ладно трепаться, — капитан Клодиак отряхнула руки с таким воинственным видом, как будто не прочь еще на ком-нибудь продемонстрировать свои познания в каратэ. — Этот ублюдок грубо отозвался о женщинах. А вы помянули Уилта. Ведь так?

Глаусхоф удивился. Он и не подозревал, что выражение «сукин сын» — грубость по отношению к женщинам. Об Уилте же в присутствии остальных дам он распространяться не хотел. Но поскольку ему позарез нужен был человек, который знает Уилта в лицо, Глаусхоф предложил:

— Давайте, капитан, потолкуем об этом на улице.

Капитан Клодиак насторожилась и вслед за майором вышла из вестибюля.

— Так о чем вы хотите потолковать? — спросила она.

— Да хоть об Уилте.

— Вы в своем уме? Что вы там такое говорили? Уилт — агент?

Ответ майора был краток:

— Несомненно.

— Откуда сведения? — в тон ему спросила Клодиак.

— Он провез в машине на территорию базы передатчики. С их помощью можно передать наши координаты хоть в Москву, хоть на Луну. Я не шучу, капитан. Более того. штатскому такую технику не достать, в магазине она не продается. Это оборудование казенное.

Глаусхоф с облегчением заметил, что собеседница слушает уже не так недоверчиво.

— И вот теперь, — продолжал майор, — я ищу человека, который смог бы Уилта опознать.

Они завернули за угол. Перед входом в учебный корпус № 9 ничком лежали трое. Их караулили солдаты и две одуревшие от газа собаки.

— Значит, так, ребята, сейчас капитан его опознает, — объявил Глаусхоф и носком ботинка толкнул прыщавого складского служащего. — Эй, повернись-ка.

Прыщавый попытался перевернуться на спину, но вместо этого пополз в сторону и вскарабкался на штурмана, который беспокойно задергался. Глаусхоф с отвращением взирал на эту неуклюжую возню, но вдруг его внимание привлекло более досадное зрелище: одна собака, даже не подумав задрать лапу, мочилась на его ботинок.

— Уберите от меня эту тварь! — завопил Глаусхоф.

То же самое, только менее внятно, силился выговорить штурман, которому не нравилось, что прыщавый откровенно пытается его изнасиловать.

Собаку оттащили — сладить с ней смогли только втроем, — и перед корпусом установился относительный порядок. Но капитан Клодиак снова помрачнела.

— Говорите, нужно опознать Уилта? Но его тут нет.

— Нет? Так вы считаете... — Глаусхоф подозрительно взглянул на разбитую дверь.

— Лейтенант велел взять этих, — вступил в разговор один солдат. — Больше в зале никого не было. Я проверял.

— Должны быть! — рявкнул Глаусхоф. — Где Хара?

— Внутри. Там, где вы ему...

— Без вас знаю где. Ну-ка живо позовите его сюда.

— Слушаюсь, сэр, — произнес солдат и испарился.

— Теперь вам не поздоровится, — заметила капитан Клодиак.

Глаусхоф махнул рукой:

— Пустяки. Через кордон ему не прорваться, а если его пришибет током у ограждения или задержит охрана у ворот, беда невелика.

И все-таки майор с тревогой посматривал на однообразные корпуса, разделенные дорожками для машин. Знакомые здания словно изменились. Уж не вздумалось ли им укрывать пропавшего Уилта? И вдруг майора, который вообще-то оригинальностью не отличался, поразила необычная мысль: а ведь Бэконхит ему все равно что дом родной, его оплот в чужой стране. И даже отраднй рев самолетов — память о родине, городишке Эйдерберг в Мичигане, о доме неподалеку от скотобойни, где резали свиней. В детстве их визг и рев взлетающих истребителей будили Глаусхофа по утрам; уже тогда этот шум вселял в его душу покой. Мало того, Бэконхит с его ограждениями и охраной у ворот — та же Америка, его страна, могучая и независимая; страна, которая благодаря мощным арсеналам и неизменной бдительности может не бояться никаких врагов. Вокруг базы, за проволоочной оградой, за хмурыми болотами, стоят ветхие деревушки и городишки, где ленивые торговцы не умеют как следует обслужить покупателя, а в грязных пивных непонятные люди потягивают теплое, сомнительное в санитарном отношении пиво. А здесь, на базе, — образцовый порядок, удобства, последние технические новинки. Посмотришь — и убедишься, что Соединенные Штаты Америки по-прежнему остаются Новым Светом и никому за ними не угнаться.

Глаусхоф увлекся и чуть не забыл, что происходит у него под носом. А ведь Уилт прячется в одном из этих зданий, и, пока мерзавца не найдут, жизнь на базе будет отравлена его присутствием. Майор поспешно отогнал эту кошмарную мысль, но тут его взору предстал другой кошмар. Из-за угла появился лейтенант Хара. Женоненавистник еще не оправился после урока, который дала ему капитан Клодиак: его вели под руки два охранника. В этом не было ничего удивительного, однако Глаусхофа поразила нечленораздельный лепет лейтенанта, который трудно объяснить ударом в пах.

— Это из-за ПГ, паралитического газа, сэр, — сообщил охранник. — Лейтенант, наверно, открыл в вестибюле канистру.

— Открыл канистру? В вестибюле? — взвизгнул майор. Он с ужасом представил, какие тяжелые последствия будет иметь этот идиотский поступок для его карьеры. — Но ведь там женщины!

— Так точно, — вдруг выговорил лейтенант Хара заплетающимся языком.

— Что значит «так точно»? — вскинулся майор.

— Обязательно, — произнес лейтенант неожиданно тонким голосом. — Обязательно. Обязательно. Обязательно...

— Заткните ему пасть! — заорал Глаусхоф и что есть духу помчался в соседний корпус в надежде, что еще не все потеряно. Увы, надежды его были тщетны. Трудно сказать, какая муха укусила лейтенанта. Скорее всего, он решил защититься от нового нападения капитана Клодиак и дернул кольцо газовой гранаты, не заметив, что его противогаз сполз при падении. За стеклянной дверью вестибюля майор увидел диковинную картину. Теперь Глаусхоф мог не волноваться, что миссис Оффри помешает его планам: жена начальника административного отдела картинно перевешивалась через спинку стула, волосы ниспадали до пола и, к счастью, закрывали ее лицо. В эту минуту она больше всего напоминала

крупную любострастную шотландскую овцу, которую несколько преждевременно пропустили через вязальную машину для выделки трикотажа. Не лучше выглядели и остальные. Астронавигаторша, лежа на спине, с редкостным безразличием изображала сексуальные переживания. Прочие слушатели курса по культуре и государственному строю Великобритании вполне сошли бы за массовку из фильма о конце света. Глаусхоф снова почувствовал себя неуютно, и только последние крупницы здравого смысла помогли ему взять себя в руки.

— Уберите их, — рявкнул Глаусхоф. — И позовите врачей. Тут один маньяк совсем распоясался.

— Что есть, то есть, — согласилась капитан Клодиак. — Лейтенанту придется за многое отвечать. Вряд ли генерал Оффри обрадуется, когда узнает, что его супруга приказала долго жить. Где теперь взять четвертого партнера для бриджа у командующего?

Бесстрастные рассуждения капитана взбесили Глаусхофа.

— А все вы, — с угрозой в голосе произнес он. — Вам тоже придется отвечать. Вы совершили умышленное нападение на лейтенанта Хара при исполнении служебных обязанностей и...

Капитан вспыхнула.

— Значит, у него обязанности такие — запускать руку мне в... — но вдруг она осеклась, выпучила глаза и ахнула: — Господи!

Глаусхоф, который уже приготовился снова познакомиться с приемами каратэ, посмотрел в ту же сторону.

Там, где еще недавно была стеклянная дверь учебного корпуса № 9, барахтался жалкий человечико. Он силился подняться на ноги, но не мог.

Непрерывно подавая сигналы, безбожно петляя, «эскорт» Уилта проехал уже пятнадцать миль. Указать капралу путь до Ипфорда никто не удосужился. Капрал же не очень полагался на майора и его команду, которые следовали за ним на грузовике и в случае чего, по словам Глаусхофа, должны были прийти к нему на помощь. Поэтому капрал сам о себе позаботился: прихватил тяжелый автоматический пистолет и наметил самый заковыристый маршрут до Ипфорда, чтобы сбить с толку вражеских операторов, которые захотят определить его местонахождение.

В этом капрал преуспел. За короткое время он отмахал двадцать миль, но с какими ухищрениями! В первые полчаса он едва одолел пять миль. Затем что есть духу погнал в сторону Ипфорда, минут двадцать торчал в тоннеле под автострадой — якобы менял шину. Потом неожиданно объявился на малой дороге, которая, как нельзя более кстати, шла вдоль высоковольтной линии. Еще два тоннеля, еще пятнадцать миль по извилистой дороге ниже крутого берега реки, перегороженной дамбой. Инспектор Роджер и его сотрудники в другом фургоне слали друг другу отчаянные сигналы: куда, к лешему, запропастился «эскорт?» И в довершение всех бед они, кажется, заблудились.

Майору на грузовике тоже пришлось несладко. Он никак не предполагал, что капрал станет играть в прятки по тоннелям, гнать сломя голову по петлистым дорогам, на которых с грехом пополам разминутся две повозки, да и то не без риска. Майор махнул рукой. Несется как на пожар — ну и черт с ним.

Грузовик, мчавшийся по раскисшей дороге, занесло на крутом повороте, и он чуть не угодил в глубокий кювет, залитый водой.

— Да не гони ты так, — сказал майор водителю. Если ему нужна вооруженная охрана, пусть сбавит ход. Всю жизнь мечтал сломать себе шею в канаве.

— Но мы же отстанем, — возразил водитель, который уже вошел в азарт.

— Пускай. Мы ведь знаем, что он едет в Ипфорд — если доедет, конечно. Адрес у меня есть. Так что как будет шоссе, сворачивай на него. А капрала подождем на месте.

— Есть, — неохотно ответил водитель и на следующем повороте выбрался на благоустроенное шоссе.

* * *

Сержант Ранк с радостью последовал бы его примеру, но куда там. Инспектор Роджер ликовал: проделки капрала превзошли все его ожидания.

— Хочет от нас уйти! — обрадовался Роджер, как только капрал отъехал от базы и затеял игру со смертью. — Сразу видно — наркотики везет.

— Или тренируется для ралли в Монте-Карло, — добавил Ранк.

Роджер даже не улыбнулся.

— Ерунда. Значит, проходимец приезжает в Бэконхит, а через полтора часа вылетает оттуда как ошпаренный и мчится со скоростью восемьдесят миль в час, и все кругами, кругами. Да на такой дороге и днем не всякий рискнет разогнаться больше сорока миль в час. Что же, спрашивается, за ценность у него в машине? Чем он так дорожит?

— Только не своей жизнью, это точно, — заметил Ранк, изо всех сил стараясь не слететь с сиденья. — А давайте вызовем дорожную полицию. Пусть его задержат за превышение скорости и посмотрят, что за сокровище он везет.

— Дело говорите, — кивнул Роджер и хотел было отдать распоряжение, но тут передатчики умолкли: «эскорт» на двадцать минут затаился в тоннеле под автострадой. Роджер отчихвостил сержанта за то, что он не засек последние координаты, и обратился за помощью к экипажу второго фургона. А когда капрал погнал машину вдоль высоковольтной линии и потом вдоль прибрежных круч, Роджер не знал, что и думать. Инспектор не сомневался: они имеют дело с матерым преступником.

— Наверняка спихнул зелье кому-то еще, — бормотал Роджер. — Сунемся с обыском, а с него и взятки гладки.

Теперь Ранк спорить не стал, уж больно это похоже на правду.

— Надо же, и про передатчики пронюхал, — удивлялся сержант. — Недаром выбрал такой маршрут. Куда теперь поедем?

Роджер задумался. Можно выхлопотать разрешение на обыск и перетряхнуть дом Уилта. Достаточно будет обнаружить хоть каплю героина или «формалина» — и дело в шляпе. А если не найдут?

— У нас еще остался магнитофон. — вспомнил Роджер. — Дай Бог, до него Уилт не добрался. Вот и послушаем, о чем он говорил с тем типом, которому передал наркотики.

Сержант был другого мнения:

— А по-моему, единственный способ раздобыть железные улики — насрать на прощельгу криминалистов с пылесосами помощнее, чтобы слона могли вытянуть из канализации. Будь Уилт хоть семи пядей во лбу, ребята из лаборатории свое дело знают. Больше нам его никак не прищучить.

Но Роджер заупрямился. Еще чего! Только-только убедился, что следствие идет как надо, — и вдруг передать дело другим?

— Сначала послушаем пленку, — решил Роджер и велел водителю возвращаться в Ипфорд. — Через час, когда Уилт уснет, залезете к нему в машину и достанете запись.

— А потом до вечера буду отдыхать, — обрадовался Ранк. — У вас, похоже, бессонница, а я если не посплю восемь часов, не могу даже...

— Нет у меня бессонницы, — огрызнулся инспектор.

Полицейские замолчали. Тишину нарушали только сигналы передатчиков из машины Уилта. Они звучали все громче. Через десять минут фургон остановился в начале Перрироуд. Судя по сигналам, «эскорт» уже обретался на Оукхерст-авеню.

— Во дает! — изумлялся Роджер. — С виду такой губошлеп, а ездит как заправский гонщик. Что значит внешность обманчива.

Через час сержант Ранк выбрался из фургона и отправился на разведку.

— «Эскорта» нет, — сообщил он инспектору.

— Нет? Не может быть! Сигналы очень отчетливые.

— Ну уж это я не знаю. Может, он, падла, утащил передатчики к себе в постель. Только у дома «эскорта» нет. Это точно.

— А в гараже? — нахмурился Роджер.

— В гараже? Вы бы видели, что у них в гараже. Мебельный склад, ей-богу. Битком набит всякой рухлядью. Или, по-вашему, они перетащили все барахло в дом? Да на это уйдет дня два, не меньше.

— Разберемся, — пообещал Роджер.

Фургон медленно двинулся по Оукхерст-авеню мимо дома № 45. Сержант не ошибся: «эскорта» не было.

— Вот видите. Я же говорил, что его нет.

— А почему вы не сказали, что он оставил машину вон там? — И Роджер указал вперед. Сквозь ветровое стекло сержант увидел заляпанный грязью «эскорт». Капрал, которому было недосуг среди ночи отыскивать нужный дом, бросил машину возле дома № 65.

— Ни черта себе! — ахнул сержант. — Что это ему вздумалось?

— А вот послушаем запись и узнаем. Вылезайте тут, а мы подождем за углом.

Сержант уперся:

— Нет уж, сами и идите за этой долбанной пленкой, если она вам так нужна. Раз этакий прохвост бросил тачку не поймешь где. жди подвоха. Очень мне надо нарываться на неприятности.

В конце концов за пленкой действительно пошел Роджер. Но едва он подкрался к «эскорту» и запустил руку под переднее сиденье, как за дверью дома № 65 забрежал датский дог миссис Уиллоуби.

— Ну что? — осведомился Ранк, когда инспектор, неистово сопя, забрался в фургон. — Говорил я вам, что там ловушка. А вы не верили.

Инспектор его не слышал. В ушах его все еще стоял лай чудовищного пса и грохот лап по входной двери.

До самого участка инспектор не мог прийти в себя.

— Доберусь я до него. Доберусь, — бормотал он, нетвердыми шагами поднимаясь по лестнице. Но от его угроз никому не было ни холодно ни жарко. Уилт снова провел его за нос.

Только сейчас Роджер почувствовал, что сержант Ранк прав: без сна действительно никак нельзя. Надо бы соснуть пару часов, а там на свежую голову можно придумать новый план.

* * *

Да и Уилту пара часов сна пошла бы на пользу. Его организм, уже ослабленный сексуальным эликсиром доктора Корее, после действия паралитического газа совсем расклеился. Уилт ничего не соображал и не мог отвечать на вопросы. Помнил только, что вырвался из какой-то кабинки — вернее, что был заперт в какой-то кабинке. Дальнейшие события перепутались, и разобраться в этом сумбуре нет никакой возможности. Вооруженные люди в масках куда-то его тащат, заталкивают в джип, опять тащат, он оказывается в ярко освещенной комнате без мебели, кто-то дико на него орет. Воспоминания сменяются, как узоры в калейдоскопе, что к чему — не понять. Когда это было? Давно? Недавно? А может, происходит сию секунду? Дико орущий человек — как будто и вовсе воспоминание о прошлой жизни, которую Уилту не хотелось бы прожить заново. Уилт силится объяснить, что все это лишь наваждение, но орущий человек даже не хочет его выслушать.

Ничего удивительного. В той невнятице, которую лепетал Уилт, трудно было признать не то что объяснения, а вообще человеческую речь.

— Крыша поехала, — констатировал врач, которого вызвал Глаусхоф, чтобы уколом вернуть Уилту дар речи. — Вот к чему приводит ПГ-2. Хорошо, если он хоть когда-нибудь заговорит.

— ПГ-2? Но мы применили самый обычный паралитический газ, — возразил Глаусхоф. — Стал бы я напрасно тратить ПГ-2. Он предназначен для советских диверсантов-смертников.

— Так-то оно так. Но я сужу по симптомам. Разберитесь-ка там со своими канистрами.

— А заодно с недоноском Харой, — добавил Глаусхоф и пулей вылетел из комнаты.

Когда он вернулся, Уилт принял позу эмбриона и спал без задних ног.

— Действительно ПГ-2, — удрученно признался Глаусхоф. — Что нам теперь делать?

— Я свое дело сделал. — сказал врач. Он решил ограничиться только одним уколом. — Вкатил ему дозу антидота, чтобы не наступила смерть мозга.

— Смерть мозга? Но я его еще не допросил. Что же мне — оставаться при пиковом интересе? Этот паршивец, мать его так, вражеский агент. Я обязан выяснить, кто его подослал.

— Мистер Глаусхоф, — устало сказал врач, — сейчас три часа ночи. У меня на руках восемь женщин, трое мужчин, один лейтенант и еще этот, — врач указал на Уилта. — Всем грозит психическое расстройство, вызванное нервно-паралитическим газом. Спасти-то я их спасу, но почему я должен бросить всех и возиться с этим, как вы говорите, террористом с защитной повязкой на мошонке? Хотите его допросить — ждите. И молитесь за него. Ах, да: если он через восемь часов не выйдет из комы, дайте мне знать. Возьмем у него кое-какие органы для трансплантаций.

— Погодите, — остановил его Глаусхоф. — Если кто-нибудь из них хотя бы заикнется...

— Что их отравили газом? — с сомнением спросил врач. — Вы, майор, кажется сами не понимаете, что натворили. У них память отшибло начисто.

— ...Что сюда проник шпион! — рявкнул Глаусхоф. — Насчет газа все ясно. Это лейтенант Хара постарался.

— Ну уж это вам виднее. Мое дело — здоровье военнослужащих, а не безопасность базы. Надеюсь, вы сумеете объяснить генералу Оффри, что стряслось с его женой. Только чур не просить, чтобы я подтвердил, будто кое-кто из дамочек, в том числе миссис Оффри, повредились в уме без всякой причины.

Майор взвесил все за и против и решил, что обращаться к врачу с такой просьбой действительно не стоит. Ну ладно: за все ответит лейтенант Хара.

— Скажите, а как себя чувствует Хара?

— Как может чувствовать себя человек, получив удар в пах и надышавшись ПГ-2? Я уж молчу о том, что у него всегда мозги были не в порядке. А сегодня ему пришлась бы очень кстати вот такая штука, — врач взял в руки коробочку от крикетных шаров.

Глаусхоф задумчиво осмотрел ее, перевел взгляд на Уилта и спросил:

— Для чего террористу эта хреновина?

— Наверно, боялся того же, что схлопотал лейтенант Хара. — предположил врач и направился к двери. Глаусхоф прошел вслед за ним в соседний кабинет и вызвал капитана Клодиак.

— Присаживайтесь, капитан, — предложил он. — Расскажите-ка по порядку, что же сегодня произошло.

— Что произошло? Думаете, я знаю? Этот маньяк — Хара...

Глаусхоф жестом остановил ее:

— Должен вам заметить, что в настоящее время лейтенант Хара очень плох.

— Скажете тоже — «в настоящее время». Он всегда был плох. У него шариков в голове не хватает.

— Ну, сегодня, положим, ему зашибли не голову.

Капитан Клодиак жевала резинку.

— Значит, те шарики, что у нормальных мужчин между ног, у него в голове. Но меня это не касается.

— Напрасно вы так думаете. Избить младшего по званию, это, знаете ли, чревато.

— Так же, как и развратные действия в отношении старшего по званию.

— Вполне вероятно. Только вы сперва докажите.

— По-вашему, я вру? — возмутилась капитан Клодиак.

— Нет, что вы. Я-то вам верю. А вот поверят ли остальные, сомневаюсь.

— У меня есть свидетели.

— Были. Судя по словам врачей, на них уже нельзя рассчитывать. В свидетели они, можно сказать, не годятся. Паралитический газ плохо действует на память. Вы разве не знаете? А по поводу избиения лейтенанта Хары составлен протокол, и вам едва ли удастся его оспорить. Возможно, вам и не придется его оспаривать, и все же я бы советовал оказать кой-какое содействие нашему отделу.

Капитан Клодиак пристально посмотрела майору в лицо. Физиономия не из приятных. Но в положении капитана другого выхода нет.

— Что вам от меня надо?

— Я хочу знать, о чем говорил Уилт. Что он там болтал на своих лекциях. Можно было понять из его слов, что он коммунист?

— Я ничего такого не замечала. Иначе доложила бы.

— О чем же он рассказывал?

— Ну, о парламенте, о том, кто за кого голосует на выборах. Что англичане думают о том о сем.

— О том о сем? — переспросил Глаусхоф, недоумевая. что такая аппетитная бабеночка находит в лекциях. на которые он, Глаусхоф, не пошел бы и за большие деньги. — О чем же именно?

— О религии, о браке, о... Мало ли о чем.

Битый час майор расспрашивал капитана Клодиак, но так ничего толком и не узнал.

Сидя на кухне, Ева поглядывала на часы. Пять часов утра. Ева уже в два была на ногах и предавалась самым разнообразным чувствам. Вчера, ложась в постель, она осерчала на мужа: «Ну вот, опять зашел в пивную и надрался. Теперь пусть только пожалуется на похмелье». Она все заводилась и заводилась, но в час ночи злость сменилась тревогой. Генри никогда еще не задерживался так долго. Не случилось ли чего? Что только ни приходило ей на ум: попал в аварию, арестован за нарушение порядка в нетрезвом виде. В конце концов ей стало казаться, что в тюрьме с Генри произошло самое ужасное. Он же занимается с извергом, с убийцей Маккалемом. То-то в понедельник после урока он был сам не свой. Правда, он порядком выпил, но Еве почему-то запомнились его слова про... Нет, не в понедельник. В понедельник он вернулся, когда Ева уже спала. Значит, во вторник утром. Ну да. Он прямо места себе не находил. Батюшки, как она сразу не догадалась: Генри был напуган! Он сказал, что оставил машину на стоянке, а вечером то и дело опасно поглядывал в окно. Машину разбил. Тогда Ева думала, что виновата его обычная расхлябанность, но теперь-то она понимает... Ева зажгла свет и встала с постели. Что же это: под самым ее носом разыгрывается какая-то кошмарная история, а она и знать ничего не знает.

Ева опять обозлилась. Генри в своем репертуаре: как что-нибудь важное, так он скрытничает. Думает, она и совсем дура. Конечно, рассуждать о книгах и вести умные разговоры с гостями она не умеет, зато знает толк в житейских делах. Вон хоть близняшки: кто скажет, что Ева пристроила их в плохую школу?

Так прошла ночь. Ева сидела на кухне, беспрестанно пила чай, нервничала, злилась, ломала голову, кому звонить, а потом решила не звонить никуда. Ни к чему раздражать людей звонками среди ночи. Может, дело выеденного яйца не стоит: машина сломалась или заехал к Брейнтри, выпил и побоялся, что полиция задержит, а он за рулем пьяный. Тогда правильно сделал, что остался. В таком случае она может спокойно ложиться спать...

Но, несмотря на этот сумбур мыслей и чувств, на душе у Евы все время кошки скребли. Какая же она была дура, что послушала Мэвис и связалась с доктором Корее. Что Мэвис вообще понимает в сексе? Она же не говорит, как они там с Патриком в постели. Еве, правда, и в голову не приходило спросить, да Мэвис и не расскажет. Она только жалуется, что у Патрика вечно амурсы на стороне. А может, Мэвис сама виновата. Может, она фригидна, или не слишком чистоплотна, или все время норовит подчинить Патрика своей воле, или ей не хватает женственности. Да мало ли что. Это же еще не повод, чтобы пичкать мужа — как их? — стероидами или гормонами и превращать его в сонного толстунчика — такого и мужчиной не назовешь, — который все вечера напролет пялится в телевизор и не справляется на работе. А Генри, в общем-то, не такой уж плохой муж. Рассеянный только: делает что-нибудь, а мысли витают бог знает где. Вон в воскресенье чистит картошку к обеду и вдруг заявляет: «По сравнению с нашим викарием, Полоний был просто великий мыслитель». С чего это он брякнул? Ведь два воскресенья подряд не был в церкви. Ева спросила, кто такой Полоний; оказывается, просто-напросто герой какой-то пьесы.

Да, Генри действительно не от мира сего. Но Ева и не требует от него житейской сметки. И все-таки у них случаются нелады, особенно из-за близняшек. Почему Генри никак не хочет признать, что у девочек необычные способности? Нет, насчет необычных

способностей он согласен, но имеет в виду не те способности. И к чему он обозвал их «птицами одного помета»? А то и похлеще прозвища выдумает. Или эта гадкая история с кулинарным шприцем. Неизвестно, как после нее девочки станут относиться к мужчинам. В том-то и беда, что Генри какой-то бесчувственный.

Ева встала из-за стола и, чтобы развеяться, принялась наводить порядок в кладовке. В половине седьмого в кухню спустилась Эммелина в пижаме и помешала ее занятию.

— Что это ты делаешь? — спросила она, как будто сама не видит.

Ева, не чуя подвоха, отрезала:

— По-моему, и так понятно. Чего ты пристаешь с глупыми вопросами?

— А вот Эйнштейн сомневался в самом очевидном, — по своему обыкновению, Эммелина завела разговор о том, в чем Ева не разбиралась и потому не могла возражать.

— В чем сомневался?

— Что кратчайший путь между двумя точками — прямая.

— Разве не так? — Ева сняла банку мармелада с полки, где стояли банки с сардинами и тунцом, и поставила в отделение для варенья.

— Конечно, не так. Это же всем известно. Кратчайший путь — кривая. А где папа?

— Я не понимаю, как это... Что значит «где папа»? — неожиданный скачок с заоблачных высот к повседневности озадачил Еву.

— Я просто спросила, где он. Его нет?

— Нет, — Ева разрывалась между желанием задать дочери взбучку и необходимостью хранить невозмутимый вид.

— А куда он ушел?

— Никуда, — Ева поставила мармелад обратно на полку с сардинами, а то жестяная банка плохо смотрится вместе со стеклянными. — Папа заночевал у Брейнтри.

— Наверно, опять напился. Он алкоголик, да?

Ева так сжала банку кофе, что та чуть не треснула.

— Не смей так говорить об отце! Ну, выпьет стаканчик после работы, чего тут особенного? У многих такая привычка. А обзывать отца я тебе запрещаю.

— Ты и сама его обзываешь. Ты сказала, что он...

— Неважно, что я сказала. Тогда было другое дело.

— Нет, не другое. Ты тогда сказала, что он алкоголик. Что, мне спросить нельзя? Ты сама нам велишь...

— Сейчас же убирайся в свою комнату. И чтобы я больше от тебя таких разговоров не слышала.

Спровадив Эммелину, Ева без сил опустилась за стол. Ох уж этот Генри, не может внушить девочкам, что отца надо уважать. Еве приходится самой заниматься их воспитанием, а у Генри никакого авторитета. Ева вернулась в кладовку и снова принялась указывать банкам и коробкам свои места. Это занятие ее немного успокоило. Закончив, она разбудила девочек и велела побыстрее одеваться.

— Сегодня едем на автобусе, — объявила она за завтраком. — Машину взял папа, и...

— Не папа, а миссис Уиллоуби. — поправила Пенелопа.

— Что? — Ева пролила чай на стол.

— Машину взяла миссис Уиллоуби, — с довольным видом повторила Пенелопа.

— Миссис Уиллоуби? Вижу, вижу, Саманта, я тут разлила немного. Что ты выдумываешь. Пенни? Не могла она взять нашу машину.

— А вот и взяла, — Пенелопа так и сияла. — Мне молочник рассказывал.

— Молочник? Он что-то перепутал.

— Нет, не перепутал. Он до смерти боится Собаку Баскервилей с Оукхерст-авеню и когда привозит молоко для Уиллоуби, оставляет у ворот. Он сказал, что наша машина там. Я проверила — точно.

— А отец в машине?

— Не-а, в ней никого нет.

Дрожащими руками Ева поставила чайник на стол и задумалась. Если Генри нет в машине...

— Папочку, наверно, съела собака, — предположила Джозефина.

— Она людей не ест, — возразила Эммелина. — Она просто вгрызается им в глотку, а трупы оставляет на пустыре в конце сада.

— Ничего подобного. Она только лает. А если ей дать телячью котлетку, становится добрая-предобрая, — сказала Саманта.

Ева насторожилась. Сперва она тоже боялась, что Генри спьяну перепутал дом и пал жертвой датского дога, но замечание Саманты пробудило новые подозрения. Ведь действие любовного пошла доктора Корее еще не кончилось...

Пенелопа словно угадала ее мысли:

— Уж если кто его и съел, то не собака, а миссис Уиллоуби. Мистер Геймер говорит, она сдвинулась на сексе. Это он миссис Геймер сказал, когда она к нему пристала: хочу да хочу. Я сама слышала.

— Чего она хотела? — Еву так поразили эти откровения, что она совсем забыла спросить девочек, куда девались котлеты из морозильника. Сейчас не до котлет.

— Чего и всегда, — поморщилась Пенелопа. — Она только про одно и думает. А мистер Геймер сказал, что она прямо как миссис Уиллоуби после смерти мужа. Что мистер Уиллоуби затрахался до смерти и мистер Геймер не желает, чтобы и с ним так случилось.

— Это неправда, — вырвалось у Евы.

— Правда, правда. Сэмми тоже слышала. Да, Сэмми?

Саманта кивнула.

— Мистер Геймер в гараже баловался онанизмом, как Пол из третьего «Б», — продолжала Пенелопа. — Знаешь, как хорошо слышно, что там делается. Ну вот. Он притащил туда кучу «плейбоев», книжки всякие, а она приходит и говорит...

— Замолчи немедленно, — Ева нашла в себе силы прервать захватывающее повествование. — Живо собирайтесь. Я схожу за машиной.

Тут она запнулась. Действительно, казалось бы, чего проще — пойти к соседнему дому и забрать свою собственную машину. Но если Генри и впрямь сидит у миссис Уиллоуби, на Еву все станут показывать пальцем. Ну ладно, пересудов и так не избежать, соседи наверняка видели «эскорт» у дома Уиллоуби.

Всякий раз, попав в щекотливое положение, Ева действовала решительно. Вот и сейчас она миглом надела пальто и выскочила из дома. Скоро она уже сидела за рулем и пыталась завести машину. Как и всегда, когда она спешила, стартер работал, но все впустую. Впрочем, не совсем впустую: на шум из дома вприпрыжку выбежал дог, а за ним вышла миссис Уиллоуби в пеньюаре. По мнению Евы, достаточно было взглянуть на этот пеньюар, чтобы безошибочно угадать в миссис Уиллоуби сексуально ненасытную вдовицу. Ева хотела объяснить, что просто забирает машину, и уже опустила стекло, но тут же подняла. Как бы

там Саманта ни умилялась собакой, Ева посматривала на нее с опаской.

— Я везу девочек в школу, — объяснила она невпопад.

Дог залаял, миссис Уиллоуби что-то сказала, но Ева не расслышала. Тогда она чуть-чуть приоткрыла окно и повторила:

— Я говорю, что везу...

Минут десять дамы яростно препирались. Миссис Уиллоуби возмущалась, по какому праву Уилты ставят свою машину на подъезде к чужому дому. Ева же чуть не потребовала, чтобы миссис Уиллоуби пустила ее посмотреть, не у нее ли прячется Генри; ее остановило лишь присутствие дога. Поэтому она ограничилась тем, что осудила пеньюар миссис Уиллоуби за безнравственность, и, кипя гневом, отвезла близняшек в школу.

Ева снова осталась один на один со своей тревогой. Неужели Генри поставил машину у дома этой жуткой бабы? А если не он, то кто же? Ева съездила к Брейнтри и вернулась в совершеннейшей панике. Бетти уверяла, что, по словам Питера, он не видел Генри уже целую неделю. В Гуманитехе Еву тоже ждала неудача: кабинет Генри пустовал, а миссис Бристол клялась и божилась, что Генри с самой среды не появлялся. Оставалось навести справки в тюрьме, больше ему деваться некуда.

Предчувствуя недоброе, Ева позвонила в тюрьму из кабинета Уилта. Этот разговор ее просто добил. Как? Генри последний раз наведывался в тюрьму в понедельник? Но ведь у него и по пятницам уроки с этим душегубом... Нет, по пятницам уроков нет. А теперь и по понедельникам не будет, потому что Мак, если можно так выразиться, больше не сидит на шее у государства... Но Ева-то знает, что Генри занимался с Маккалемом в пятницу... Нет. С какой стати такому опасному преступнику позволят каждый вечер вести душевные беседы с посетителем? Никаких сомнений: по пятницам мистер Уилт в тюрьму не приходил.

Ева сидела одна в пустом кабинете. На нее накатывала то ярость, то страх. Значит, Генри ее обманывал. Безбожно врал. Мэвис права, он в самом деле завел любовницу. Ну нет, не может быть. Ева бы догадалась. Все уловки Генри шиты белыми нитками, для этого он недостаточно хитер и предусмотрителен. Ева наверняка нашла бы на пальто женский волос, следы помады, пудры. Так в чем же дело? Пока она билась над этим вопросом, миссис Бристол заглянула в дверь и предложила выпить кофе. Ева внутренне собралась. Чтобы кто-то видел, как она убивается? Да не дождутся они.

— Благодарю вас, вы очень любезны, но мне пора, — сказала она и, не дав миссис Бристол продолжить расспросы, вышла из кабинета и с подчеркнuto уверенным видом спустилась по лестнице. Правда, разыгрывать уверенность в машине у Евы уже не было сил, и все-таки она держалась молодцом до самого дома. Но и дома, где даже вещи — плащ Генри, ботинки, которые он собирался почистить, но не почистил, его «дипломат» в прихожей — напоминали об измене мужа, Ева не раскисла от жалости к себе. Что-то подсказывало ей, что не все так просто, что Генри не бросил ее. Почему она в этом убеждена? Надо собраться с мыслями.

Должно быть, дело в машине. Генри ни за что не оставил бы «эскорт» у ворот миссис Уиллоуби. Нет, не то... Ева бросила на стол ключи от машины, и тут ее осенило: ну конечно же, она догадалась по ключам! Ева взяла их в машине, на одном кольце с ними болтался ключ от дома. Трудно себе представить, чтобы Генри, уходя без единого слова, без записки на прощание, оставил ей ключ от дома. Уж этому Ева ни за что не поверит. А раз так, раз чутье не обманывает ее, значит, Генри попал в беду. Ева поставила на плиту чайник и стала думать, что ей теперь предпринять.

— Слушай, Тед, — сказал Флинт, — ты, конечно, поступай как знаешь, но я предлагаю сделку. Услуга за услугу. По рукам? Мне только надо...

— Спешу и падаю, — буркнул Лингдон. — Сегодня «по рукам», а завтра мне за это все ноги переломают. На хрена мне будут ваши услуги, когда мой труп отыщется у какого-нибудь шоссе. Идите-ка вы себе с богом.

Инспектор Флинт поудобнее устроился в кресле и оглядел крошечный кабинет, который находился в углу замусоренного гаража. Кабинет ничего особенного из себя не представлял: картотека, стол, телефон, неизменный календарь с голыми девочками. Зато хозяин кабинета, неряшливый крепыш, по мнению Флинта, представлял собой нечто особенное: свет не видывал более гнусного и растленного типа.

— Дела идут? — спросил Флинт с деланным безразличием. За стеклянной перегородкой механик обдавал из шланга жилой автоприцеп — как уверял владелец гаража, «класс люкс».

— До вашего появления шли неплохо, — проворчал мистер Лингдон и прикурил новую сигарету от только что докуренной. — Сделайте одолжение, оставьте меня в покое. Я даже не пойму, чего вам надо.

— Героин.

— Героин? Что за дела?

Флинт будто и не расслышал вопроса.

— Сколько тебе дали в последний раз? — поинтересовался он.

— Тьфу ты! Ну сидел я, сидел. Давно уже. Да разве вы, ироды, отвяжетесь? Как только кого-нибудь слегка грабанут или отмутузят, так сразу начинается. На кого бочку катить? Кто у нас срок мотал? Тед Лингдон. А ну-ка его к ногтю. По-другому вы, гады, и не умеете. Никакого воображения.

Флинт перевел взгляд с механика на мистера Лингдона.

— Зачем мне воображение? У меня есть кое-что получше. Показания одного человечка. Давал в присутствии свидетелей, ничего не утаил. Документ по всей форме, комар носа не подточит. Суд поверит всенепременно.

— Показания? Какие такие показания? — мистер Лингдон заметно смутился.

— Сперва спроси чьи.

— Ну, чьи?

— Клайва Суоннела.

— Старый пидор? Да ладно вам. Он бы ни за что... — Лингдон прикусил язык. — На понт берете?

Флинт понимающе улыбнулся.

— А что скажешь насчет Рокера?

Лингдон молча загасил сигарету.

— Его показания тоже имеются. Все чин чинком. Вон куда дело-то пошло... Ну как, продолжать?

— Я даже не пойму, о чем вы. Вам бы лучше...

— Следующая по списку, — объявил Флинт, упиваясь тем, что противник у него в руках, — цыпочка из Чингфорда по имени Энни Мосгрейв. Обожает пакистанцев. А

китайцев принимает по трое в один присест. Никаких тебе расовых предрассудков. Почерк у нее аккуратный. Не захотела, вишь ты, чтобы как-нибудь ночью к ней вломился бедокур с мясницким ножом.

Лингдон ерзал в кресле и вертел в руках пачку сигарет.

— Брежете вы все, — сказал он.

— Конечно, брешу, — пожал плечами Флинт. — Иначе и быть не может. Чтобы безмозглый старый легаш — и не брехал? Особенно когда у него в участке за семью замками такие показания с собственноручными подписями. А вот тебя, Тедди, я за семью замками держать не стану, и не надейся. Я ублюдков, которые торгуют «дурью», терпеть не могу, — Флинт подался вперед и улыбнулся. — Зато присутствовать при осмотре трупа не откажусь. Твоего трупа, голубчик. Даже попытаюсь тебя опознать. Хотя это будет затруднительно. Ну что тут, скажи на милость, опознавать? Ни рук, ни ног, зубы повыдерганы — если, конечно, убийцы оставят голову, а не сожгут, когда раскурочат все остальное. А уж они покуражатся в свое удовольствие. Такие безобразники. Помнишь Крису из Террока? Не приведи господи умереть такой смертью. Как он кровью-то истекал! Оторвали ему...

— Заткнитесь, — взорвался бледный, трясущийся Лингдон.

Флинт встал.

— Времени у тебя не остается. Не хочешь браться за ум — уговаривать не стану. Я ухожу, и больше ты меня не увидишь. Но скоро к тебе заглянет другой человек, незнакомый. Попросит напрокат автоприцеп, чтобы свозить развеселую компанию в Бакстон. Выложит деньги, слова грубого не скажет, а потом пойдет потеха и ты сильно пожалеешь, что имеешь дело не со мной, а с дружками Мака и их садовыми ножницами.

— Мак умер, — почти прошептал Лингдон.

— Мне говорили. А Родди Итон жив и здоров, проворачивает дела как ни в чем не бывало. Чудной парень этот Родди. Я слышал, он страх как любит калечить людей. Особенно тех, кто много знает и может ненароком ляпнуть такое, что Родди загремит в тюрьму до конца своих дней.

— Мне бояться нечего. Буду молчать как рыба.

— Когда они придут эту рыбку потрошить, подашь голос за милую душу. Спорим? — предложил Флинт и открыл дверь.

Лингдон остановил его:

— Мне нужны гарантии. Без них не согласен.

Флинт покачал головой.

— Сколько тебе повторять: я безмозглый старый легаш. Королевским помилованием не торгую. Надо будет покаяться — сам ко мне придешь. До часа я в участке, — инспектор взглянул на часы. — В твоём распоряжении один час двадцать минут. Если за это время не надумаешь, закрывай лавочку и раздобудь ружье. Да не хватайся за телефон — узнаю. Даже если будешь звонить из автомата. А в начале второго и Родди кое-что узнает.

Флинт прошествовал мимо автоприцепа. Он не сомневался: паршивый ублюдок прибежит к нему, поджав хвост. Для Флинта это чистая победа, хоть он и добился ее грязными уловками. Вот Роджеру-то вилка в бок! Зря, что ли, Флинт все время повторяет, что многолетний опыт — штука незаменимая. А уж если родной сын сидит за наркотики, этим и вовсе грех не воспользоваться. Но сообщать о своих источниках информации старшему офицеру инспектор Флинт не обязан.

— Вражеский агент? — гремел генерал ВВС, начальник базы Бэконсхит. — Почему мне сразу не сообщили?

— Да, сэр, хороший вопрос, — поддакнул Глаусхоф.

— Нет, майор, это скверный вопрос. Я бы вообще не должен был его задавать. Я не обязан задавать вопросы. Не для того я сюда поставлен. Я призван поддерживать на базе железный порядок. Военнослужащие тут должны сами находить ответы на все вопросы.

— Я имел это в виду, сэр.

— Что имели в виду?

— Имел в виду эту задачу, когда узнал, что на территорию проник агент. Я сказал себе...

— Меня, майор, не интересует, что вы себе сказали. Меня интересует, чего вы добились, — повысил голос генерал. — Доложите о результатах. Насколько мне известно, вы преуспели только в одном: отравили газом десятерых военнослужащих и членов их семей.

— Одиннадцать, сэр.

— Одиннадцать? Тем хуже.

— А вместе с Уилтом, вражеским агентом, двенадцать.

— Так что же вы говорите «одиннадцать»? — возмутился генерал, поигрывая моделью бомбардировщика Б-52.

— Лейтенант Хара, сэр, пострадал в ходе операции. С гордостью должен отметить, сэр, что, если бы не отвага, которую он проявил, подавляя ожесточенное сопротивление врага, мы понесли бы тяжелые потери, а возможно, кое-кто был бы взят заложником.

Генерал Бельмонт поставил модель Б-52 и потянулся за бутылкой виски, но вовремя вспомнил, что обязан оставаться на высоте положения.

— Про сопротивление мне не докладывали, — произнес он более благожелательным тоном.

— Так точно, сэр. Учитывая настроения общества, мы не посчитали нужным предоставлять информацию прессе, сэр, — сообщил Глаусхоф. Он обрадовался, что удалось отвертеться от расспросов генерала, и решил воздействовать на него энергичнее. Поскольку начальника базы даже упоминание об огласке выводило из себя, Глаусхоф о ней и упомянул:

— Мне представляется, сэр, что всякая огласка...

— Боже ты мой, Глаусхоф! — взвился генерал. — Сколько раз повторять: никакой огласки. Это распоряжение высшего командования, директива номер один. Никакой огласки, черт бы ее драл! Как бы мы смогли защитить Свободный мир, если бы каждый факт становился достоянием прессы? Зарубите себе на носу: никакой огласки!

— Я так и подумал, генерал. И поэтому в целях безопасности отдал приказ приостановить работу информационной службы и ввести особый режим секретности. Ведь если станет известно о проникновении вражеского агента...

Глаусхоф сделал паузу и дал генералу возможность собраться с силами для новой вспышки гнева. Генерал действительно не замедлил предпринять эшелонированную атаку на гласность. Когда взрывы негодования отгремели, Глаусхоф исподволь указал генералу нужную цель:

— Позвольте обратить ваше внимание, сэр, что деятельность разведки не позволяет

надеяться на полное сохранение секретности.

— Ах, вот как? Ну так имейте в виду, майор: я отдаю приказ исключительной важности, обязательный для исполнения всеми службами базы. Я приказываю приостановить работу информационной службы и ввести особый режим секретности. При-ка-зы-ва-ю, слышите?

— Так точно, сэр. Я немедленно передам его разведслужбе. Потому что, если пресса пронюхает...

— Майор Глаусхоф, вы слышали мой приказ. Незамедлительно доведите его до сведения всех служб.

— В том числе и разведки, сэр?

— Ну конечно, — прорычал генерал. — Наша разведка лучшая в мире, и я не желаю, чтобы настырность прессы мешала ей выполнять свои обязанности на прежнем высоком уровне. Вам ясно?

— Так точно, сэр, — и Глаусхоф помчался отдавать распоряжения. Скоро к штабу разведки была приставлена вооруженная охрана, а на базе объявлен особый режим секретности. Поскольку никто не мог точно сказать, что это за режим, приказ вызвал самые разные толки. Кто-то понял его в том смысле, что въезд и выезд с территории для гражданских лиц будет запрещен; по мнению других, это означало, что весь летный состав должен быть поднят по тревоге. Собственно, этой ночью летный состав поднимался по тревоге не один раз, так как из-за ПГ-2 то и дело срабатывала сигнализация, сообщающая о действии химического оружия. К утру по базе распространились столь противоречивые слухи, что Глаусхоф успокоился, вернулся к себе, устроил жене выволочку за то, что подбивает лейтенанта Хару нарушить субординацию в постели начальника, и наконец завалился спать. Ему следовало хорошо выспаться: впереди допрос Уилта, надо быть в форме.

* * *

Через два часа он вошел в надежно охраняемую больничную палату. Но Уилт, как видно, не склонен был отвечать на вопросы.

— Да уходите же, дайте поспать, — прокурлыкал он и перевернулся на другой бок.

Пылая гневом, Глаусхоф смотрел ему в спину.

— Вкатите-ка ему еще, — велел он врачу.

— Чего вкатить?

— Того, что кололи вчера.

— Вчера дежурил не я, — сказал врач. — А что это вы командуете, чем лечить? Вы кто такой?

Глаусхоф все с той же ненавистью уставился на врача.

— Я Глаусхоф. Майор Глаусхоф, чтоб вы знали. И я приказываю дать этому коммуняке какое-нибудь лекарство, чтобы он сию же секунду встряхнулся и я мог его допросить.

— Как скажете, майор, — врач пожал плечами и взглянул на табличку с указанием болезни на кровати Уилта. — Что бы вы посоветовали?

— Я? Какого черта? Что я вам — врач?

— Нет, врач я. И я считаю, что больному в настоящее время никакие лекарства не нужны. Он был отравлен химическим веществом...

Глаусхоф не дал ему договорить. Он злобно зарычал и вытолкнул врача в коридор.

— Слушай меня внимательно? — гаркнул майор. — В гробу я видал вашу медицинскую этику. Тут в палате лежит опасный вражеский агент. Слово «больной» к нему неприменимо. Понял?

— Еще бы не понять, — нервно сказал врач. — Конечно, понял. Только руки уберите.

Глаусхоф отцепился от его халата.

— Тогда быстренько делай так, чтобы этот паршивец заговорил. Пошевеливайся. Дело серьезное: может пострадать безопасность базы.

— Да, с безопасностью у нас плохо, — согласился врач и поспешил сбить опасного больного с рук. Минут через двадцать вконец озадаченного Уилта с головой укрыли одеялом и вывезли из госпиталя. Не успел он и глазом моргнуть, как уже сидел на стуле в кабинете Глаусхофа.

Глаусхоф включил магнитофон.

— Ну что ж, рассказывай, — велел он.

— Что рассказывать?

— Кто тебя послал?

Уилт задумался. Вопрос никак не был связан с его нынешними зоклочениями, но, как и они, наводил на мысль о каком-то кошмарном сне.

— Кто меня послал? Я вас правильно понял?

— Правильно, правильно.

— Значит, я не ошибся, — заметил Уилт и снова погрузился в размышления.

— Ну? — сказал Глаусхоф.

— Что — «ну»? — Уилт надеялся, что оскорбительно развязный вопрос поможет ему стать хозяином положения.

— Кто тебя послал?

Сияясь собраться с мыслями, Уилт воззрился на портрет президента Эйзенхауэра над головой Глаусхофа, но так ничего и не надумал.

— Кто меня послал? — снова переспросил Уилт и тут же пожалел: Глаусхоф взглянул на него не так приветливо, как покойный президент. — Никто не посылал.

— Слушай, покамест с тобой обходились по-хорошему, но это ненадолго. Скоро тебе придется круто. Будешь говорить или нет?

— Да-да, я охотно с вами побеседую. Хотя, по-моему, выражение «обходиться по-хорошему» тут не к месту. Когда тебя травят газом и...

— Может, тебе объяснить выражение «придется круто»?

— Нет, это лишнее, — поспешно отказался Уилт.

— Ну так выкладывай.

Уилт сглотнул слюну.

— Вас интересует какая-то конкретная тема?

— К примеру, кто твой хозяева?

— Хозяева?

— На кого ты работаешь? Только не вздумай лепить чернуху про Фенландский колледж гуманитарных и технических наук. Я хочу знать, кто организовал операцию.

— Понятно, — кивнул Уилт, чувствуя, что опять сбился с панталыку. — Вот вы говорите «операция». Может, вы мне... — но Глаусхоф скорчил такую свирепую мину, что язык Уилта прилип к гортани. — Я не представляю, о чем вы говорите, — выдавил он.

— Ах, не представляешь?

— Увы, нет. То есть, если бы я...

Глаусхоф помотал пальцем перед самым носом Уилта:

— Между прочим, тут кое-кому недолго и коньки откинуть. Поди потом узнай. Если тебе такой конец улыбается, только скажи.

— Нет, не улыбается, — Уилт глаз не сводил с пальца, надеясь хоть так отсрочить этот конец. — Лучше задавайте мне вопросы.

Глаусхоф откинулся на спинку кресла.

— Для начала расскажи, где достал передатчики.

— Передатчики? Вы говорите, передатчики? Какие передатчики?

— Которые у тебя в машине.

— У меня в машине? Вы ничего не пугаете?

Глаусхоф изо всех сил вцепился в край стола, досадуя, что не может сию же секунду совершить смертоубийство.

— Ты что же себе думаешь, пробрался на территорию Соединенных Штатов и...

— Англии, — твердо заявил Уилт. — Точнее, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии...

— Ни фиги себе! Сукин сын, коммуняка, а вякает про королевскую фамилию...

— Это моя страна, — настаивал Уилт. Сознание того, что он англичанин, придавало ему сил. Прежде это обстоятельство его мало трогало. — И, к вашему сведению, я не коммунист. Сукин сын — возможно, хотя я на этот счет другого мнения. Об этом вам лучше спросить у моей матери, но она умерла десять лет назад. А вот что не коммунист — это точно.

— Так как насчет передатчиков в машине?

— Да-да, вы спрашивали. Но я ума не приложу, что за передатчики. Вы меня случайно ни с кем не перепутали?

— Ты Уилт? — заорал Глаусхоф.

— Да.

— Ты едешь на потрепанном «форде», номер ХПР 791 Н, так?

Уилт кивнул.

— Можно сказать и так. Хотя, по правде, моя жена...

— Так это твоя жена засадила в машину передатчики?

— Боже упаси. Она в таких вещах не разбирается. Да и с какой радости ей играть в эти игры?

— А вот это, милейший, я хочу узнать у тебя. И пока не расскажешь все как есть, тебе отсюда не уйти.

Уилт взглянул на Глаусхофа и покачал головой.

— Легко сказать, — пробормотал он. — Я приезжаю к вам прочесть лекцию о нынешнем состоянии британской культуры, вдруг — здравствуйте пожалуйста — облава, газ. Прихожу в себя в постели, врачи вгоняют в меня иголки, а...

Уилт осекся. Глаусхоф достал из ящика стола револьвер и принялся заряжать. Уилт смотрел во все глаза.

— Прошу прощения, — выговорил он наконец. — Будьте так любезны, уберите эту... э-э-э... штуковину. Я понятия не имею, что у вас на уме, но, честное слово, вам нужен не я, а кто-то другой.

— Кто же? Твой шеф?

— Шеф?

— Шеф.

— Да-да, я расслышал, но мне все равно непонятно. Я знать не знаю, что за шеф такой.

— Не знаешь, так придумай. Расскажи, кто там в Москве дает тебе задания.

— Послушайте, — начал Уилт, пытаюсь вернуться к реальности, где отродясь не водились шефы из Москвы, дававшие ему задания. — Тут явно произошла ошибка.

— Да, ты крупно ошибся, когда проник сюда со своей аппаратурой. Даю тебе последний шанс, — с этими словами Глаусхоф вытянул руку с пистолетом и бросил такой многозначительный взгляд вдоль ствола, что сердце Уилта замерло. — Или ты сейчас же выложишь все начистоту, или...

— Хорошо, — сдался Уилт. — Как говорится, «усек». Терпеть не могу это словцо. Что я должен рассказать?

— Все от начала до конца. Как тебя завербовали, на кого ты работаешь, какие сведения успел передать...

Глаусхоф все перечислял и перечислял, а Уилт затравленно смотрел в окно. Он никогда не обольщался тем, что жизнь подчиняется здравому смыслу, а искать здравый смысл на авиабазе и вовсе пустое занятие. И все же, когда полоумный американец, поигрывая револьвером, твердит, что ты советский шпион, это уж какой-то новый род безумия. А может, это на самом деле безумие? Может, Уилт попросту сбрендил? Нет, не похоже. Пистолет не безумие, пистолет реальность, с которой вынуждены считаться миллионы людей по всему свету. Только эта реальность покуда обходила стороной Оукхерст-авеню, Гуманитех и весь Ипфорд. Скорее нереальным оказался тот мирок, в котором существовал Уилт со своей безраздельной верой в пользу образования, книжную мудрость и, за неимением лучшего слова, здравый смысл. Этот мирок — всего лишь игра воображения, рано или поздно ему придет конец. Да и стоило ли его создавать, если верх того и гляди возьмет сумасшедший, сыпящий пошлыми фразочками вроде «тут недолго откинуть коньки, и никто не узнает»?

И все-таки Уилт еще раз попытался вернуться в свой прежний мир.

— Так и быть, — объявил он. — Я все расскажу. Но только в присутствии представителей британской контрразведки. Это законное право всякого британского подданного.

Глаусхоф презрительно хмыкнул.

— Как только ты прошел через КПП, от твоих прав ничего не осталось. Давай, выкладывай. Стану я еще делать реверансы всякой сволочи из британской разведки. Обомнуты. Рассказывай мне.

— Если вы не возражаете, я лучше напишу, — предложил Уилт. Он решил тянуть резину, а сам лихорадочно соображал, в чем бы ему покаяться. — У вас найдется ручка и бумага?

Глаусхоф поколебался, но смекнул, что, если показания будут написаны рукой Уилта, никто не посмеет упрекнуть майора в том, что он выбил их силой.

— Ладно. Садись за стол.

Через три часа перед Уилтом лежали шесть страниц, исписанных аккуратным, но неразборчивым почерком. Глаусхоф попытался прочесть и ужаснулся:

— Что еще за фокусы? Тебя что — писать не учили?

Уилт устало покачал головой.

— Если не разбираете, отдайте тому, кто разберет. А я уже выдохся. — и он уронил голову на руки.

Глаусхоф взглянул в его бледное лицо и убедился, что это не блеф. Майор и сам здорово утомился. Ну ничего: полковнику Эрвину и всей его бестолочи из отдела разведки и вовсе не поздоровится.

Эта мысль взбудрила Глаусхофа. Он прошел в соседний кабинет, сделал фотокопии всех шести страниц и, минуя охрану, направился в машбюро.

— Перепечатайте-ка эти документы, — велел он начальнику. — Но только никому ни слова.

После этого Глаусхоф уселся и стал ждать.

— Ордер? — восклицал старший офицер. — Ордер на обыск дома сорок пять по Оукхерст-авеню? Вы хотите получить ордер на обыск?

— Да, сэр, — подтвердил инспектор Роджер, недоумевая, почему из-за вполне резонной просьбы надо задавать столько вопросов. — Все улики свидетельствуют, что Уилты занимаются переправкой наркотиков.

— Магистрат едва ли согласится, — упорствовал старший офицер. — Ведь мы располагаем всего лишь косвенными уликами.

— Помилуйте, когда Уилт едет на авиабазу, а на обратном пути во что бы то ни стало пытается от нас улизнуть, разве это косвенная улика? И уж тем более, когда его жена отправляется на плантацию лекарственных трав. Я все в отчете расписал.

— Верно, — сказал старший офицер, стараясь вложить в это слово все свои сомнения. — Но прямых улик там нет и в помине.

— Поэтому и надо произвести обыск, сэр. В доме наверняка обнаружатся следы наркотиков. По логике вещей.

— Да, но только если вы в Уилте не ошиблись.

— Сами посудите: он же знал, возвращаясь из Бэконхита, что мы у него на хвосте. Не мог не знать. Но как только выехал с базы, так полчаса кружил и в конце концов удрал...

— Это отдельный разговор, — оборвал Роджера старший офицер. — Без разрешения установить в машине шалопая передатчики — это форменное безобразие. Я считаю ваш поступок в высшей степени возмутительным. Извольте сделать для себя выводы. И потом, может, он был пьян.

— Пьян? — Роджер не сразу уловил, какая связь между предосудительным использованием передатчиков (чего в этом предосудительного?) и тем фактом, что Уилт был пьян.

— Ну, когда выехал из Бэконхита. Нарезался и не соображал, куда едет, вот и дал крюку. Янки очень хлебную водку уважают. Штука отвратная, но пьется легко.

Инспектор Роджер подумал-подумал и не согласился:

— Ни за что не поверю, что пьяный способен промчаться на такой скорости по такой дороге и не разбиться. И путь-то он выбрал неспроста — чтобы его не могли засечь по радио.

Старший офицер еще раз пробежал отчет. Сомнения его не улеглись, однако в версии Роджера была своя логика.

— А если трезвый, что же он бросил машину у чужого дома?

К этому вопросу Роджер был уже готов.

— Я же говорю: продувная бестия, голыми руками не возьмешь. Сообразил, что мы с него глаз не спускаем и станем докапываться, почему он дал кругалья. И теперь хочет нас убедить, что, мол, спьяну.

— Ну, если он и впрямь такой жох, то хоть весь дом переверните, а ничего не найдете, — покачал головой старший офицер. — Хранить наркотики дома он не будет, спрячет где-нибудь подальше.

— Да ведь он еще должен сбить товар. И тут без машины не обойтись. Смотрите, что получается: Уилт едет на авиабазу, забирает товар, на обратном пути передает другому

жулику, а тот торгует. Понятно, почему Уилту позарез надо было от нас уйти. Как-то сигналы на двадцать минут прервались. Наверное, тогда он и избавился от своего груза.

Старший офицер поневоле согласился с этими выводами.

— Пусть так. И тогда выходит, что я прав: устройте обыск — окажетесь по уши в дерьме. Ну, вы-то ладно, но ведь и я тоже. Так что про обыск и думать забудьте. Придумайте что-нибудь половчее.

Роджер вернулся к себе и отвел душу на сержанте Ранке.

— Развели, понимаешь, канитель! Как мы вообще при такой постановке дела ухитряемся хоть кого-то ловить? А вы за эти чертовы передатчики должны были расписаться!

— Я расписывался. Иначе бы мне их и не выдали.

— «Расписывался»! Вы сообщаете, что написали? «Получено с разрешения старшего офицера Уилкинсона для скрытого наблюдения». Вот Уилкинсон обрадовался, когда узнал. Подвели вы меня под монастырь.

— А разве не так? Я думал, он вам разрешил...

— Не тем местом думали. Мы затеяли операцию ночью, а Уилкинсон уже в пять был дома. Придется передатчики снимать. И займетесь этим вы.

Приструнив сержанта — теперь он будет маяться до самого вечера, — Роджер встал, подошел к окну и задумался. Что дальше? Если бы удалось выбить ордер на обыск... Вдруг его внимание привлекла машину внизу. До ужаса знакомая машина.

Ба, да это же «эскорт» Уилтов! Здесь, у полицейского участка? Что за чертовщина?

* * *

В кабинете Флинта Ева с трудом сдерживала слезы.

— Я не знала, к кому обратиться. И в Гуманитехе была, и в тюрьму звонила, и к миссис Брейнтри заезжала — Генри обычно заглядывает с ним, когда... в общем, когда хочет развеяться. Все перебрала, и нигде его нет, даже в больнице. Я знаю, вы его недолюбливаете, но вы как-никак полицейский и вам уже случалось... помогать нам. Вы так хорошо знаете Генри, — Ева смотрела на Флинта жалобными глазами.

Но инспектора ее взгляды не разжалобили. «Вы хорошо знаете Генри». Тьфу ты! Да, Флинт давно пытался раскусить прохвоста, но даже в те минуты, когда он сам не мог надивиться своей смекалке, инспектор не рискнул бы утверждать, что хоть немного постиг до жути непредсказуемую натуру Уилта С какой стороны ни зайди, все в нем непонятно. Взять хотя бы супружницу. Кем же это надо быть, чтобы жениться на Еве? Об их семейной жизни Флинт подумать не мог без содрогания. И вот эта бабища заявляется к нему в кабинет и, развалившись на стуле, объявляет, что «он знает Генри», да так, будто комплимент отвечает. Ни стыда ни совести.

— Он прежде никогда надолго не пропадал? — спросил Флинт, а про себя решил, что он на месте Уилта пропал бы с концами еще до свадьбы.

— Никогда. Поэтому я так и переживаю. Вы, конечно, считаете его... чудным, но, честное слово, он хороший семьянин.

— Не сомневаюсь, — как мог, утешил ее Флинт. — А у него часом не амнезия, как повашему?

— Амнезия?

— Ну, потеря памяти. На нервной почве бывает. У него в последнее время случались серьезные неприятности? Мог он сойти с катушек... то есть перенервничать?

— Да вроде ничего особенного, — Ева не хотела рассказывать о докторе Корее и ее злосчастном возбудителе. — Разве что на дочек иногда сердился. И еще недавно в Гуманитехе случилось несчастье, девушка умерла. Генри так расстроился. Он дает уроки в тюрьме, — Ева запнулась. Теперь она вспомнила, что тревожит ее больше всего — Вечерами он занимался с одним злодеем, Маккалемом. По понедельникам и пятницам. То есть это он мне так говорил. А сегодня звоню в тюрьму, и оказывается, ничего подобного.

— Что — ничего подобного?

— Нет у него в пятницу уроков, — при мысли, что Генри, ее Генри, обманывал ее, на глазах у Евы появились слезы.

— Но по пятницам он уходил из дома и говорил, что идет в тюрьму, так?

Ева безмолвно кивнула. На какое-то мгновение Флинт почти проникся к ней жалостью. Не первой молодости толстуха, четыре дочки-паскудницы, дома так колбасят, что хоть караул кричи. Неужто она не догадывалась, что за фрукт ее муженек? Ну и дуреха. Что ж, пора открыть ей глаза.

— Послушайте, миссис Уилт, мне очень нелегко вам это...

К удивлению Флинта, Ева поняла его с полуслова:

— Я знаю, что вы скажете. Но это неправда. Если он кого-то завел, то зачем ему было оставлять машину возле дома миссис Уиллоуби?

— Возле дома миссис Уиллоуби? Кто такая миссис Уиллоуби?

— Соседка из дома шестьдесят пять. Утром машина стояла там. Я пошла и забрала. Для чего это ему, скажите на милость?

Флинт чуть было не выпалил, что на месте Уилта он бы тоже бросил машину где попало и задал стрекача. Но тут ему пришла одна мысль.

— Я сейчас вернусь, — сказал он и покинул кабинет.

В коридоре Флинт призадумался. К кому лучше обратиться? О Роджере и речи быть не может. А, вот кого можно расспросить: сержанта Ранка. И поручить это Йейтсу. Флинт заглянул в просторную комнату, где за пишущей машинкой сидел Йейтс.

— Хочу, Йейтс, дать тебе поручение. Потолкуй со своим приятелем Ранком и узнай, где они вчера гонялись за Уилтом. У меня в кабинете его жена. Да не показывай виду, что это интересует меня. Спроси как бы между прочим.

Йейтс ушел, а Флинт, присев на край стола, остался дожидаться.

Через пять минут сержант вернулся и сообщил:

— Фигня какая-то. Они преследовали Уилта до авиабазы в Бэконхите. Вели радионаблюдение. Через полтора часа Уилт выезжает с базы, гонит как ненормальный. Ранк думает, что он почуял наблюдение, так улепетывал. В общем, он от них ушел, а потом они нашли машину у соседского дома. А в доме какой-то долбаный волкодав. Увидел Роджера и чуть дверь не вышиб. Вот такая история.

Флинт с замиранием сердца выслушал рассказ и невозмутимо кивнул. Дело сделано. Дурак Роджер остался в дураках. Пока он старался наступить на хвост Уилту, Флинт успел обломать Быка, Клайва Суоннела и ублюдка Лингдона, получил показания, засвидетельствованные их подписями. Теперь можно кончать игру.

А стоит ли? Чем крепче Роджер завязнет, тем труднее ему будет выкарабкаться. И не

только Роджеру, но и Уилту. Ведь все беды Флинта из-за нег Значит, Флинту сам Бог велел устроить ему вместе с Роджером веселую жизнь. К тому же Флинту еще предстоит с помощью Лингдона доводить дело до конца. Работа напряженная, не грех и поразвлечься на досуге. А сегодня развлечение само пожаловало: миссис Ева Уилт. Остается натравить ее на Роджера, но так, чтобы себя не выдать. Дело тонкое. Надо сперва прощупать почву. Флинт нашел телефон авиабазы и позвонил.

— Говорит инспектор Роджер, — представился Флинт. Он нарочно мямлил, чтобы имя звучало как можно неразборчивее не то «рожа», не то «дрожжи». — Я звоню из полицейского участка Ипфорда по поводу мистера Уилта. Мистер Генри Уилт, проживает в Ипфорде на Оукхерст-авеню, дом сорок пять. Он, кажется, к вам вчера вечером заезжал.

На базе пообещали проверить. Проверляли довольно долго. Потом трубку взял другой американец.

— Вы спрашиваете про Уилта?

— Совершенно верно.

— Из полиции, значит?

— Да, — Флинт с любопытством отметил, что собеседник, судя по голосу, ему не верит.

— Скажите, кто говорит, и оставьте ваш номер. Я перезвоню, — предложил американец.

Флинт без дальнейших объяснений положил трубку. Он узнал все, что хотел. А оставлять американцам свои координаты — черта лысого.

Вернувшись в кабинет, Флинт сел в кресло и лицемерно вздохнул.

— Боюсь, миссис Уилт, что мое сообщение вас не обрадует.

Ева действительно не обрадовалась. Из участка она вышла бледная от ярости. Мало того, что Генри ей соврал; оказывается, он врет уже давно! А она и знать ничего не знает?

Оставшись один, Флинт уставился на карту Ипфорда, висевшую на стене. Инспектор не верил своей удаче Ага, Генри Уилт, мистер Пройдоха Уилт! Теперь ты за все заплатишь. Небошь, где-то здесь, в Ипфорде скрывается. Спутался с какой-нибудь богатенькой фифочкой и затаился у нее дома.

Да нет, вряд ли. Ведь его разыскивает жена. Неудивительно, что баламут бросил машину черт знает где. Если у него есть голова на плечах, он уже смылся из города. Иначе эта стерва его прикончит. Флинт улыбнулся. Вот будет романтическая месть!

* * *

— Сил моих больше нет, — жаловался мистер Геймер. — Я бы с превеликим удовольствием согласился, глазом бы не моргнул. Но что, если они узнают?

— Не узнают, — убеждал Роджер. — Честное слово, не узнают. Вы и сами не заметите.

Мистер Геймер хмуро оглядел ресторан. Обычно на обед он довольствовался бутербродами и чашкой кофе. а сегодня — цыплята под пряным соусом, вино. Как бы с непривычки желудок не расстроился. Ладно уж, все равно угощает инспектор, а по дороге к себе в магазин можно заскочить в аптеку.

— Дело не только во мне, — продолжал мистер Геймер. — Знали бы вы, как за этот год измучилась жена. Вы просто не поверите.

— Отчего же не поверю, — возразил Роджер. — Если миссис Геймер целый год терпела

такие же напасти, какие преследовали инспектора эти четыре дня, то у нее поистине железные нервы.

— А уж когда начинаются каникулы, прямо хоть волком вой. Эти засранки... Я обычно не ругаюсь, но иногда до того доведут, что не могу сдержаться... Вы себе не представляете, какие мерзавки.

Геймер помолчал, потом, пристально глядя инспектору в глаза, шепнул:

— Не сегодня-завтра они кого-нибудь угробят. Я во вторник чудом уцелел. Если бы не ботинки на резиновой подошве, мне бы хана. Девчонки утащили у меня из сада статую, а когда я за ней пошел...

Роджер участливо выслушал историю про статую и заметил:

— Уголовщина. Надо было сразу заявить в полицию. Да и сейчас еще не поздно подать жалобу...

— Думаете, мне жить надоело? Если бы после этого всю семейку прямоком отправили в тюрьму — тогда другое дело. Но ведь так не бывает. Вернутся домой из суда и... Нет, подумать страшно. Есть у нас сосед, мистер Биркеншоу, член муниципалитета. Как же они над ним, бедолагой, измывались! Написали его имя на презервативе — да так, чтоб сразу в глаза бросалось, — надули, чем-то обернули, получился настоящий мужской член. И полетел этот член по всей улице. А чертовки наклепали на мистера Биркеншоу, что он, мол, щеголял перед ними без штанов. Ох, и нелегко ему было отмыться от этого вранья. Знаете, где он сейчас? В больнице. Нет, с ними связываться — себе дороже.

— Я вас понимаю. Но Уилты ничего не узнают. Только бы вы согласились...

— А все эта мымра, их мать, — вино и явное сочувствие инспектора побуждали мистера Геймера излить душу. — Так их и воспитывает, чтоб вели себя как мальчишки, чтоб техникой интересовались. Они, видите ли, будут изобретательницами, прямо гениями. Ну, положим, с газонокосилкой Диккенса они действительно учудили такое, что только гениям и под силу. И ведь газонокосилка-то совсем новенькая! Чего уж они там намудрили, точно не скажу. Кажется, зарядили газом под завязку и поставили зубчатое колесо с другим передаточным числом. В общем, косилка лязгала как ненормальная. А у Диккенса и без того здоровье вроде пошаливает. Включил он эту адскую машинку, а она вырвалась, шась с лужайки — и уже в гостиной подстригает новый ковер. Помнится, и пианино повредила. Диккенсы с ней сами не справились, пришлось вызывать пожарных.

— Что же они не подали в суд на родителей? — спросил Роджер, проникаясь к близняшкам невольным восхищением.

Мистер Геймер вздохнул.

— Вы не понимаете. Чтобы понять, надо пожить с Уилтами бок о бок. Думаете, они признаются? Как же, дожидайтесь. А кто поверит старику Диккенсу, что четыре пигалицы сумели заменить зубчатое колесо на ведущем валу? Я еще выпью, не возражаете?

Роджер налил ему вина. По всему видно, что такая жизнь доконала мистера Геймера.

— Ну хорошо, — настаивал Роджер. — А если обставить дело так, будто вы не в курсе? К примеру, приходит газовщик проверить газовый счетчик...

— Ах, да, с газом тоже была история, — иступленно клокотал Геймер. — Представляете, счет: четыреста пятьдесят фунтов за летний квартал! Черт-те что! Не верите? Я тоже сперва не поверил. Уж мы и счетчик меняли, и проверяли — все без толку. Ума не приложу, как они это спроворили. Наверно, когда мы уезжали отдыхать. Мне бы только узнать, как им это удалось.

— Послушайте. Позвольте моим сотрудникам установить аппаратуру — и у вас будет прекрасная возможность избавиться от Уилтов навсегда. Слово даю. Навсегда.

Мистер Геймер заглянул в бокал и задумался. Предложение заманчивое.

— Навсегда, говорите?

— Навсегда.

— Договорились.

Некоторое время спустя сержант Ранк, чувствуя себя неловко в форме газовщика, лез на чердак дома № 45, а миссис Геймер жалобно вопрошала, что там еще за неполадки с дымоходом: его же облицовывали, когда в доме провели центральное отопление. На чердаке Ранк кое-как просунул микрофоны в зазор между кирпичами, так что они оказались в аккурат над спальней Уилтов, за изоляционным покрытием. Теперь можно будет услышать все, о чем говорят в доме № 45 по Оукхерст-авеню.

— Дельце, похоже, кислое, — рассказывал капрал — Майор Глаусхоф приказал отогнать машину к дому этого самого Уилта Я так и сделал. Одно могу сказать: передатчики не гражданского образца. Я их хорошо рассмотрел. Класная техника Сделано в Англии.

Полковник Эрвин, начальник разведки базы ВВС США в Бэконхите, задумался устремив бесстрастный взгляд на гравюру с изображением охоты, висящую на стене. Гравюра не отличалась художественными достоинствами, но вид лисицы, которую преследует разномастная толпа поджарых, тучных, бледных и румяных английских всадников, постоянно напоминал полковнику, что англичан нельзя недооценивать. Разумнее всего попытаться самому сойти за англичанина С этой целью он играл в гольф старинными клюшками, а на досуге заходил в университетские архивы и на кладбища Линкольншира чтобы изучить свою генеалогию. Короче говоря, полковник старался ничем не отличаться от окружающих и страшно гордился, что его несколько раз принимали за учителя престижной частной школы. Эта роль была как раз по нему, ибо, как профессионал, он свято верил: кто не лезет на глаза, тот многого добьется.

— Значит, сделано в Англии? — задумчиво переспросил полковник. — Этот факт еще ни о чем не говорит. Так майор Глаусхоф распорядился ввести особый режим секретности?

— Приказ генерала Бельмонта, сэр.

Полковник промолчал. В душе он считал, что по своим умственным способностям начальник базы ненамного превосходит пресловутого майора Глаусхофа. Надо быть полным кретинном, чтобы объявлять четыре бескозырки без единой бубны на руках.

— Итак, по распоряжению Глаусхофа этот Уилт арестован, майор, по всей видимости, ведет опрос с пристрастием. а местонахождение агента должно сохраняться в тайне. Внушительно звучит: «должно». Уж, наверно, те, кто его послал, знают, что в Ипфорд он не возвращался.

— Так точно, сэр, — сказал капрал. — Майор пытается связаться с Вашингтоном.

— Передаст какую-нибудь шифробредятину. Добудьте мне запись этого разговора.

— Слушаюсь, сэр. — И капрал исчез.

Полковник Эрвин взглянул на своего заместителя и заметил:

— Похоже, над нами собираются тучи. Что скажете?

— Это может быть кто угодно, — пожал плечами капитан Форчен. — А вот их аппаратура мне не нравится.

— Камикадзе. Кому еще придет в голову тащить сюда передатчики?

— Да хоть ливийским террористам или агентам Хомейни.

Полковник Эрвин покачал головой:

— Э, нет. Эти действуют без пристрелки. Они бы сразу привезли взрывчатку. Так кому же еще на руку та авантюра?

— Англичанам?

— Вот и я того же мнения, — полковник подошел поближе к гравюре и стал внимательно разглядывать. — Весь вопрос только в том, кого они выбрали жертвой: мистера Генри Уилта или нас.

— У нас об Уилте никаких материалов не имеется. Я проверял. В шестидесятые годы состоял в Движении за ядерное разоружение, а больше никакой политики.

— Закончил университет?

— Да.

— Какой?

Капитан проверил по компьютеру.

— Кембриджский. Специальность — английская литература.

— Что еще?

— У нас — ничего. А вот британская разведка наверняка знает больше.

— Ну и пусть себе знает, — сказал полковник. Он уже принял решение. — Если

Глаусхоф при попустительстве генерала ищет на свою задницу приключений — Бог в помощь. Нарвется на неприятности, и все. А мы сэкономим свою репутацию и в нужный момент подскажем хороший выход из положения.

— И все-таки эта аппаратура мне не нравится, — твердил капитан.

— А мне не нравится Глаусхоф. И супруги Офри от него, по-моему, не в восторге. Вот пусть и сломит себе шею.

Полковник помолчал и спросил:

— Кто-нибудь еще из разведки, кроме капрала, знает, что произошло?

— Капитан Клодиак подала жалобу на Хару за развратные действия. Она ходит на лекции Уилта.

— Прекрасно. Попробуем узнать у нее, что же за беда там стряслась.

* * *

— Расскажи про этого Радека, — потребовал Глаусхоф. — Кто он такой?

— Я же говорил. Чешский писатель, умер бог знает когда, — объяснял Уилт. — Как видите, я не мог с ним встречаться.

— Если врешь, я тебе представлю такую возможность. И очень скоро, — пригрозил Глаусхоф. Из показаний Уилта он уже знал, что тот был завербован агентом КГБ Юрием Орловым и выполнял задания некоего Карла Радека. Теперь Глаусхоф хотел уточнить, какую именно информацию Уилт передавал русским. По вполне понятным причинам это оказалось сложнее, чем вырвать у него признание в шпионской деятельности. Дважды Глаусхоф обещал прикончить его на месте, но все без толку. Наконец Уилт попросил дать ему время на размышления и сообщил, что передал русским сведения о водородных бомбах.

— Чего? Ты рассказал своему Радеку, что у нас тут водородные бомбы?

— Да.

— В Москве без тебя знают.

— Радек мне так и ответил. И запросил новые сведения.

— И что ты ему донес на этот раз? Про ББ?

— ББ? Это что — духовые ружья?

— Бинарные бомбы.

— Впервые слышу.

— Игрушка что надо. Лучшие химические боеприпасы в мире, — похвастался Глаусхоф. — Сбросим — от Москвы до Пекина передохнет все, что движется. Никто и глазом моргнуть не успеет.

— Вот как? Странное у вас представление об игрушках. На что же тогда способны

настоящие бомбы, не игрушечные?

— Дерьмо ты собачье, — обиделся Глаусхоф. Вот досада, что они не в каком-нибудь задрипанном Сальвадоре. Там Глаусхоф живо обломал бы ему рога. — Язык-то не распускай, а то вообще пожалеешь, что со мной повстречался.

Уилт смерил майора изучающим взглядом. Глаусхоф постоянно сыпал угрозами, но исполнять их не спешил, поэтому Уилт мало-помалу приободрился. И все-таки не стоит признаваться майору, что Уилт уже и так жалеет об этой встрече.

— Я только отвечаю на ваши вопросы.

— Так ты больше никаких сведений не сообщал?

— Помилуйте, ну что я мог сообщить? Спросите ваших коллег, которые слушали мои лекции. Они подтвердят, что я бомбу от банана не отличу.

— Так я и поверил, — буркнул Глаусхоф. С теми, кто ходил на лекции Уилта, он уже беседовал — правда, не очень успешно. Миссис Оффри в ответ на вопрос, что она думает об Уилте, выложила все, что она думает о Глаусхофе. У капитана Клодиак тоже не удалось узнать ничего ценного. По ее словам, единственное, что изобличало прокоммунистические симпатии Уилта — это его стремление убедить слушателей, будто Государственная служба здравоохранения очень даже недурная штука. Вдоволь наслушавшись подобной чепухи. Глаусхоф вернулся к показаниям Уилта о кагэбэшнике Радеке, который якобы давал ему задания. Теперь вдруг оказывается, что Радек — давным-давно умерший чешский писатель. Надежды Глаусхофа на повышение по службе слабели с каждым часом. Как же ему расколоть Уилта? Майор уже подумывал о каком-нибудь наркотике, который заставит агента рассказать правду, как вдруг взгляд его упал на коробочку от крикетных шаров.

— Зачем ты это нацепил? — спросил Глаусхоф.

Уилт с досадой взглянул на свое защитное приспособление. Из-за сегодняшних кошмаров события прошлого вечера поблекли, но вчера он считал, что это самое устройство — причина всех его невзгод. Если бы не развязался бинт, он не пошел бы в туалет и...

— У меня грыжа, — сказал Уилт. Он решил, что это самое безобидное объяснение.

Безобидное! Как бы не так. Оно внушило Глаусхофу гадкие мысли о сексе.

* * *

После разговора с Флинтсом те же мысли крутились в голове у Евы, Генри, ее Генри ушел к другой. И главное, к кому? К военно-воздушной потаскухе-американке! В этом Ева не сомневалась. Нет, инспектор Флинт выразился деликатнее. Он просто сказал, что Генри уехал в Бэконхит. Остальное и так ясно. Каждую пятницу Генри уезжает из дома якобы в тюрьму, а на самом деле...

Ну нет, Ева этого так не оставит. Исполнившись решимости, она села за руль и поехала на Кантон-стрит, к Мэвис. Мэвис первая все поняла, она умеет вправлять мозги неверным мужьям — вспомнить хотя бы Патрика. И что важнее всего, она секретарь движения «Матери против бомбы», а значит, американцы и Бэконхит для нее хуже горькой редьки. Кто-кто, а Мэвис знает, что делать.

Мэвис действительно знала. Но поначалу она не могла одержать злорадства:

— Вот видишь. Ева, а ты меня и слушать не хотела. Я всегда говорила, что твой Генри скользкий тип, а ты его защищала. Хотя после того как он на меня напал, я не понимаю, как

можно.

— Да, история неприятная, но, по-моему, она случилась по моей вине. Это же я обратилась к доктору Корее и напоила Генри... Господи, уж не потому ли его потянуло на других?

— Вот еще глупости какие. При чем тут травяной настой доктора Корее, если муж изменяет тебе уже полгода? Конечно, когда дойдет до развода, он будет кивать на это средство.

— Мне развод не нужен. Мне бы только добраться до его бабы.

— Что ж, если ты хочешь, как илотка, всю жизнь уголять его похоть...

— Как кто? — испугалась Ева.

— Рабыня, — поправилась Мэвис. — Прислуга. Ну, там, кухарка, прачка.

Ева сникла. Она мечтала быть хорошей женой и заботливой матерью, дать дочкам такое образование, чтобы они могли занять достойное место в современном обществе со всеми его техническими достижениями. Место достойное и видное.

Но тут Ева вспомнила, что у нее есть более неотложная забота:

— Ой, я ведь даже не знаю, как зовут эту шлюху.

Мэвис углубилась в размышления.

— Наверное, Билл Пейсли знает, — изрекла она. — Он там тоже преподает. К тому же он работает в Открытом университете вместе с Патриком. Сейчас позвоню.

Ева сидела в кухне не в силах пошевелиться. Но внутренне она уже готовилась высказать мужу все, что накипело. И все же, что бы ни говорила Мэвис, никто и ничто их с Генри не разлучит. Девочкам нужен отец, семейный очаг и лучшая школа, на какую только хватит жалованья Генри. Пусть люди говорят, что им вздумается, пусть пострадает Евино самолюбие: самолюбие — та же гордыня, а гордыня — тяжкий грех. Но Генри это даром не пройдет.

Пока Ева решала, что скажет мужу, Мэвис поговорила по телефону и с победным видом вернулась на кухню.

— Биллу Пейсли все известно. Генри, оказывается, читает на базе лекции о британской культуре. На его лекции ходят одни женщины. Легко себе представить, что произошло, тут особой фантазии не требуется, — Мэвис взглянула на клочок бумаги. — Культура и государственный строй Великобритании. Учебный корпус номер девять. Обратиться можно к старшему офицеру отдела образования. Билл дал телефон. Хочешь, позвоню?

Ева с благодарностью кивнула:

— Я еще расписуюсь, сорвусь. А ты так здорово умеешь разговаривать с людьми.

Мэвис снова вышла в прихожую. Минут десять оттуда доносился ее голос. Он звучал все раздраженнее, и наконец Мэвис с грохотом бросила трубку.

Бледная от гнева, она влетела в кухню.

— Вот наглость! Прошу соединить меня со старшим офицером отдела образования — отказываются. Вру, что я сотрудница библиотечной службы, что мы хотим направить им бесплатную партию книг. Зовут офицера А он мне: «Нет, мэм, извините, ничего не могу сказать».

— Да ты про Генри-то спрашивала? — допытывалась Ева, которая никак не могла взять в толк, при чем тут библиотечная служба и бесплатные книги.

— А как же, — обиделась Мэвис. — Я сказала, что это мистер Уилт советовал мне обратиться к нему насчет книг по английской культуре. Вот тут он и начал отнекиваться.

Мэвис помолчала и добавила:

— Знаешь, по-моему, он чего-то испугался.

— Испугался? Чего?

— Не знаю. Услыхал имя «Уилт» и испугался. Что ж, поедem туда и все узнаем.

* * *

Капитан Клодиак сидела в кабинете полковника Эрвина. Здание, в котором размещался штаб разведки, выпадало из общего стиля военной базы. Прочие постройки, помнившие еще те времена, когда база принадлежала ВВС Великобритании, смахивали на сборные дома, от которых домовладельцу одни убытки. Здание же разведки, большой особняк из красного кирпича, некогда принадлежал ушедшему на покой горному инженеру, который питал пристрастие к донельзя торжественному тюдоровскому стилю, знал цену черной болотной почве и терпеть не мог зябкие ветры, дующие из Сибири. Поэтому в особняке был большой зал, отделанный во вкусе старинного замка, стены обшиты дубом, а обогревался особняк мощной системой центрального отопления. Эта обстановка соответствовала ироническому складу полковника Эрвина; кроме того, благодаря ей он еще отчетливее чувствовал свое превосходство над прочими военнослужащими — опасными недоумками, которые не умеют даже правильно говорить по-английски. Им не хватало эрудиции, смекалки и храбрости. Впрочем, о капитане Клодиак этого не скажешь. Полковник Эрвин выслушал ее рассказ о поимке Уилта с огромным интересом. С ее слов события представляли в ином свете.

— Так вы говорите, он нервничал на лекции? — спросил полковник.

— Еще как. Весь извертелся за пюпитром, будто у него что болит. И читал бессвязно: то про одно, то про другое. Обычно он если отклоняется от темы, то непременно к ней возвращается. Но в этот раз — ничего не понять. А уж когда из штанины высунулся бинт, он совсем спутался.

Полковник посмотрел на капитана Форчена.

— Зачем ему эта повязка? Удалось что-нибудь выяснить?

— Я спрашивал у врачей. Они не знают. Его доставили с отравлением газом, никаких телесных повреждений.

— Ладно, вернемся к лекции. Больше вы никаких странностей в его поведении не замечали?

Капитан Клодиак покачала головой.

— Вроде ничего такого. Он не педик, но к женщинам не шьется: держится всегда вежливо. Правда, все время чем-то озабочен, вроде как хандрит. В общем англичанин как англичанин.

— Но на лекции он, значит, заметно нервничал? А насчет бинта вы не ошиблись?

— Нет.

— Ну, спасибо вам за помощь. Если вспомните что-то еще — сообщите.

Проводив капитана Клодиак до дверей, полковник вернулся к гравюре и уткнулся в нее, чтобы настроиться на нужный лад.

— Похоже, кто-то здорово его припугнул, — наконец произнес он.

— Майор Глаусхоф, кто же еще? — догадался Форчен. — Уилт сознался как миленький. Сразу видно, под нажимом.

— В чем сознался? Он же ничего не рассказал. Ни словечка.

— Он сообщил, что его завербовал какой-то Орлов, а задания дает какой-то Радек. Вот вам и «ни словечка».

— Орлов — диссидент, который отбывает срок в Сибири, а Карл Радек — чешский писатель, умер в сороковом году в ГУЛАГе, так что задания у него получать трудновато.

— Может, это конспиративные прозвища.

— Может. Меня такая откровенная липа не устраивает. И почему непременно русские? Если они из посольства... Ну, предположим. Но Уилт утверждает, что встречался с «Орловым» на автобусной станции в Ипфорде. Однако сотрудники посольства ограничены в передвижении, так далеко их не пускают. А где он виделся со своим разлюбезным Радеком? Каждую среду у площадки для игр в Мидуэй-парке. Каждую среду, на одном и том же месте, в одно и то же время? Исключено. Наши друзья из КГБ могут иной раз дать промашку, и все-таки дураков там не держат. А у Глаусхофа вдруг оказываются все козыри на руках. Случайность? Не смещите меня.

— Если так, то Глаусхоф вдряпался по уши.

Однако полковника Эрвина это не радовало:

— И мы вместе с ним, если вовремя не подсуеетимся. Давайте еще раз вспомним все версии. Уилт — пробный шар, пущенный русскими? Исключается, я только что это опроверг. Кто-то проверяет работу службы безопасности? Что ж, возможно, какому-нибудь идиоту в Вашингтоне и взбрела такая дурь. Им всюду мерещатся шиитские террористы-смертники. Но зачем посылать англичанина? Допустим, чтобы поставить чистый эксперимент, они сунули передатчики в машину втайне от Уилта. Но почему тогда во время лекции у него поджилки тряслись? Вот с чего надо начинать: с его поведения на лекции. Вот где должен быть ключ. Прибавьте к этому его «показания», которым мог поверить только такой невежда, как Глаусхоф, и вы поймете, что гниль в Датском королевстве не учует лишь тот, у кого напрочь отбило нюх. Разве можно было доверять это дело Глаусхофу? С меня довольно. Я намерен воспользоваться своим служебным положением.

— Как? Генерал позволил Глаусхофу все на свете засекретить.

— Из-за этого я и собираюсь использовать свое служебное положение. Старый бомбардьяга думает, что на него не найдется управы. Ну так я старого вояку разочарую. Ох как разочарую.

Полковник нажал кнопку телефонного аппарата:

— Соедините меня с ЦРУ.

— Приказано никого не впускать, — сказал охранник у ворот. — Извините, приказ есть приказ.

— Послушайте, — умоляла Мэвис. — Нам надо только переговорить с ответственным за образование. Его фамилия Блюджон, и...

— Все равно. Такой приказ.

Мэвис глубоко вздохнула и постаралась взять себя в руки.

— В таком случае я хотела бы поговорить с ним здесь. Будьте любезны, позовите его, раз уж нам нельзя войти.

— Сейчас узнаю, — охранник направился в караульное помещение.

— Бесполезно, — Ева оглядела шлагбаум и высокую изгородь из колючей проволоки. Пространство за ней было уставлено бочками, залитыми цементным раствором; из-за них машины не могли быстро проскочить на территорию, приходилось петлять. — Все равно они ничего не скажут.

— А я хочу знать почему, — настаивала Мэвис.

— Тогда не надо было надевать значок «Матери против бомбы».

Мэвис неохотно сняла значок.

— Возмутительно! Какая же это свободная страна, если...

Она не договорила, в дверях караулки появился лейтенант. Он оглядел гостей и произнес:

— Извините, пожалуйста, у нас служба безопасности проводит учения. Они продлятся недолго. Вы не могли бы заехать завтра?

— Завтра никак нельзя, — сказала Мэвис — Мы непременно должны поговорить с мистером Блюджоном сегодня. Очень вас прошу, позвоните ему или пошлите за ним. Будьте так добры.

— Конечно, конечно. Что ему передать?

— Скажите, что миссис Уилт хочет кое-что выяснить насчет своего мужа, мистера Генри Уилта. Он читает у вас лекции о британской культуре.

— А, мистер Уилт, — оживился лейтенант. — Да-да, капитан Клодиак про него рассказывала. Она ходит на его лекции. Очень довольна. Ну хорошо, сейчас узнаю.

Лейтенант снова ушел в караулку.

— Что я говорила, — заметила Мэвис. — Какая-то девка очень довольна твоим Генри. Интересно, чем он ее так разудовольствовал?

Ева не слышала. Итак, надеяться больше не на что: Генри действительно ее обманывал. Она оглядела унылые постройки и сборный дом за оградой, и ей представилось ее унылое, беспросветное будущее. Генри ушел к другой, может быть, к этой самой Клодиак. Еве придется самой воспитывать близняшек, прозябать в нищете. Отныне она... как это?... Мать-одиночка? Что же за семья без отца? И где теперь взять денег на школу для близняшек? Неужто идти на поклон к системе социального обеспечения, выстаивать очереди за субсидиями вместе со всякими тетками? Ну уж нет. Ева пойдет работать. В лепешку разобьется, а не допустит, чтобы...

Но Ева недолго предавалась мыслям о безрадостном будущем и собственной стойкости: вернулся лейтенант. Его словно подменили.

— Виноват, произошла ошибка, — отрывисто бросил он. — Уезжайте, пожалуйста. У нас учения по безопасности.

Его бесцеремонность окончательно вывела Мэвис из себя:

— Ошибка? Что еще за ошибка? Вы сами сказали, что муж миссис Уилт...

— Ничего я не говорил, — отрезал лейтенант и, повернувшись на каблуках, приказал поднять шлагбаум и пропустить подъехавший грузовик.

— Ну знаете! — бушевала Мэвис. — Я такой наглости в жизни не видела Ева, ты же слышала, что он недавно говорил, и вот...

Но Ева в порыве решимости устремилась к шлагбауму. Так и есть. Генри на базе! Недаром лейтенант переменялся до неузнаваемости: сперва — сама любезность, и вдруг — этот непроницаемый взгляд. И Ева не раздумывая ринулась навстречу унылой жизни без Генри, в пустыню за оградой. Надо срочно разыскать мужа и объясниться. Кто-то бросился наперерез. Замелькали руки, бежавший упал. На Еву накиннулись еще трое — она даже не разглядела их лиц, — схватили, потащили назад. Словно в забытьи, Ева слышала крик Мэвис.

— Падай! Падай!

Ева как подкошенная рухнула на землю. Рядом с ней растянулись двое нападавших, а третий пытался вытащить из-под нее свою руку.

Минуты через три Еву выволокли за шлагбаум и положили на дорогу. Она лежала в пыли, сверкая дырой на колготках и стоптанными каблуками. Во время этой возни она не проронила ни слова, только тяжело дышала. Встав на колени, Ева устремила за ограду пристальный взгляд, суливший такие неприятности, по сравнению с которыми стычка с охраной покажется пустяком.

— Вам сюда вход запрещен, — предупредил лейтенант. — Лучше не суйтесь, а то хуже будет.

Ева промолчала. Она поднялась на ноги и поплелась к машине.

— Ну как ты? Цела? — сочувственно спросила Мэвис. Ева кивнула.

— Отвези меня домой, — попросила она.

На этот раз Мэвис ничего не сказала. Ободрять Еву незачем: она и так полна решимости.

* * *

Уж если кто и нуждался в ободрении, то это Уилт. Время поджимало, Глаусхоф спешил. Обычные методы допроса не годились, а прибегать к крутым мерам он не имел права. И Глаусхоф измыслил, на его взгляд, весьма изощренный способ добыть новые показания. Для этого потребовалась помощь миссис Глаусхоф, которой надлежало пустить в ход свои сексуальные чары, перед коими, как подозревал майор, не устоял даже лейтенант Хара. Самая же эротичная экипировка представлялась Глаусхофу так: высокие сапоги, пояс с подвязками, бюстгальтер с отверстиями для сосков.

Уилта снова запихнули в машину и отвезли домой к Глаусхофу. Едва Уилт в больничном халате оказался на кровати в форме сердечка, перед ним предстало видение в черных сапогах, поясе с подвязками, красных трусиках и черном бюстгальтере с розовой оторочкой. Открытые части тела отливали загаром, ибо миссис Глаусхоф частенько

подвергала себя воздействию кварцевой лампы. И алкоголя: с тех пор как Глауси, как она прежде называла мужа, устроил ей разнос за амурничанье с лейтенантом Харой, миссис Глаусхоф то и дело прикладывалась к бутылке виски. Или даже к флакону Шанели № 5. Впрочем, может быть, она использовала духи по прямому назначению — Уилт не разобрал. Ему было не до того. Он совсем растерялся, когда к нему подвалила пьяная потаскуха и сказала, что ее зовут Мона.

— Как?

— Мона, малыш, — мурлыкнула миссис Глаусхоф и, дыхнув ему в лицо перегаром, потрепала по щеке.

— Я вам не малыш!

— Нет, пупсик, ты мне малыш. Слушайся мамочку.

— Вы мне вовсе не мать, — Уилт предпочел бы, чтобы шлюха была его матерью, тогда бы она уже десять лет назад отдала Богу душу.

Рука миссис Глаусхоф скользнула под халат Уилта.

— О черт, — вырвалось у него. Проклятое зелье вновь напомнило о себе.

— Так-то лучше, малыш, — прошептала миссис Глаусхоф, чувствуя, как Уилт весь напрягся. — Ты не робей, я тебя так осчастливлю...

— Осчастливлю, — поправил Уилт. В его положении остается тешить себя только знанием правил грамматики. — Если вы думаете, будто... ой!

— Ну что, будешь слушаться мамулю? — спросила миссис Глаусхоф и языком раздвинула ему губы.

Уилт попытался заглянуть ей в глаза, но никак не мог поймать ее взгляд. Ответить он тоже не мог — боялся разжать зубы: змеиный язык миссис Глаусхоф, от которого во рту появился привкус табака и алкоголя, бойко ощупывал его десны, норовя проникнуть глубже. Сгоряча Уилт уже примеривался оттяпать мерзкий язык, но распутница впиалась в такую часть его тела, что о последствиях страшно было подумать. И Уилт стал размышлять о более отвлеченных материях. Какого черта на него все шишки валятся? То какой-то полоумный изверг, потрясая револьвером, грозит размазать его мозги по потолку, если Уилт не расскажет ему про бинарные бомбы, а через полчаса он уже лежит на кровати, застеленной покрывалом, и эта похотливая тварь вцепилась ему в причинное место. Чем объяснить этот несусветный бред? Объяснения Уилт найти не успел: миссис Глаусхоф убрала язык.

— Малыш бяка, обижает мамочку, — простонала она и молниеносно куснула его за шею.

— Ну это как сказать, — буркнул. Уилт, клятвенно обещая себе как можно чаще чистить зубы. — Дело в том, что...

Миссис Глаусхоф всей пятерней ухватила его за физиономию и промяукала:

— Розанчик!

— Рофанфик? — с трудом выговорил Уилт.

— Губки у тебя, как розанчик, — миссис Глаусхоф еще сильнее впиалась когтями ему в щеки. — Не ротик, а розочка.

— А по вкуфу не похофе. — заметил Уилт и тут же пожалел. Миссис Глаусхоф взгромоздилась на него, и перед самым его носом появился сосок, торчащий из розовых кружев.

— Пососи у мамы сисю.

— Пофла к ферту, — огрызнулся Уилт. Но развить эту мысль ему не удалось. Миссис

Глаусхоф навалилась на него грудью, и ее сосок заелозил по его лицу. Уилт начал задыхаться.

За стеной в ванной Глаусхоф тоже задыхался — от бешенства. Он следил за происходящим через полупрозрачное зеркало, которое установил для того, чтобы, лежа в ванной, любоваться, как миссис Глаусхоф надевает наряд его мечты. Глаусхоф уже клял свою хитрую уловку на чем свет стоит. Хитрость называется. Эта шалава совсем совесть потеряла. Патриот Глаусхоф надеялся, что жена просто-напросто вскружит голову русскому шпиону и тем самым тоже выполнит свой патриотический долг. Но трахаться-то с ним зачем? И хуже всего, что обольщала она с явным удовольствием.

Глаусхофу же эта сцена никакого удовольствия не доставляла. Он скрежетал зубами и старался не думать про лейтенанта Хару. Легко сказать — «не думать». А ну как Хара лежал на этой самой кровати и Мона тешила его таким же вот манером? В конце концов Глаусхоф не выдержал, вылетел из ванной в коридор и завопил:

— Ты что же это делаешь, а? Тебе было сказано растормошить стервеца, а ты его возбуждаешь!

— Чего ты бузишь? — удивилась миссис Глаусхоф, поднося к лицу Уилта другую грудь. — Думаешь, я не понимаю, что делаю?

— Я не понимаю, — хрюкнул Уилт. Теперь он мог хоть немного отдышаться.

Миссис Глаусхоф слезла с него и направилась к двери.

— Я думаю, что ты... — начал Глаусхоф.

— Топай отсюда! — взвизгнула миссис Глаусхоф. — Этот парень на меня уже конец наострил!

— Да уж вижу, — проворчал Глаусхоф. — Растормошила, нечего сказать. Дура набитая. Миссис Глаусхоф стащила сапог.

— Ах, дура? — заголосила она и с завидной меткостью швырнула сапог в голову мужа. — Чтоб меня еще всякий хрыч недоделанный дурой обзывал? Да у тебя же встает, только когда я расхаживаю в этих сапогах, как нацист какой-нибудь, — в дверь полетел второй сапог. — Пока не разоденусь, как Гитлер, ты и на мужика не похож. Смотреть противно. А у этого парня хрен, по сравнению с твоим, — прямо как монумент Вашингтону.

— При чем тут мой хрен? Пойми ты: это коммунист, шпион! Опасный тип!

— Ишь ты, — хмыкнула миссис Глаусхоф и сняла бюстгальтер. — Опасный, говоришь?

— Неправда, я не опасный, — возразил Уилт, потихоньку сползая с кровати. Между тем миссис Глаусхоф, пошатываясь, стягивала с себя пояс.

— Предупреждаю, ты влипнешь в историю, — взывал Глаусхоф. Он отступил подальше от двери, чтобы супруга еще чем-нибудь его не зашибла.

— Уже влипла! — рявкнула миссис Глаусхоф, захлопнула дверь и заперла на ключ. Уилт и ахнуть не успел, как она выбросила ключ в окно и двинулась на него.

— Ну, Красная площадь, вот и я.

— Я не Красная площадь! Почему все думают, будто...

Но миссис Глаусхоф не думала — она действовала с неожиданной ловкостью она повалила Уилта на кровать и, встав рядом на колени, склонилась над ним.

— Ну малыш, ну что ты, как не родной? — простонала она. Что должно было за этим последовать, Уилт догадался без труда. И он на деле доказал, что Глаусхоф не зря назвал его опасным типом: ошалев от ужаса, Уилт укусил настырную майоршу за ляжку.

Глаусхоф у себя в ванной одобрительно крикнул.

— Отменить свои приказы? Отменить свои приказы? — от удивления генерал Бельмонт понизил голос на несколько децибелл. — На территорию базы проникает вражеский агент, возникает угроза диверсионного акта, а вы требуете, чтобы я отменил свои приказы?

— Не требую, а прошу, генерал, — мягко поправил полковник Эрвин. — Я просто объясняю, что в политическом отношении ваши приказы могут иметь нежелательные последствия.

— А если оголтелый фанатик взорвет базу к чертовой матери, это как — желательные последствия? Я этого не допущу. Не хочу, чтобы на моей совести была гибель тысяч невинных американских военнослужащих и членов их семей. Майор Глаусхоф делает именно то, что необходимо в данной ситуации. Никто не знает, что проходимец у нас в руках. Пусть Глаусхоф ему все ребра переломает, я и слова не скажу. Я не...

— Маленькая поправка, сэр. Кое-кому уже известно, что Уилт у нас в руках. О нем справлялись по телефону сотрудники британской полиции. А только что охрана у главных ворот спровадила женщину, которая называла себя его женой. Если пресса узнает...

— Пресса? — завопил генерал. — Чтоб я этого поганого слова не слышал! Я отдал майору приказ исключительной важности, директива номер один: не допускать вмешательства прессы. Этот приказ я не отменю ни под каким видом.

— Я и не предлагаю. Я только хочу сказать, что из-за непродуманных действий Глаусхофа мы рискуем привлечь к себе внимание прессы. Мировой прессы.

— Черт, — генерал поежился. Он уже представлял, как журналисты, взгромоздив телекамеры на грузовики, со всех сторон стекаются к базе. А там, глядишь, и бабы из антивоенного движения пожалуют. Генерал поспешил очнуться от этого кошмара — Почему вы считаете, что Глаусхоф действует непродуманно?

— Он перегибает палку. Из-за особого режима секретности складывается впечатление, что на базе не все в порядке. Это первая ошибка. Надо вернуться к обычному режиму, и подозрения утихнут. Ошибка номер два: на базе задержан британский подданный, и если вы позволили майору переломать ему все ребра — а я подозреваю, что...

— Я ему ничего такого не позволял. Я только дал разрешение... ну, в общем, допросить его и... — генерал замялся и, подпустив в голос проникновенные нотки, продолжал: — Да поймите, Джо, Глаусхоф, конечно, олух, но ведь добился же он от Уилта признания в шпионаже. Надо отдать ему должное.

— Это признание — ложь от первого до последнего слова. Я проверил: послал запрос и получил отрицательное подтверждение — чтобы смягчить удар, полковник перешел на привычную для генерала канцелярскую тарбарщину.

Генерал забеспокоился:

— Я не знал. Отрицательное подтверждение? Тогда дело плохо.

— Именно так, сэр. Поэтому я прошу, чтобы вы незамедлительно отдали распоряжение о выведении разведки из-под действия приказа о введении особого режима секретности. Кроме того, я хочу, чтобы новый допрос Уилта был поручен мне. Я его допрошу как положено.

Генерал Бельмонт взвесил эту просьбу, выказав определенную сообразительность.

— Если им руководят не из Москвы, то откуда?

— Вот это и хочет узнать ЦРУ, — ответил полковник.

Через десять минут полковник Эрвин покинул центр управления авиабазы. Он добился своего. Генерал отменил особый режим секретности, а Глаусхофу, под надзором коего пребывал задержанный, предписывалось передать его полковнику Эрвину.

Но это в теории.

* * *

На практике же вызволить Уилта оказалось весьма непросто. Сначала полковник наведалься в штаб службы безопасности и узнал, что Уилта, по-видимому, целого и невредимого, доставили к майору Глаусхофу для допроса на дом. Полковник в сопровождении двух сержантов отправился к майору. Но у самого дома Эрвин усомнился, что Уилт по-прежнему цел и невредим: сверху доносился ужасающий шум.

— Во балдеют, — заметил один сержант. В доме раздавались яростные вопли миссис Глаусхоф; она грозила кастрировать звездорванца, как только остановит кровь, и возмущалась, почему сукин сын, мать его так, не откроет дверь и не выпустит ее. Майор из дальней комнаты умолял жену успокоиться: он как-нибудь отопрет дверь, стрелять в замок ни к чему и не надо заряжать долбаный револьвер.

Миссис Глаусхоф объясняла, что вовсе не собирается стрелять в долбаный замок, лучше она постреляет в майора и долбанного коммуняка, который ее тяпнул. Вот только зарядит долбаный револьвер, и тогда им не жить. Что же это долбанные патроны, мать их так, не лезут, куда им положено?

В окне мелькнуло лицо Уилта. В тот же миг стекло разлетелось вдребезги, из окна вылетела настольная лампа с огромным абажуром и повисла на шнуре. При виде лампы полковник Эрвин содрогнулся. Даже ядреная похабень, которой сыпала миссис Глаусхоф, не шокировала его так, как этот абажур. Он был оклеен вырезанными из журналов картинками садомазохистского свойства, фотографиями кутят и котят в корзинках, изображениями румяных сердечек и цветочков. Чудовищный коллаж уязвил утонченную душу полковника, и он застыл как вкопанный.

На Глаусхофа конфуз с лампой произвел обратное действие. Его не слишком беспокоило, что пьяная супруга норовит пристрелить русского шпиона — тем более что она, по всей видимости, пытается зарядить револьвер патронами не того калибра. Куда страшнее, если она раскурочит весь дом и выставит необычную домашнюю обстановку на всеобщее обозрение. С перепугу майор покинул относительно безопасное убежище — ванную — и метнулся к двери спальни. Очень некстати, ибо, лишив Уилта последней надежды улигнуть через окно, майорша зарядила-таки револьвер и нажала спусковой крючок. Пуля пробила дверь, плечо Глаусхофа, пластмассовый домик хомяка на стенке над лестницей и воткнулась в ковер.

— Господи! — взвизгнул Глаусхоф. — Она все-таки стреляет! Так ты это серьезно?

— Что-что? — переспросила миссис Глаусхоф. Она сама не ожидала, что простое прикосновение к спусковому крючку может наделать столько шума. Это ее удивило, но не обескуражило. — Что ты говоришь?

— Ужас, — простонал Глаусхоф, опускаясь на пол.

— Думаешь, не смогу отстрелить долбаный замок? — петушилась миссис Глаусхоф. —

Думаешь, слабо?

— Нет! Не надо! Господи, я умираю.

— Ипохондрик! — проорала миссис Глаусхоф, очевидно, сводя какие-то старые счета. — А ну прочь от двери! Щас я выйду.

— Только не это, — пискнул Глаусхоф, во все глаза глядя на пулевое отверстие возле дверной петли. — Не стреляй в замок!

— Почему это?

Глаусхоф не нашел, что ответить. Не дожидаясь, когда жена вновь откроет пальбу, он откатился в сторону и кубарем загремел по лестнице. Грохот падения встревожил майоршу.

— Глауси, ты жив? — спросила она и одновременно нажала курок. На этот раз пуля угодила в декоративный мешочек со всякой дребеденью.

Уилт сообразил, что еще немного — и его постигнет участь мешочка и майора И он решил. Ухватив табуретку с сиденьем, отделанным розовыми оборочками, он хрястнул миссис Глаусхоф по голове.

— Крутой мужик, — пробормотала она и растянулась на полу. Насчет Уилта она, как всегда, заблуждалась.

Уилт раздумывал. Если Глаусхоф жив — а судя по звону стекла этажом ниже, так оно и есть, — то высаживать дверь нет смысла. Уилт подошел к окну.

— Ни с места! — крикнули ему снизу.

Уилт замер. Возле дома застыли пять человек в военной форме с пистолетами наизготовку. В кого они целились, было ясно с первого взгляда.

— Будем рассуждать логически, — предложил мистер Госдайк. — Что подсказывает нам здравый смысл? Пока у нас не будет достаточных оснований утверждать, что вашего супруга удерживают в Бэконхите против его воли, вы не можете обращаться в суд. Вы меня понимаете?

Ева в упор взглянула на адвоката Она понимала одно: тут ей ничего не добиться. Это Мэвис насоветовала ей обратиться к мистеру Госдайку, а то, дескать, она еще наделает глупостей. На самом деле Мэвис, конечно же, боится не глупостей. Просто ей не хватает мужества действовать без оглядки, идти на риск.

— В конце концов, может, ты имеешь право подать на него в суд, — объясняла Мэвис на обратном пути с базы. — Надо сперва все обстоятельно разузнать.

Но Ева и так все знала. Она с самого начала чувствовала, что мистер Госдайк не поверит и станет кивать на логику и здравый смысл. Можно подумать, в жизни все подчиняется логике. Ева и слова-то этого не понимает. Для нее логика — все равно что железнодорожная колея, по которой мчится поезд, и никуда с нее не свернуть. А так иногда хочется взять в сторону, рвануть, не разбирая дороги, по полям и лугам, как лихой скакун. Да ведь и поезд когда-то подойдет к станции, а дальше — ступай куда вздумается.

Нет, в жизни не все так прямолинейно. И люди, дойдя до точки, ведут себя не так. Чего там, даже в суде этой логики наищешься. Разве логично, что сажают в тюрьму рассеянных старух вроде миссис Риман, которая вынесла из магазина банку маринованного лука, а заплатить забыла? Она же ничего маринованного не ест. Ева точно знает, когда она развозила обеды соседским старикам, миссис Риман ей говорила, что терпеть не может уксус. А с банкой лука произошло недоразумение: старушка прихватила ее потому, что месяц назад у нее умер китайский мопс по кличке Лучок. Ну как не понять, что это ошибка? А суд не понял. Вот и мистер Госдайк не понимает Еву, а у нее имеются верные доказательства, что Генри на авиабазе. Видел бы мистер Госдайк, как изменился в лице тот офицер, заговорил бы по-другому.

— Стало быть, вы мне не поможете? — спросила Ева и встала.

— Сначала нам необходимо получить доказательства, что вашего мужа удерживают на базе вопреки...

Но Ева уже не слушала. Что толку от пустой болтовни? Она вышла из кабинета спустилась по лестнице и направилась в кофейню «Момбаса», где ее дожидалась Мэвис.

— Ну как, он тебе что-нибудь посоветовал? — спросила Мэвис.

— Нет. Сказал только, что без доказательств ничего не получится.

— Может, Генри вечером позвонит. Он же знает, что ты приезжала на базу, ему наверняка передали...

Ева покачала головой.

— Как же, передали.

— Ева, я вот что подумала, — начала Мэвис. — Генри обманывает тебя уже полгода. Я знаю, ты сейчас станешь спорить, но ведь это факт.

— Обманывает, но не в том смысле. Я-то знаю.

Мэвис вздохнула. Как же наконец втолковать Еве, что все мужчины одинаковы, даже сексуально неполноценные вроде Уилта?

— По пятницам вечерами твой Генри ездит в Бэконхит, а тебе говорит, что преподает в тюрьме. Это ты отрицать не станешь?

— Не стану, — ответила Ева и заказала чай. Кофе — иностранный напиток, а ей сегодня не хочется ничего иностранного. Кофе пьют американцы.

— Ты не задавала себе вопрос, почему он это от тебя скрывает?

— Потому что не хочет, чтобы я знала.

— А почему не хочет?

Ева молчала.

— Потому что боится, что ты станешь его ругать. А за что жены ругают мужей, ты и сама знаешь, правда?

— Я знаю Генри.

— Конечно, знаешь. Но мы и не подозреваем, на что подчас способны наши близкие.

— Ну, тебе, положим, было известно, что Патрик бегаёт за каждой юбкой, — огрызнулась Ева. — Все время рассказывала, как он тебе изменяет. Поэтому тебе и понадобились стероиды этой разбойницы Корее. Вот теперь твой благоверный и сидит перед телевизором.

— Да, — согласилась Мэвис, кляня себя за откровенность. — Но ты-то жаловалась, будто у Генри сексуальная недостаточность. А значит, я права. Уж не знаю, из чего доктор Корее приготовила ему снадобье...

— Из мух.

— Мух?

— Генри сказал — испанские мушки. Он уверял, что чуть не умер.

— Ну не умер же. Так я что говорю. Может, у него такая низкая продуктивность из-за...

— Он человек, а не бык.

— С чего ты быка приплела?

— «Продуктивность»! Можно подумать, Генри — крупный рогатый скот.

— Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать.

Принесли чай. Мэвис подождала, пока удалится официантка, и продолжала:

— Так вот. Тебе кажется, что у Генри сексуальная недостаточность, а на самом деле...

— Я только говорила, что он в постели немножко вялый. И больше ничего такого.

Сдерживая раздражение, Мэвис помешивала кофе. Наконец она решилась и выложила напрямик:

— Вполне вероятно, что он тебя просто не хочет. Зачем ему ты, если он вот уже полгода каждую пятницу прыгает в постель к военнослужащей американке. Вот что я имела в виду.

Ева возмутилась:

— Что ты выдумываешь? Как же он тогда успевал вернуться домой к половине одиннадцатого? Он ведь на базе еще и занятия проводил. Из дома он уезжал около семи, ехать до базы минут сорок пять. Сорок пять туда и сорок пять обратно получается..

— Полтора часа, — нетерпеливо перебила Мэвис. — Ну и что? Может, у него в Бэконхите были индивидуальные занятия.

— Индивидуальные?

— Да, голубушка. С одним человеком.

— Так не положено. По крайней мере, в Гуманитехе. Если в группе меньше десяти человек...

— А вдруг на базе другие правила? И потом, хитростью и не того можно добиться.

Скажите на милость — занятия! Очень хорошо представляю, чем занимался твой Генри. Небось раздевался и...

— Вот видишь, как плохо ты его знаешь. Чтобы Генри разделся на глазах у посторонней женщины? Да ни в жизнь. Он у меня такой застенчивый.

— Застенчивый? — Мэвис хотела напомнить, что вчера утром Уилт обошелся с ней довольно беззастенчиво, но от решительного взгляда Евы ей вновь стало не по себе, и Мэвис смолчала.

Посидев еще минут десять, подружки отправились в школу за близняшками. Но и в машине лицо Евы сохраняло ту же пугающую решимость.

* * *

— Ладно, начнем вот с чего, — сказал полковник Эрвин. — Вы утверждаете, что не стреляли в майора Глаусхофа, так?

— Конечно, не стрелял, — подтвердил Уилт. — Зачем мне в него стрелять? Это его жена пыталась отстрелить замок.

Полковник заглянул в папку, лежавшую перед ним на столе, и заметил:

— У меня другие сведения. Тут сказано, что вы хотели изнасиловать миссис Глаусхоф в извращенной форме, а когда она оказала сопротивление, укусили ее за ногу. Майор Глаусхоф бросился на помощь жене и начал выламывать дверь, а вы в него выстрелили.

— Изнасиловать в извращенной форме? — ахнул Уилт. — Это как?

Полковника передернуло.

— Не знаю. Меня такие вещи не интересуют.

— Уверяю вас, если кого и изнасиловали в извращенной форме, то не ее, а меня. И. если бы вам случилось оказаться в непосредственной близости от ее мочалки, вы бы тоже стали кусаться.

Полковник поспешил отогнать кошмарное видение. В его личном деле значилось: «в высшей степени гетеросексуален», но ведь не до последних же пределов! А «мочалка» миссис Глаусхоф — это уж точно из области запредельного.

— У вас концы с концами не сходятся. — возразил полковник. — По вашим собственным словам, миссис Глаусхоф намеревалась отстрелить замок и выбраться из комнаты, не так ли? Может, вы объясните, зачем ей это понадобилось?

— Я же говорю, ей захотелось... ну да я уже рассказывал. чего ей захотелось. Вот я ее и тяпнул. Что мне еще оставалось? А она озверела и схватилась за пистолет.

— Но почему все-таки дверь оказалась заперта и миссис Глаусхоф пришлось стрелять в замок? Вы хотите сказать, что вас обоих запер майор Глаусхоф?

— Она сама заперла дверь и швырнула чертов ключ в окно, — устало промолвил Уилт. — Не верите — поищите на улице.

— Неужели вы показались ей таким неотразимым, что она вздумала вас изнасиловать... в извращенной форме?

— Просто она лыка не вязала.

Полковник Эрвин встал, подошел к гравюре и вперился в нее, надеясь, что его осенит догадка. Но догадка не спешила. Во всем рассказе Уилта не вызывало сомнений лишь одно: Глаусхофиха действительно была пьяна.

— Как вы вообще оказались у Глаусхофов, вот чего я не понимаю.

— А я, думаете, понимаю? Я приехал сюда в пятницу читать лекцию. Вдруг — здравствуйте пожалуйста: травят меня газом, колют шприцем, наряжают, как больного перед операцией, накрывают с головой одеялом, возят туда-сюда по базе, задают идиотские вопросы про какие-то радиоперехватчики в моей машине...

— Радиопередатчики.

— Ну, передатчики. И притом грозят: не признаешься, что ты русский шпион или пизанутый фанатик-шиит, — получишь пулю в лоб. Но это еще не все. Оказываюсь в какой-то гнусной спальне. Откуда ни возьмись — бабенция, по одежде — ни дать ни взять проститутка. Выбрасывает из окна ключ, сует мне в рот сиськи и угрожает придушить своей мочалкой. Бред? И вы думаете, я смогу что-то объяснить?

Уилт без сил откинулся в кресле и горестно вздохнул.

— И все же я не.. — начал было полковник.

— Ну что вы, ей-богу! Толковать бред — не по моей части. За этим обратитесь к своему майору-кровопийце. А с меня довольно.

Полковник вышел в соседнюю комнату.

— Что вы о нем скажете? — спросил он капитана Форчена, который вместе с техником записывал допрос на магнитофон.

— Звучит убедительно. От Моны Глаусхоф всего можно ожидать: не случится под рукой мужика, она и со скунсом перепихнется.

— Это уж точно, — вставил техник. — Вон лейтенант Хара с ней спутался, а теперь пашет, как ходячий вибратор. Только на витаминах и держится.

— Ну и дела, — нахмурился полковник. — И Глаусхоф еще ведает у нас службой безопасности! С чего он вдруг позволил своей Моне Мессалине оседлать этого субъекта?

— У него в ванной прозрачное зеркало, — вспомнил капитан. — Может, он оттуда наблюдает и ловит кайф?

— Прозрачное зеркало в ванной? Любоваться, как твоя жена дрючит русского резидента, — такая блажь могла прийти только ненормальному.

— Небось, решил, что русские дрючатся не по-нашему, и захотел кой-чего перенять, — предположил техник.

— Поищите-ка ключ возле дома, — велел полковник и вышел в коридор. Капитан последовал за ним.

— Ну? — спросил Эрвин.

— Ничего не понимаю. Капрал из секции электроники, тертый калач, уверяет, что это английская техника специального назначения. Не русская — это точно. Насколько нам известно, никто, кроме англичан, ею не пользуется.

— Вы думаете, за Уилтом следят британские органы безопасности?

— Очень может быть.

— Нет, едва ли. Когда Глаусхоф задал ему перцу, он потребовал, чтобы при допросе присутствовали сотрудники британской разведки. Вы когда-нибудь слышали, чтобы русский агент после провала стремился в объятия британской разведки? Я такого что-то не припомню.

— Остается ваша версия о том, что англичане просто проверяли на вшивость нашу службу безопасности. Тогда все более-менее понятно.

— А мне не все понятно. Будь это рядовая проверка, Уилту уже пришли бы на помощь.

И почему он молчит? Какой ему резон терпеть измывательства? Нет, эта версия тоже ни к черту. Некоторые факты остаются без объяснения: и передатчики в машине, и то, что, по словам Клодиак, Уилт всю лекцию был сам не свой. Сразу видно — дилетант. Сомневаюсь, что он вообще знал про передатчики. Так где же логика?

— Давайте я его допрошу, — вызвался капитан.

— Не надо, я сам. А вы продолжайте записывать. Нам эта запись пригодится.

Эрвин вернулся в кабинет. Уилт на кушетке спал как убитый.

— У меня к вам еще несколько вопросов, мистер Уилт, — произнес полковник.

Уилт пробудился, сел и поднял на полковника мутные глаза.

— Какие вопросы?

Полковник достал из шкафа бутылку.

— Виски не хотите?

— Я хочу домой, — сказал Уилт.

А в полицейском участке Ипфорда инспектор Флинт торжествовал победу.

— Тут все материалы, сэр, — доложил он старшему офицеру, указывая на стопку папок на столе. — В деле замешаны только местные. Суоннел познакомился с поставщиком в Швейцарии. Поехал туда на лыжах покататься. Славное местечко эта Швейцария. Ну, натурально, итальянец сам к нему подвалил. Суоннел говорит — угрожал. А у нашего Клайва, как вам известно, нервишки хлипкие.

— Я на это чуть не купился, — признался старший офицер. — Как-то раз мы его, каналью, уже было привлекли за покушение на убийство. Да вот беда: малый, которого он порезал, не захотел подавать в суд.

— Насчет нервишек — это я с иронией, — объяснил Флинт. — Я рассказываю с его слов.

— И что дальше? Как они химичили?

— А очень просто. Проще не придумаешь. Перво-наперво им понадобился гонец — но такой, чтобы знать ничего не знал. И они выбрали Теда Лингдона. Он то и дело гоняет свой автофургон на континент. У автофургона есть регулярный рейс до Шварцвальда с остановками на ночь Нагнали на Теда страху, пообещали умыть азотной кислотой, если будет кочевряжиться, и принудили выполнять их поручения. Это он сам так рассказывает. В Гейдельберге в фургон без ведома водителя подсовывали товар. Оттуда фургон через Остенде добирался до побережья. Потом — ночным паромом в Дувр. На полпути один проходимец из команды сбрасывал товар за борт. Ночью сподручнее, никто не засечет. А хахаль Энни Мосгрейв — он содержит плавучее питейное заведение — поджидал в проливе и подбирал груз.

— Минуточку, — остановил старший офицер. — Как же это можно отыскать пакет героина посреди пролива, да еще ночью?

— Точно так же, как Роджер пасет Уилта, — по радио. Зелье перевозили в чемоданчике, который запросто держался на плаву. Как только чемоданчик падал в воду, в нем врубался радиомаяк. Жулик ловил сигнал, находил груз, брал на борт и оставлял у буйка возле устья Темзы. Плавучий кабак возвращался в док, а чемоданчик забирал аквалангист.

— Они здорово рисковали. В море течения, приливы. А за товар немалые деньги плачены.

— Никакого риска. Чемоданчик привязывали к цепи буйка, аквалангисту найти — раз плюнуть. Потом товар делили на три части: часть себе, часть Чарли-Гонконгу — он шуровал в Лондоне, а третья часть — Родди Итону. Этот работал в наших краях и в Эдинбурге.

Старший офицер, разглядывая ногти, прикидывал, что может последовать за раскрытием преступления. Спору нет, Флинт постарался на славу, но у старшего офицера шевельнулось нехорошее подозрение, что суд не одобрит действия инспектора. Лучше о них даже не задумываться. Защита и так разберет их по косточкам. Вымогал показания у заключенных угрозами, страдал обвинениями в убийстве, а потом замял дело... С другой стороны, если Флинт действительно добился успеха, значит балбес Роджер может поставить на своей карьере точку. Ради этого стоит рискнуть.

— Вы уверены, что Суоннел и его шатия-братия не морочат вам голову? — спросил старший офицер. — Нет-нет, я не сомневаюсь, что вы все проверили, то вдруг мы передадим

дело в суд, а они отопрутся от своих показаний, и получится...

— А я их показания в расчет не беру. Есть верные улики. Вот получим ордер на обыск и добудем. У них дома или на одежде непременно обнаружатся следы героина и «формалина». Раз они делили товар, то наверняка должны были просыпать. Криминалистам будет чем поживиться.

Старший офицер молчал. Его смущало, что Флинт, как видно, не брезгует противозаконными методами, но начальник смотрел на это сквозь пальцы. Ведь если инспектор в самом деле накрыл шайку торговцев наркотиками, главный констебль и министр внутренних дел останутся довольны. Нынче преступный мир работает так слаженно, что чистоплюйство лучше спрятать в карман.

— Ладно, — сказал старший офицер. — Я поговорю насчет ордера.

— Спасибо, сэр.

Флинт собрался идти, но старший офицер остановил его.

— Теперь относительно инспектора Роджера. Я так понимаю, он разрабатывает свою линию.

— Да, занимается американскими авиабазами. Втемяшил себе в голову, что наркотики идут оттуда.

— В таком случае надо его предупредить.

Однако у Флинта на этот счет были другие планы.

— Разрешите, сэр, я изложу свои соображения. То, что отдел по борьбе с наркотиками копает не там, очень даже кстати. Роджер отвлекает внимание преступников. Стоит ли его останавливать? Так их и спугнуть недолго. Давайте скажем ему потом, когда произведем аресты. Может, это его даже слегка подзадорит.

Старший инспектор вытаращил глаза. Подзадоривать начальника отдела по борьбе с наркотиками? Это еще зачем? Он и так свихнулся от усердия. А впрочем...

— И как вы предлагаете его подзадорить?

— Скажите ему, что главный констебль вот-вот даст санкцию на арест. Это же правда.

— Что ж, посмотрим, — устало сказал старший офицер. — Но вы там особо не зарывайтесь.

— Как можно, сэр, — сказал Флинт и отправился в служебный гараж, где его поджидал сержант Йейтс.

— Ордера на обыск у нас в кармане, — объявил Флинт. — Зелье достал?

Сержант Йейтс кивнул и показал на целлофановый пакет на заднем сиденье.

— Много не дали. Ранки и так ворчал, что нам не положено. Пришлось соврать, что для лабораторной проверки.

— Будет и проверка, — пообещал Флинт. — Все зелье из одной партии?

— Из одной.

— Ну тогда все путем.

Машина выехала из гаража.

— Сперва осмотрим автоприцеп Лингдона, — прикидывал Флинт, — потом обыщем лодку Суоннела и сад за его домом. Повсюду оставим чуток этого добра, а там — дело за криминалистами.

— А как с Родди Итоном?

Флинт вытащил из кармана пару хлопчатобумажных перчаток.

— Я их надену, когда будем обыскивать прицеп, а дома у Родди Итона брошу в

мусорный бак. К Энни даже не поедem, у нее и без нас зелье найдут. Опять же, дружки ее заложат: понадеются, что им за это скостят срок. Только бы эту троицу засудили. Как только сообразят, что им грозит двадцать лет, так всех за собой потянут.

Помолчав, сержант Йейтс посетовал:

— Паскудная работенка. Вон уж и улики фабриковать приходится.

— Ничего страшного. Мы же точно знаем, что паршивцы торгуют наркотиками, они про себя тоже все знают. Стало быть, получают по заслугам. «Дурью» промышляли, пусть за собственную дурь и расплачиваются.

* * *

За что приходилось расплачиваться инспектору Роджеру, совершенно непонятно. Разве что за чересчур пристальный интерес к поразительной семейной жизни Уилтов. Этот интерес усилился после того, как микрофоны под крышей дома Уилтов стали улавливать странные звуки.

Все из-за близняшек. Девочки мешали Еве собраться с мыслями, и она прогнала их в свою комнату. В отместку девчонки поставили долгоиграющий диск, врубили проигрыватель на полную громкость, и дом огласился грохотом «тяжелого металла». Роджеру и Ранку в автофургоне казалось, будто дом № 45 по Оукхерст-авеню сотрясают непрерывные ритмичные взрывы снарядов.

— Да что там случилось с микрофонами, черт бы их драл? — взвизгнул Роджер, срывая наушники.

— Ничего не случилось, — проорал оператор. — Просто они очень чувствительные.

— Я тоже чувствительный! — гаркнул Роджер и заткнул одно ухо мизинцем, надеясь таким образом вернуть себе слух. — А микрофоны определенно барахлят.

— Жуткие помехи, вот в чем дело. Они могут быть от чего угодно.

— Кто-то слушает рок-концерт в пятьдесят мегатонн, — сообразил Ранк. — Глухая она, что ли?

— Как же, глухая, — буркнул Роджер. — Это она нарочно. Небось, перерыли дом и нашли микрофоны. Вот и запузырили музыку. Выключите эту хреновину. Я даже собственных мыслей не слышу.

— Мысли никто не слышит, — сказал Ранк. — Они беззвучные. У них...

— Заткнитесь! — рявкнул Роджер. Не хватало еще, чтобы сержант читал ему лекций о том, как работают мозги.

В относительной тишине Роджер обдумывал следующий шаг. До сих пор противник лихо срывал его планы. А все потому, что у Роджера нет поддержки, нет нужных полномочий. И вдруг старший офицер начинает настаивать на немедленном аресте. В ответ Роджер запросил ордер на обыск. Старший офицер отделался туманными обещаниями — верный признак того, что ордера инспектору не видать как своих ушей. Роджер подумывал вернуться в участок и во что бы то ни стало добиться разрешения нагрянуть к Уилтам с обыском, но сержант Ранк прервал его размышления:

— Все. Концерт окончен. Слышимость прекрасная.

Роджер схватил наушники. В доме по Оукхерст-авеню наступила тишина, которую нарушал только непонятный стрекот (это Эммелинина хомячиха Персиваль для моциона

крутилась в своем колесе). Странно. Когда Уилты дома. тихо там не бывает.

— Машина-то на месте? — спросил Роджер.

Оператор повернулся к монитору.

— Никаких сигналов, — пробормотал он и покрутил антенну. — Наверно, под шумок сняли передатчики.

Инспектора чуть удар не хватил.

— Ах ты раздолбай! — завизжал он. — Ты что же за машиной не следил?

— Я вам что — осьминог с ушами? — вскинулся оператор. — Мало мне idiotских микрофонов, которыми вы наштиговали весь дом, так еще и за двумя передатчиками следи! И нечего меня раздолбаем обзывать!

Не успел Роджер задать ему хорошую выволочку, как сержант Ранк воскликнул:

— Есть! Слабый сигнал. Машина в десяти милях отсюда.

— Куда она едет? — всполошился Роджер.

— Опять на восток. В Бэконхит.

— За ним! Ну теперь ему, паскуде, домой не вернуться: будем брать. Обложу долбанную базу так, что мышь не проскочит. Сдохну, а обложу!

* * *

Ева уверенно вела машину по направлению к базе. В ней говорил гнев, однако Ева этого уже не замечала. Она не представляла, что станет делать на базе, но твердо решила любыми путями узнать правду и вернуть мужа. Надо будет поджечь машину или улечься нагишом на шоссе возле ворот — Ева пойдет и на это. Пусть все узнают.

Мэвис чуть ли не впервые поддержала ее и даже обещала подмогу. Она бросила клич среди членов движения «Матери против бомбы», сколотила команду, в которой оказались не только матери, но и бабушки, взяла напрокат автофургон, обзвонила лондонские газеты, Би-би-си, местное телевидение — короче, позаботилась, чтобы пресса раструбила о затеваемой демонстрации до всему свету.

— Это позволит нам обратить внимание мировой общественности на агрессивный характер капиталистического военно-промышленного комплекса, который подчинил своим интересам политику всех стран, — объявила Мэвис.

Ева весьма смутно догадывалась, о чем идет речь. Она только поняла, что «это», с которого Мэвис начала фразу, — не кто иной, как Уилт. Да Бог с ними, со словами, главное — поступки. И пусть Мэвис проводит свою демонстрацию, а Ева тем временем тишком проскользнет на базу. А не пустят — попытается сделать так, чтобы имя Генри Уилта услышали миллионы телезрителей, которые смотрят вечерние новости.

— Будьте умницами, — наставляла она близняшек, подъезжая к воротам базы. — Слушайте мамочку, и все будет хорошо.

— Если папа действительно сидит у американской тети. ничего хорошего не будет, — возразила Джозефнна.

— Не сидит, — поправила Пенелопа, — а дрючит американскую тетю.

Ева резко затормозила и, повернувшись к близняшкам, свирепо уставилась на них.

— Кто это сказал?

— Мэвис Мотти, — ответила Пенелопа — Она все время рассказывает, кто кого

дрычит.

Ева тяжело вздохнула. Детей в школе для умственно одаренных старательно приучали выражать свои мысли взрослым языком, но Еве казалось, что порой близняшки безбожно злоупотребляют этим навыком. Как, например, сейчас.

— Что рассказывает Мэвис, меня не интересует, — отрезала Ева. — А про американскую тетю — это неправда. Просто ваш отец снова наделал глупостей. Еще неизвестно, что с ним случилось. Мы для того и приехали, чтобы выяснить. Ну, ведите себя прилично и...

— А если неизвестно, что с ним случилось, откуда ты знаешь, что он наделал глупостей? — поинтересовалась Саманта, которая во всем доискивалась логики.

— Закрой рот, — сказала Ева и снова завела машину.

Близняшки на заднем сиденье умолкли и прикинулись пайньками. Это была одна видимость. Собираясь в путь, крошки опять блеснули буйной изобретательностью. Эммелина вооружилась несколькими шляпными булавками, оставшимися после матери Уилта. Пенелопа наполнила пару велосипедных насосов нашатырным спиртом и залепила отверстия жевательной резинкой. Саманта расколотила все глиняные копилки и накупила столько перца, что у продавца глаза на лоб полезли. А Джозефина стянула с магнитной доски в кухне самые крупные ножи с самыми острыми концами. Короче говоря, крошки радостно предвкушали, как разделаются с охраной: чем больше охранников подвернется, тем лучше. Боялись они только одного — что визит на базу обойдется без приключений. Их страхи почти оправдались.

Машина остановилась у ворот. Подошел часовой. Сегодня база уже не выглядела, как осажденная крепость; полковник Эрвин отменил чрезвычайное положение и позаботился, чтобы жизнь на базе шла по заведенному распорядку. Бочки с цементным раствором были убраны с проезжей части, а офицер охраны у ворот территории для гражданских лиц получил указание обращаться с посетительницами повежливее: дородная англичанка с перманентом и орава девчонок не представляют серьезной опасности для ВВС США.

— Проезжайте и поставьте машину вон там, — предложил офицер. — Я сию секунду свяжусь с отделом образования.

О капитане Клодиак он решил на этот раз не упоминать.

Ева проехала за шлагбаум и припарковала машину. Вопреки ее ожиданиям, попасть на базу оказалось легче легкого. Еву даже взяло сомнение: а не ошиблась ли она? Может, Генри тут нет? Но сомнения быстро рассеялись. Передатчики в машине снова дали о себе знать, и едва Ева успела вновь пообещать дочкам, что все будет хорошо, как из караулки появились лейтенант и два вооруженных охранника.

— Простите, мэм, — сказал лейтенант. — Пройдите, пожалуйста, со мной.

— Зачем?

— У нас так положено.

Ева с недоумением взглянула на него и задумалась. Она с самого начала ждала нападения и была готова дать отпор. Хотя слова «пройдите со мной» и «так положено» были произнесены очень любезным тоном, Еве почудилась угроза. И все-таки она открыла дверь и вылезла из машины.

— Дети тоже, — велел лейтенант. — Все выходите.

— Не трогайте девочек, — встревожилась Ева. Она поняла, что попала в ловушку.

Близняшки только того и ждали. Как только лейтенант протянул руку, чтобы открыть

дверь машины, Пенелопа высунула из окна велосипедный насос, а Джозефина выставила нож. Лейтенант не напоролся на нож только благодаря Еве, которая ухватила его за руку и потащила от машины. В тот же миг ударила струя нашатырного спирта. Двое охранников бросились на Еву. Лейтенант в мокром мундире, задыхаясь от аммиачного запаха, кинулся в караульное помещение. Вслед ему летел детский смех, но лейтенанту он казался адским хохотом. Лейтенант ввалился в караулку и включил сигнал тревоги.

Заслышав вой сирен, полковник Эрвин заметил:

— Видно, у нас опять неприятности.

— У вас, — уточнил Уилт. — У меня своих неприятностей хоть отбавляй. Я бог знает сколько дней торчу на базе. Как, скажите на милость, объяснить жене, где я все это время пропадал?

Полковник уже звонил в караулку. Выслушав доклад лейтенанта, он повернулся к Уилту.

— Ваша жена — это такая толстушка, мать четырех детей?

— В общем-то, вы описали ее довольно точно. Но, между нами, называть ее «толстушкой» в лицо я бы не советовал. А почему вы спрашиваете?

— Потому что ваша семейка штурмует главные ворота, — ответил полковник и снова прижал трубку к уху. — Не пускайте... Что значит — не можете? Она не... О Господи!.. Ладно, ладно. Да заткните вы чертовы сирены!

Повисла пауза. Полковник отвел трубку в сторону и уставился на Уилта. Сирены умолкли, и из трубки явственно доносились вопли Евы:

— Верните мне мужа! Но-но, убери свои грязные лапы? А ну прочь от девочек, а не то...

Полковник бросил трубку.

— Еве палец в рот не клади, — как бы в оправдание сказал Уилт.

— Я это уже понял. Скажите, а что она здесь делает?

— Судя по крикам, ищет меня.

— Позвольте, вы утверждали, будто она не знает, что вы на базе. Так как же могло случиться, что она заявила сюда, устроила мордобой и...

В эту минуту вошел капитан Форчен.

— Я решил поставить вас в известность, что звонит генерал, — объявил он. — Генерал требует объяснить, что происходит.

— Почему он меня об этом спрашивает?

— Но кто-то должен быть в курсе.

— Вот кто в курсе, — полковник указал на Уилта — Знает и молчит.

— Просто у меня голова идет кругом, — сказал Уилт. К нему постепенно возвращалось самообладание. Мне очень не хочется впадать в учительский тон, но, по-моему, разобраться, что вообще происходит на белом свете, не может никто. Половина жителей планеты подыхает с голоду, другая половина с жиру бесится да только и думает, как бы себя уничтожить, а...

— Господи ты боже мой, — простонал полковник. Вдруг его осенило.

— Выведите этого мерзавца. Сию же секунду, — приказал он.

Уилт вскочил и попятился. По американским фильмам он слишком хорошо знал, что означает «выведите его».

— Не пойду, — запротестовал он. — И насчет мерзавца вы напрасно. Я, что ли, затеял

этот долбаный бедлам, будь он неладен? А если со мной что случится, кто позаботится о моей семье?

Полковник угрюмо вперился в гравюру. Поистине, английская душа — темный лес, и постичь ее Эрвину не дано. Не зря французы называют Англию «коварный Альбион». Шельмы эти англичане: никогда не знаешь, что они выкинут. Однако надо как-то успокоить генерала.

— Передайте генералу, что это сугубо частная проблема. Да пошевелите там Глаусхофа. Раз речь идет о безопасности, ему и карты в руки.

Капитан направился к двери. Уилт вскипел.

— Если этот маньяк хоть пальцем притронется к моим девочкам, кому-то не поздоровится. Я не позволю и их травить газом!

— Вы отец — вы и призовите их к порядку, — проворчал полковник и вышел из кабинета.

Когда Уилт и полковник подъехали к главным воротам, им стало ясно, что дело приняло скверный оборот. Близняшки выскочили из машины и бросились спасать маму от охранников, хотя никакой необходимости в этом не было: вспомнив занятия на вечерних курсах самозащиты от изнасилования, Ева уже свалила одного охранника ударом в пах коленом. Второго близняшки с ног до головы обсыпали перцем, чем начисто лишили боеспособности. Затем они заняли караульное помещение и взяли лейтенанта заложником. Стараясь избавиться от удушливого запаха, лейтенант сорвал с себя мундир, и близняшки без труда завладели его револьвером. Второй револьвер был отобран у охранника, который корчился на асфальте. Тут к шлагбауму подъехала автоцистерна с мазутом, и близняшки воспользовались ее появлением, чтобы понадежнее защитить подступы к караулке. Под угрозой оружия они заставили неосторожного шофера вылить сотни галлонов мазута на землю. Только после этого автоцистерна медленно-медленно проехала на базу. При виде этого моря разлитого ужаснулась даже Ева.

Джип лейтенанта Хары подлетел к караулке и попытался затормозить. Попытался — и тут же запутался в проволочном ограждении. Выкарабкавшись из машины, Хара схватил переносную рацию и вызвал подкрепление.

— На территорию проникли посторонние! — надрывно вопил он. — Банда левых террористов захватила караульное помещение!

— Какие террористы? Это же просто девочки! — крикнула Ева, но ее слова заглушил вой сирен: Саманта включила сигнал тревоги.

Между тем снаружи вдоль ограды уже выстроились «матери против бомбы». Сковавшись наручниками рука к руке, они образовали живую цепочку, которая перегородила въезд на базу. Крайние укрепили свои наручники на ограде висячими замками. Цепочка пустилась отплясывать что-то наподобие канкана, скандируя:

— К чер-ту пуш-ки! Мир на-ро-дам!

Демонстранток обступили операторы с телекамерами и кучка фотокорреспондентов. Над головами «матерей» лениво покачивался на ветру огромный воздушный шар престранного вида. Он смахивал на жилистый напряженный пенис, а по бокам виднелись загадочные надписи: «Роддом бы, а не бомбы» и «Пусть крылатые ракеты вам и делают минеть». На глазах Уилта и Эрвина шар, который, очевидно, накачивали водородом, стал раздуваться, складки на его пластиковой оболочке разглаживались, утрачивая сходство с крайней плотью, и наконец летучий агитчлен превратился в гигантскую ракету.

Полковник Эрвин, который только что любовался, как перепачканный мазутом лейтенант Хара пытается встать на ноги, при виде надувной ракеты затуманился:

— Старый бомбардья этого не переживет. Думаю, и президент будет не в восторге. Вон сколько телевизионщиков понаехало: всенепременно отведут чертову фаллосу лучшее эфирное время.

Из-за угла вылетела пожарная машина, а следом — джип, за рулем которого сидел майор Глаусхоф. Его правая рука болталась на перевязи, лицо пылало.

Капитан Форчен встревожился:

— Если пожарные вляпаются в мазут, десятка три «матерей» унесут отсюда вперед ногами.

Но машина остановилась благополучно, пожарные бросились раскручивать шланги.

Снаружи к живой цепочке подкатил полицейский автофургон. Инспектор Роджер и сержант Ранк вытаращили глаза на демонстранток. «Матери» скандировали, выкидывая ноги, пожарные поливали мазут и лейтенанта Хару пеной, а майор Глаусхоф здоровой рукой подавал знаки подразделению охраны территории объекта, которое выстроилось на безопасном расстоянии от «матерей» и приготовило канистры с паралитическим газом.

— Стойте, олухи! — гаркнул Глаусхоф, но перекричать сирены не смог. Канистры полетели к ногам «матерей». Полковник Эрвин закрыл глаза. Он понял, что майору хана, однако и его карьера под угрозой.

— Надо убрать детей, пока телеоператоры их не заприметили! — крикнул Эрвин майору. — Действуйте!

Майор покосился на асфальт, залитый мазутом и пеной, на марево паралитического газа. Кое-кто из «матерей» уже валился на землю. А тут еще Саманта как бы невзначай выстрелила из окна и вызвала ответный огонь.

Положение становилось опасным.

— Что мне, жить надоело, — отмахнулся майор.

Тогда Уилт взял дело в свои руки. Не обращая внимания на мазут и пену, он добрался до караулки и вывел оттуда полную даму и четырех крошек.

Роджер их не заметил. Как и телеоператорам, ему было не до семейства Уилтов. Но заваруха возле ворот его тоже не волновала. Почуввав запах ПГ, он поспешил убраться подальше. Однако из-за газа же отъехать далеко не удалось: полицейский фургон дал задний ход, врезался в автобус «матерей», рванул вперед, рикошетом отлетел от машин телевизионщиков, затем его занесло на обочину, и фургон повалился на бок. В тот же миг на Роджера снизошло озарение: а инспектор Флинт не такой уж болван. Поистине, кто свяжется с Уилтами, плохо кончит.

Полковник Эрвин тоже это уразумел.

— Мы вывезем вас на вертолете, — предложил он Уилту, глядя, как «матери» одна за другой валятся без чувств.

— А моя машина? Думаете, я оставлю...

Но его протест был заглушен воплями близняшек. И Евы.

— Хотим покататься на вертолете! — хором голосили близняшки.

— Увези меня отсюда! — взывала Ева.

* * *

Минут через десять Уилт с высоты птичьего полета взирал на кружева тропинок и дорог, россыпь зданий и бункеров. У ворот базы стояли машины «скорой помощи», в которые загружали бесчувственных «матерей». Впервые в жизни Уилт с теплотой подумал о Мэвис Моттрем. Баба она, конечно, вздорная, но зато у нее хватило ума бросить вызов будничному безумию авиабазы. Это местечко — сущий концлагерь. Правда, тут никого не загоняют в газовые камеры, нет дымящих труб крематориев. Но сама жизнь на базе пронизана духом слепого послушания. И Глаусхоф, и даже полковник Эрвин готовы, не задумываясь, исполнить любой приказ. Все они такие, все до одного. Все, кроме Мэвис Моттрем и демонстранток у ограды. Прочие же, когда пробьет роковой час, скажут «Есть!»

— и ввергнут мир в катастрофу. И уже никто не придет освобождать покоренных, и потомки не воздвигнут памятники павшим, не извлекут горькие уроки из страшного прошлого, потому что потомков не будет. Будет лишь тишина. Тишина, голос ветра, голос моря...

То же самое творится и в России, и в поработанных странах Восточной Европы. Нет, там еще страшнее. Там таких, как Мэвис Моттрем, уже заставили замолчать, побросали в тюрьмы, упрятали в психушки. Оно и понятно: там, где царит безумие, здравомыслящие не в чести. Новые лагеря смерти не удостоиваются внимания телеоператоров и фотокорреспондентов. Это же надо: двадцать миллионов русских полегло на войне, которая грозила народу полным уничтожением, а теперь наследники Сталина смертельно боятся своего народа и не позволяют ему даже задуматься, как наладить нормальную жизнь, чтобы не производить технику, способную смести все живое с лица земли.

Безумно, бесчеловечно, глупо. А главное — заурядно. Заурядно, как амбиции доктора Мэйфилда, мечтающего превратить Гуманитех в академическую империю, как стремление ректора сохранить свой пост и избежать нежелательных пересудов. А что там себе думают преподаватели, чему хотят учиться студенты — наплевать. И вот теперь Уилт возвращается к этой жизни. Ничего не изменилось. Ева будет и дальше колобродить без удержу, близняшки вырастут и, вполне вероятно, станут цивилизованными людьми. Да, нет, едва ли. Цивилизованный человек — фикция, выдумка писателей, которые замалчивают человеческие недостатки и слабости, а примеры самоотверженности выдают за правило. Нет, такими цивилизованными людьми близняшкам не стать. Дай Бог, чтобы они и дальше оставались независимыми и своенравными. А путешествие по воздуху им, как видно, доставляет удовольствие.

Вертолет приземлился в пяти милях от базы, возле, пустынной дороги.

— Высадим вас здесь, — сказал полковник. — Я постараюсь прислать за вами машину.

— Мы хотим долететь до самого дома! — заверещала Саманта, перекрывая гул пропеллера. Пенелопа тоже подняла крик: она требовала, чтобы ей позволили спрыгнуть с парашютом на Оукхерст-авеню. Но тут у Евы лопнуло терпение, она по очереди вытолкала дочек из вертолета на жухлую траву и выпрыгнула за ними. Следом прыгнул Уилт. Воздух на мгновение стал упругим, вертолет оторвался от земли и, покачиваясь, полетел прочь.

Когда он скрылся из глаз, Ева наконец подала голос:

— Вот видишь, что ты натворил.

Уилт окинул взглядом пустынную местность. Мало ему допроса, теперь еще хныканье жены выслушивать.

— Пойдем, — сказал он. — Никакой машины мы не дождемся. Лучше поищем автобусную остановку.

Он взобрался по насыпи на шоссе и пошел в сторону города. Далеко в небе что-то сверкнуло. Над землей повис огненный шар. Это майор Глаусхоф трассирующей пулей поразил надувной член Мэвис Моттрем. Сегодня же вечером этот огненный шар, над которым клубится грибообразное облачко, во всей красе предстанет перед телезрителями. Старания демонстранток не пропали впустую.

Семестр закончился. Преподаватели собрались в лекционном зале и изнывали от скуки, как прежде студенты на их занятиях. Сегодня место докладчика занял ректор. Минут десять он терзал слушателей тем, что, плохо скрывая истинные чувства, расшаркивался перед мистером Спайри с кафедры строительства, который наконец-то уходил на пенсию. Еще двадцать минут он сетовал на финансовые трудности и объяснял, почему о капитальном ремонте инженерного корпуса не может быть и речи — даже сейчас, когда неизвестный благодетель пожертвовал колледжу на приобретение книг невероятную сумму: четверть миллиона фунтов.

Уилт с каменным лицом сидел вместе с другими заведующими кафедр и делал вид, будто он тут ни при чем. Кто этот таинственный меценат, знали только он и ректор. Но им приходилось держать язык за зубами, поскольку это была государственная тайна. Дело в том, что неожиданный подарок был платой за молчание Уилта. Об условиях этой сделки с Уилтом договаривались два издерганных сотрудника посольства США в присутствии двух жутковатых субъектов якобы из юридического отдела Министерства внутренних дел. Однако Уилта их зловещий вид не смутил. Он был чист перед законом, во время переговоров его прямо распирало от чувства собственной правоты. Ева разинула рот, услышав, что им предлагают новую машину. Однако Уилт отказался. С него хватит морального удовлетворения: пусть ректор мучается от того, что Фенландский колледж гуманитарных и технических наук вновь оказался обязан своим благополучием человеку, которого он, ректор, уволил бы с превеликим удовольствием. Отныне ему придется терпеть Уилта, пока сам не уйдет на пенсию.

* * *

Но близняшек держать язык за зубами не заставишь. Они с восторгом вспоминали, как обдали лейтенанта нашатырным спиртом и обсыпали охранников перцем, и порывались хвастать своими подвигами каждому встречному и поперечному. Ева по недомыслию попросила их дать слово, что они будут хранить молчание, но Саманта заупрямилась:

— А что такого? Мы просто помогали папе убежать от сексуальной тети.

— Будете распускать языки — придется помогать папе с мамой бежать из тюрьмы, — пообещал Уилт. — Сами знаете, что с вами будет, если родителей упрячут за решетку.

— А что с нами будет? — любопытствовала Эммелина, которой не терпелось устроить папе с мамой побег из тюрьмы.

— Будет то, что вас отдадут на воспитание злющим-презлющим приемным родителям. Всех четырех в разные семьи. Вы больше никогда друг друга не увидите и...

Уилт пустился живописать невзгоды и унижения, которые поджидают падчериц в приемных семьях. От этих кошмаров в духе Диккенса у близняшек душа ушла в пятки, а Ева даже всплакнула. Так Уилт одержал еще одну маленькую победу: никогда еще его слова не производили столь сильного впечатления на домашних. Конечно, это ненадолго, но пока близняшки осмелеют и разболтают о происшествии, их болтовня будет уже не так опасна, и к тому же им никто не поверит.

После этого разговора прежние подозрения Евы взыграли с новой силой. Ложась в постель, она спросила мужа:

— И все-таки почему ты полгода врал, что преподаешь в тюрьме?

Уилт ожидал этого вопроса.

— Ты же сама слышала, что говорили эти субчики из контрразведки про государственную тайну.

— Разведка? Они сказали — из Министерства внутренних дел. При чем тут разведка?

— Как же, Министерство внутренних дел! А ты и уши развесила. Это контрразведка. Да ты сама виновата. Отдала девчонок в самую дорогую школу для липовых вундеркиндов, а на какие шиши нам жить, если...

Спор затянулся за полночь, но Ева все-таки отстала. Она вспомнила, как рассыпались в извинениях сотрудники посольства, сообразила, что о посторонних женщинах не было сказано ни слова, и успокоилась. Слава Богу, Генри снова дома, а на происшествии в Бэконхите лучше поставить точку.

* * *

И вот Уилт сидит рядом с доктором Бордом и радуется своей скромной победе. Хоть он и натерпелся от чужой глупости и бестолковости, но последнее слово все-таки осталось за ним. Случалось, враги и обстоятельства брали его в оборот, однако Уилт в конце концов вышел победителем. Да, он победитель, а не преуспевающий зануда вроде доктора Мэйфилда или, хуже того, озлобившийся неудачник.

— Чудны дела твои, Господи! — изумлялся, доктор Борд, когда ректор наконец сел на место и преподаватели потянулись из аудитории. — Подарить книг на четверть миллиона! Беспрецедентный случай в истории британского образования! Обычно если миллионер расщедритя, то передает в дар самым никудышным студентам благоустроенные учебные корпуса А этот — просто гений.

Уилт промолчал. Очень может быть, что здравый смысл — та же гениальность.

* * *

В отделе дорожного движения полицейского участка Ипфорда, у терминала компьютера сидел бывший инспектор, а ныне сержант Роджер. Он пытался сосредоточиться на проблеме распределения транспортного потока и размещения стоянок между часами пик. Роджер еще не оправился от действия паралитического газа и от совсем уж убийственных действий старшего офицера, который под руководством главного констебля расследовал методы работы инспектора Роджера.

Откровения сержанта Ранка выставили Роджера не в лучшем свете.

— Инспектор Роджер дал понять, что радиоэлектронное слежение за машиной мистера Уилта проводится с санкции старшего офицера, — рассказывал сержант. — Я только выполнял приказ инспектора. То же самое касается дома Уилтов.

— Дома Уилтов? Это что же, у них и дома были установлены микрофоны?

— Так точно, сэр. Они и сейчас там. Нам оказали содействие соседи, мистер Геймер и

его жена.

— Час от часу не легче, — пробормотал главный констебль. — Если об этом пронюхают бульварные газетенки...

— Едва ли, сэр, — успокоил его Ранк. — Мистер Геймер съехал, а миссис Геймер продает дом.

— Ну так уберите оттуда микрофоны! Да побыстрее, пока их не нашли, — прогрехотал главный констебль и принялся когтить Роджера. Во время экзекуции того чуть удар не хватил. Его разжаловали в сержанты, перевели в отдел дорожного движения и пригрозили, что если он еще хоть раз проштрафится, то угодит в собачий питомник, где на нем будут натаскивать служебных собак.

Но окончательно добило Роджера известие о том, что начальником отдела по борьбе с наркотиками назначен Флинт.

— По части наркотиков этому малому нет равных! — восклицал главный констебль. — Надо же, как ловко раскрыл дело.

У старшего офицера были кое-какие сомнения, но он оставил их при себе.

— Это у них фамильное, — глубокомысленно заметил он.

Во время суда «Ипфорд кроникл» и даже центральные газеты поминали Флинта каждый день. Столовая участка гудела от поздравлений. Вот он каков. Флинт Гроза Контрабандистов. А может, и Гроза Адвокатов. Как ни силилась защита доказать незаконность его методов — основания для этого имелись, — но Флинт был во всеоружии. Он засыпал присяжных цифрами, фактами, названиями, датами, предъявил доподлинные улики, и в конце концов победа осталась за ним. После дачи свидетельских показаний он вернулся на место, сохранив незапятнанной свою репутацию честного полицейского старой закалки. Поползновения защиты только настроили присутствующих в его пользу. Стоило сравнить бравого Флинта с темными личностями на скамье подсудимых — и становилось ясно, на чьей стороне правда. А уж судья и присяжные даже не колебались. Подсудимые получили кто девять, кто двенадцать лет, а Флинт — долгожданное повышение. Теперь он стал старшим офицером.

Отголоски разоблачений Флинта долетели туда, где газетной шумихи боялись как огня.

— Что? Она привезла наркотики из Калифорнии, от двоюродных братьев? — выдавил из себя лорд Линчноул, когда главный констебль при встрече рассказал ему о выводах следствия. — Быть этого не может! Наглая ложь!

— Увы, старина. Никаких сомнений. Она привезла зелье в бутылке из-под виски.

— Силы небесные! Я-то думал, она раздобыла его в своем треклятом Гуманитехе. Я был категорически против того, чтобы она там училась. А все мать виновата, лорд Линчноул замолк и отсутствующим взглядом обвел холмистую равнину. — Как, говоришь, называется эта пакость?

— «Формалин». А еще «ангельская пыль». Ее обычно курят.

— Не представляю, как это: формалин — и вдруг курят. Впрочем, женщин не поймешь, правда?

— Где уж их понять, — махнул рукой главный констебль.

Заверив приятеля, что в окончательном заключении криминалистов смерть миссис Линчноул будет представлена как несчастный случай, главный констебль откланялся и отправился выяснять отношения с женщинами, постичь которых ему было не под силу.

Из-за настырного интереса Роджера к семейству Уилтов больше всего пострадала авиабаза в Бэконхите. На подмогу к Мэвис Моттрем и «матерям против бомбы» стекались женщины со всей страны. Демонстрации у ворот стали многолюднее. Вокруг базы образовался целый лагерь из палаток и наскоро сколоченных лачуг. По телевизору то и дело показывали, как вполне добропорядочных пожилых англичанок одурманивают газом и, надев наручники, волокут к укрывшимся неподалеку машинам «скорой помощи». Понятно, что после таких сцен отношения американцев и Фенландской полиции изменились не в лучшую сторону.

Положение еще больше осложнилось, когда Мэвис и ее соратницы применили новую тактику. Они блокировали территорию для гражданских лиц, и изнывающие от скуки американки уже не могли отправиться в Ипфорд или Норидж за сувенирами. Каждая попытка выйти за ограду заканчивалась стычкой с «матерями». Иногда «матери» выпускали американок, но вернуться на базу не позволяли. Тогда схватки становились еще яростнее. Эти баталии так часто мелькали на телеэкранах, что в конце концов министр внутренних дел схлестнулся с министром обороны: они никак не могли договориться, кто из них должен поддерживать закон и порядок.

На самой авиабазе тоже многое переменялось. После того как на глазах генерала Бельмонта исполинский пенис совершил самообрезание, превратился в ракету и взорвался, начальника базы пришлось поместить в приют для умалишенных ветеранов. Там его пичкали успокоительным, и генерал, греясь на солнышке, предавался воспоминаниям о тех блаженных днях, когда его Б-52 бомбил безлюдные джунгли Вьетнама.

Полковник Эрвин вернулся в Вашингтон, привел в порядок облюбованный кошками сад и занялся выращиванием новых сортов душистых нарциссов. В оставшееся же время он использовал свои недюжинные способности для укрепления англо-американских отношений.

Тяжелее всех пришлось Глаусхофу. Его сослали на самый отдаленный и самый радиоактивный ядерный полигон Невады. Там на него возложили такие обязанности, что отныне Глаусхофу приходилось заботиться только о своей собственной безопасности. В общем-то, это и было его единственным занятием. Мона Глаусхоф прибрала к рукам лейтенанта Хару и подала на развод. Затем она поселилась в Техасе и зажила припеваючи на мужнины алименты. А Техас — это не то что промозглый Бэконхит. Тут солнце светит круглый год.

Солнце осветило и дом № 45 по Оукхерст-авеню. Ева хлопотала по хозяйству и соображала, что приготовить на ужин. Наконец-то все идет на лад: Генри вернулся и теперь

ведет себя, как и подобает главе семьи. Пылесоса ковер на лестнице, Ева думала: «Надо будет летом пристроить близняшек и отдохнуть где-нибудь пару недель вдвоем». В самом деле, отчего бы не податься в Коста-Брава?

* * *

Но об этом Уилт уже позаботился. Когда в баре «Кот в мешке» Питер Брейнтри спросил его про планы на лето, Уилт заказал еще две пинты лучшего горького и безмятежно ответил:

— Я за этот семестр так намучился, надо хоть отдохнуть по-человечески. Ехать в какой-нибудь паршивый летний лагерь и дрожать, как бы девчонки опять не накуролесили, — слуга покорный. Я вот что придумал. Близняшек отправим в Уэльс, в спортивный лагерь для искателей приключений. Пусть себе лазают по горам, катаются на пони и доводят инструкторов. Умаются — присмиреют. А я уже снял домик в Дорсете. Поселюсь там и буду перечитывать «Джуда Незаметного»^[21].

— Не мрачновата книжка для отдыха?

— Зато полезная. Не грех лишний раз напомнить себе, что мир — сумасшедший дом и Гуманитех еще сравнительно сносное заведение. И потом, там очень хорошо показано, что безудержная жажда знаний до добра не доведет.

— Кстати, о жажде знаний. Как ты собираешься распорядиться тридцатью тысячами, которые чокнутый филантроп пожертвовал твоей кафедре на покупку книг?

Чтобы скрыть улыбку, Уилт отхлебнул пива. «Чокнутые филантропы». Питер ненароком подобрал очень точное прозвище для всей этой братии: американцев с авиабазы, помешанных на ядерном оружии, и образованных обормотов из госдепартамента, которые даже самого безобидного пантюха-либерала способны принять за изувера-сталиниста или агента КГБ. Наломают дров, а потом, чтобы загладить вину, выбрасывают миллиарды долларов.

— Первым делом подарю инспектору Флинту двести экземпляров «Мерзкой плоти»^[22], — решил Уилт.

— Флинту? Почему Флинту? Что он с такой уймой будет делать?

— Ведь это же он сказал Еве, что я поехал. — Уилт прикусил язык. Выбалтывать государственные тайны ни к чему. — Это премия. Первому полицейскому, который сумел поймать Неуловимого Сверкача. Уж больно заглавие подходящее.

— Заглавие-то подходящее, но двести экземпляров — не много ли? Сомневаюсь, что полицейский, будь он хоть трижды грамотный, захочет прочесть все двести экземпляров.

— Ну так пусть раздаст бедолагам с авиабазы. Они, небось, из-за Мэвис Моттрэм уже на стенку лезут. Я с Мэвис кое в чем согласен, но вообще-то она самая настоящая кликуша.

— И все-таки у тебя еще остается целая куча денег на книги. Я, конечно, рад: кафедре английской литературы книги нужны. Но неужели кафедра навыков общения и...

— Забудь это название. С нынешнего дня она опять будет называться кафедрой гуманитарных наук. К черту заумные словеса. А Мэйфилд и прочая бюрократическая мразь пусть умоются. Теперь я буду гнуть свою линию.

— Ишь, как ты расхрабрился, — заметил Брейнтри.

— Да, — улыбнулся Уилт. — Я теперь храбрый.

И это была чистая правда.

notes

Чем больше перемен, тем больше все остается по-старому (франц.) — афоризм французского писателя А.Карра (1808–1890). (Здесь и далее прим. пер.)

Форстер Эдуард Морган (1878–1970) — английский романист.

Вебстер, Джон (1580?-1624) — английский драматург.

Скрытая цитата из стихотворения Т. С. Элиота «Шепотки бессмертия»: «О смерти Вебстер размышлял и прозревал костяк сквозь кожу». (Пер. А Сергеева)

Роман американского писателя Джеймса Гулда Коззенса.

Роман американского писателя Ульяма Берроуза.

Крайне правая организация расистского толка.

Роман английского писателя Уильяма Голдинга.

Берк, Марта Джейн (1852? — 1903) по прозвищу «Бедовая Джейн» — героиня американского Запада, женщина — скаут, искательница приключений, а также стрелок-трюкач и наездница в знаменитом «Шоу Дикого Запада» Буффало Билла, известного шоумена и охотника на бизонов.

Роман Э.М. Форстера.

Боб Бэкингем — лондонский полицейский, с которым Э.М. Форстер состоял в интимных отношениях.

Картленд, Барбара — английская писательница, автор душещипательных романов и беллетризованных биографий европейских монархов.

Маггеридж, Малькольм — английский писатель и журналист.

Темп Ширли — американская актриса. Сниматься в кино начала с трех лет. В 30-е годы считалась одним из самых популярных «молодых дарований» Голливуда.

Лоуренс. Дэвид Герберт (1885–1930) — классик английской литературы. Значительное место в его творчестве занимает тема отношения полов.

Дрейк, Френсис (1540–1596) — английский мореплаватель, руководитель пиратских экспедиций в Вест-Индию.

База ВВС США в Великобритании, ставшая центром массовых антивоенных выступлений.

Название ряда протестантских церквей.

Боудикка (I век н. э.) — предводительница восстания против Римского владычества в Британии.

Форт Нокс — населенный пункт в штате Кентукки, где хранится золотой запас США.

Роман английского писателя Томаса Гарди.

Роман английского писателя Ивлина Во.